

РОКОВ Валентин

ТАКИЕ МЫ
ВСЕ РАЗНЫЕ

РАССКАЗЫ

сн

Валентин РОКОВ

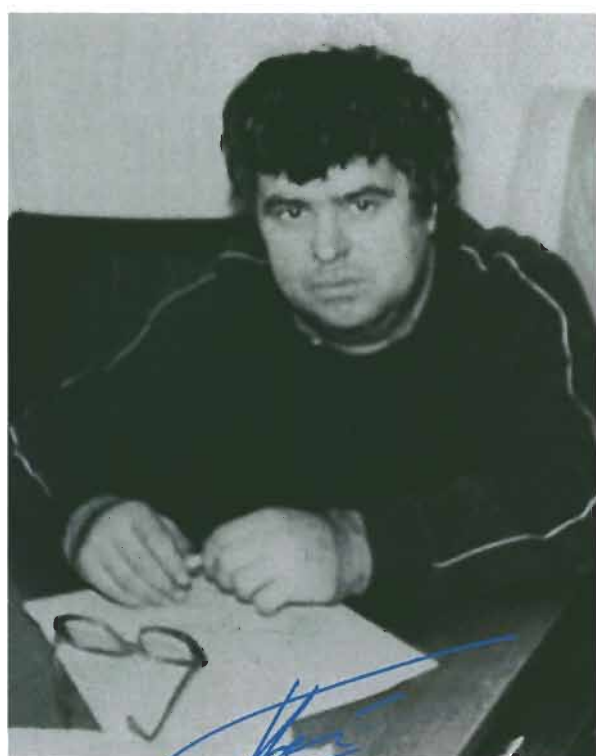
ТАКИЕ МЫ ВСЕ РАЗНЫЕ

II

СБОРНИК РАССКАЗОВ

Дарю книгу
Богдану
и адвокату
21.06.17 г.

Кемерово 2017

БЫСТРО ЛЕТИТ ВРЕМЯ

Статистика свидетельствует о том, что в настоящее время число браков в России равно числу разводов. Семейный корабль, ведомый неопытной рукой, терпит крушение, похоже, при первом же шторме в море житейских неурядиц. И так потом приходится жалеть, что не знаешь всех секретов крепости семейных уз! Ну, тем жалеть, кто тонет, а вот Амина Хасановна и Галимхан Могасумовы знают их эти секреты досконально. Поэтому уже полвека они вместе. Недавно Могасумовы отпраздновали свою золотую свадьбу. А началось у них всё...

— С коровы... — рассказывает Амина Хасановна.

— В тот день мне нужно было встретить корову с пастбища. Я взяла с собой племянницу и пошла встречать корову. Девочке было три годика, по-русски она ещё не умела изъясняться, и мы с нею разговаривали на родном языке. Вышли на окраину посёлка, остановились и ждём. Вдруг слышу — кто-то сзади здоровается со мной по-татарски. Я оглядываюсь, стоит молодой парень. «Исянсис» — отвечаю. И тут же спрашиваю: «А почему вы со мной поздоровались, я вас совсем не знаю? Кто вы такой будете?». Он отвечает, что услышал родную речь и решил поздороваться. Объяснил, что приехал из Успенки в гости к своим родителям Могосумовым. Вот так мы познакомились.

Вечером пошли с ним в кино. Он рассказал, что доработает в Успенке до осени и приедет жить сюда. Так и произошло — он осенью всё-таки приехал, и мы с ним стали встречаться. Год дружили, а потом расписались в поселковом совете, и я перешла жить к его родителям...

Молодая семья жила со свёкром и свекровью. Конечно, сложно было двадцатилетней девчонке входить в чужую семью, подчиняться заведённому порядку. Но Амина нутром

чувствовала, что так надо, и где лаской, а где услужливостью очень скоро расположила к себе родителей мужа. Стала своей в их семье. А потом, когда погодками, друг за другом родились сын и дочь, семейные отношения ещё больше скрепились.

— Как же быстро летит время! – вступает в разговор Галимхан Могосумов.

— Родился я в 1926 году. В войну работал при Кельбеском приисковом управлении в артели «Горняк» забойщиком. Добывали золото для фронта. После войны родители переехали из Успенки на шахту «Южная». Меня начальство не отпустило, потому что я умел распускать брёвна на доски. Прииску нужен был такой специалист при строительстве драги. Сказали мне: вот построим драгу, тогда и отправляйся на все четыре стороны. В 1949 году на лето в Успенку нагнали золотарей с Мурюка, Лево́й Вершины, Благовещенки, и приступили мы к строительству драги. Осенью закончили. Я и рассчитался.

С ноября 1949 года он уже работал на участке №6 шахты «Южная» проходчиком первой руки. Галимхана заметило начальство, и когда в 1954 году при шахте «Центральная» в Кемерово открыли курсы бригадиров, отправили туда от шахты «Южная» Михаила Мирончикова, Степана Стацюка и Галимхана Могосумова. По приезду с курсов главный инженер шахты Александр Александрович Фролов и предложил возглавить Могосумову бригаду для проходки основного штрека.

Самой бригады как таковой ещё не было. Её надо было создавать. Работа её строилась по-новому. Обычно каждое звено в конце смены определяло замерами объём проделанной работы. И вот при таком единоличном подходе сплошь и рядом происходили недоразумения. Отработал, допустим, шахтёр смену, отпалил забой, убрал породу, а закрепить выработанное пространство не успел по времени. Осталось затянуть борта

или забить клинья – на пять минут дела. Но приходит сменщик, становится в забой и говорит: «Всё, друг, твоё время вышло». И за недоделанное вычитывает из твоих метров в свою пользу 5-10 сантиметров.. Насколько можно было договориться. Разве не обидно? Чтобы не было таких распрей, решил главный инженер создать сквозную бригаду, где бы все звенья работали на конечный результат. «Бери, – говорит, – в бригаду любого из тех, кто работает на шахте, и действуй. Будешь давать по 60 метров проходки в месяц и то хорошо».

Трудно было при создании сквозной бригады ломать психологию умеющих хорошо работать шахтёров. «Мой друг Киселёв, – вспоминает Г Могосумов – он был постарше меня, говорит: я уйду от тебя. Почему? – спрашиваю. Отвечает: мыс тобой будем бригаду обрабатывать, а зачем?».

И всё же сквозную бригаду из 12 человек удалось сбить. Пошла работа. И ругани между сменами не стало. Работали ведь на конечный результат. Обиды никакой. Конечно, одно звено из-за условий работы могло когда-то сделать меньше другого. Но уже следующая смена перекрывала невыполнение первой. Люди осознали преимущество такого подхода к делу. Привыкли друг к другу, появилась заинтересованность в конце смены подготовить как можно лучше забой для работы в нём следующей смены, чтобы та могла дать больше метров для всей бригады. Веселее стало работать. Как бы семейный климат образовался, и члены бригады стали дружить семьями. Совместно решали и личные проблемы: например, помогали строящимся членам бригады. Очень часто выезжали в лес отдыхать. Устраивали в праздники сабантуи.

И это не преминуло отразиться на производственных показателях бригады. Уже в феврале 1955 года прошли 118 метров основного штрека. В марте – 112 метров, а в апреле – 135 метров. Бригада во всесоюзном соцсоревновании за высокие

показатели работы завоевала третье место и была премирована пятью тысячами рублей. Потом ещё дважды завоёвывали по Союзу вторые места и получали по семь тысяч премиальных рублей. В 1960 году коллективу (первому на шахте!) было присвоено звание «Ударник коммунистического труда» ...

О том, что Галимхан Могосумов умел хорошо работать, свидетельствуют его трудовые награды. Его имя занесено в книгу Почёта шахты «Южная». В апреле 1957 года он награждён орденом Трудового Красного Знамени. В октябре того же года – Почётной грамотой Президиума Верховного Совета РСФСР. В 1960 году ему присвоено звание «Почётный шахтёр». Награждён он и медалью «За доблестный и самоотверженный труд во время Великой Отечественной войны». В 1955 году Домом техники треста «Кемеровоуголь» была издана книга «Опыт работы бригады проходчиков тов. Могосумова». Поднятый им почин сквозной бригады очень скоро был подхвачен не только всеми производствами «Южной», но и другими шахтами комбината Кузбассуголь».

Четыре десятка лет трудового стажа насчитывается у Галимхана Могосумова. Но разве смог бы он трудиться так много и добросовестно, не будь у него крепкого и любящего тыла? Ведь благодаря Амине Хасановне, он думал о погонных метрах, а не о семейных неурядицах. Неурядиц этих (по большому счёту) просто не было. Амина Хасановна воспитывала детей. Вела хозяйство, ухаживала за живностью и огородом. Готовила разносолы на зиму. Провожала мужа на работу. А незатейливый «тормозок», заботливо приготовленный её руками, в тёмном и сыром забое был особенно вкусным. И напоминал о доме, где его ждали. Так что половина всех званий, которые имеются у Г. Могосумова, по праву принадлежат и А. Могосумовой.

50 лет они вместе. В горе и радости, трудах и заботах. 50 лет они любят друг друга, особо не задумываясь над секрета-

ми счастливой семейной жизни. А может быть именно в любви и кроются эти секреты?

2000 год, октябрь.

КАК ХОРОШО, ЧТО ВЫ ЕСТЬ!

В семейном альбоме Виктора Яковлевича Солопова наткнулся я на фотографию: красивого парня лет двадцати облепила стайка девчат, а он сидит с гармошкой на коленях и добродушно улыбается. Молодым задором так и веет с его лица, Освещённого счастьем, лица. Ещё бы! Самостоятельная жизнь только началась, но он уже поверил в себя, свои силы – неожиданности будущего не пугают парня.

Виктор Яковлевич родился в 1938 году в Кемерово. Его родители работали на шахте «Северная». Потом семья переехала жить в Барзас, где он и закончил в 1957 году десятилетку. С детства полюбились ему странствия по тайге, общение с природой, а потому решение сына посвятить жизнь геологии, не было неожиданностью для родителей и друзей. Перед поступлением в институт захотелось Виктору узнать поближе будни геологов. Он и устроился на работу в Глушинскую геологоразведочную партию. Трудился в ней сначала младшим буровым рабочим. Но не только трубы и керны таскал – интересовался всем, что связано с бурением и геологией. А бурили они тогда скважины – оконтуривали Глушинское угольное месторождение. Начальство очень скоро отметило старания пытливого паренька – перевело в старшие буровые рабочие, доверило самостоятельно вести процесс бурения скважин.

«После работы, – вспоминает Виктор Яковлевич, – стояли мы тогда у села «Восьмое марта», сейчас оно «Ровенское» зо-

вётся, молодёжь с буровой ходила в сельский клуб на танцы. Я умел играть на гармошке. Отличный инструмент у меня был – хромка. Мелодию любой песни я хватал на слух и тут же воспроизводил её. Хромка тогда была моим неразлучным другом. С нею и подался я с друзьями на танцы. В клубе был штатный баянист. Играл он вяло и одно и то же. И когда девчата попросили меня сыграть на гармошке, чтобы разорвать навеваемую баянистом скуку, я выдал, да так, что превзошёл все их ожидания. Мгновенно переключаясь с одной песни на другую (а знал я их множество, и все – самые популярные, и мог не только играть, но и петь), я сразу же овладел вниманием молодёжи и буквально поставил весь клуб на уши. Сменяющие друг друга танцевальные ритмы и песни не смолкали в тот вечер до утра. После этого посещения меня обязали приходить в клуб в свободные от работы вечера. Играть уставал, хотелось и самому потанцевать, но просили, и я играл вновь и вновь. Восхищение публики, конечно, меня радовало.

Игра на гармошке для Солопова в то время была любимым занятием, но он никогда не задумывался над тем, чтобы посвятить музыке всю свою жизнь. Натолкнули его на эту мысль рабочие буровой вышки. «С твоим талантом, Витька, тебе надо поступать в музыкальное училище. Крутить трубы может любой из нас, а играть, как ты – никто». И убедили парня поехать осенью в Кемерово. Пришёл Солопов в музыкальное училище, стоит в коридоре со своей хромкой. Народ мимо движется – косится на него: что это за фрукт такой, чего ему здесь надо? А Виктор не знает, что ему делать, к кому обратиться следует. Стоит и ждёт. Молодец – дождался. Подходит к нему симпатичный дядечка, участливо спрашивает:

— По какому поводу к нам появился?

— Поступать приехал.

— А что ты умеешь?

— Играть могу, — отвечает Солопов, — петь ещё.

Повёл его мужчина к себе на прослушивание. Заглянул в один кабинет, позвал: «Эмилия Александровна, пойдём ко мне, у нас интересный экземплярчик появился!». Как впоследствии узнал Виктор Яковлевич — это были супруги Бурнашёвы, ведущие преподаватели музыкального училища. Усадили они его в кабинете, заставили сыграть несколько известных песен и пропеть одну. Поёт Солопов, играет — слушают они его и переглядываются. Потом мужчина начал стучать по клавишам пианино и спрашивать:

— Сколько звуков

— Один.

— А сейчас?

— Три.

И так далее. Ни разу парень не ошибся. Слух у него, тайгою отточенный, отличный был, разобрать сколько звуков звучит одновременно ему и без тренировки проблемой не оказалось. Вот это преподавателей и удивило.

— Ты в музыкальной школе учился?

— Нет.

— Ну даёшь! Вот что, Эмилия Александровна, я его в свою группу забираю!

Попал Солопов в группу Романа Павловича Бурнашёва. Теория музыки ему давалась легко. Через полтора года по знаниям он обогнал сокурсников, стал уважаемым человеком. По окончании училища дирижёром хормейстером в 1965 году он был направлен работать в Берёзовский. Первое время (полгода) преподавал в музыкальной школе посёлка шахты Берёзовская, потом — в музыкальной школе посёлка Октябрьский. Школа эта размещалась в деревянном здании бывшей раскомандировки строителей напротив школы №3. Преподавал теорию музыки, обучал детишек игре на фортепьяно, ра-

ботал и директором. Тогда в школе обучалось около тридцати человек.

В 1975 году, когда Виктор Яковлевич заканчивал уже Кемеровский институт культуры, школу эту перевели в дом №17 по проспекту Ленина. Разместилась она в трёхкомнатной квартире. Место хорошее, но площадь недостаточная, так как количество родителей, желающих дать своим детям музыкальное образование, во много раз увеличилось: занималось в ней уже 160-180 человек. А вскоре, что и спасло положение, появилась необходимость в создании в Берёзовском школы искусств, где можно было проводить занятия не только по музыке, но и по хореографии, изобразительному искусству.

Незаметно подкрался пенсионный возраст.

— Теперь-то уж отдохнёте, говорю новоиспечённому пенсионеру.

— Какой отдых? – отмахивается Солопов.

— Буду работать. Куда же я дену своих учеников? Я к ним привык. Новых набирать не буду, а этих подготавливаю к выпуску.

— Беспокойтесь, что ваши коллеги с ними не справятся?

— Есть и это – каждый учит по своей системе, мои привыкли к моей. Да и их характеры и способности я изучил досконально. С детьми вся моя жизнь, как же не беспокоиться о них?

За жизнь свою он много детей приобщил к музыке. На стоящем у стены в кабинете стареньком и громоздком фортепиано «Рениш», по его словам обучилось игре не менее 500 ребятишек. А сколько усилий требуется затратить преподавателю, обучающему игре ребенка на музыкальном инструменте! Да хоть каким ты обладай талантом, но обучение музыке требует усидчивости, которая у ребятишек редко бывает, а учителю надо из них сделать музыкантов. Он старается привить детям любовь к музыке, каждому по тысяче раз терпеливо показывает

расположение клавиш на инструменте, заставляет запоминать, сердится, если ученик фальшивит, но не ругается, а снова и снова проигрывает с детьми то, что уже по ночам в голове учителя гудит набатом. Конечно, не все ученики Солопова, получившие под его руководством музыкальное образование, смогли себя выразить в музыке, но то, что она благотворно повлияла на их дальнейшую жизнь, несомненно. В Костюнин стал видным работником нашего горздрава, и очень интересным человеком: голос у него очень хороший, пел в хоре и для себя лично. Ира Буб – теперь учительница французского языка в школе №15. Игорь Миншин – аспирант философии. А некоторые всё-таки нашли себя в музыке: Марина Юзвяк и Маша Зиновик работают преподавателями в Берёзовской школе искусств, Оксана Савельева и Юра Протас – преподаватели музыкальных школ в Кемерово.

Солопов не ограничивал себя работой только в музыкальной школе: специальность хормейстера позволяла ему на общественных началах работать с хором детей в школе №3, по 10 лет работать с хорами горздрава и ЦОФ. В 1986 году при ДК шахтостроителей стали собирать хор ветеранов. Солопову предложили помочь вновь создаваемому коллективу обрести крылья...

При социализме большое внимание уделялось проведению на предприятиях культурно-массовой работы. «Великое дело строителей коммунизма невозможно двигать вперёд без всестороннего развития самого человека», – повторялось на всех партийных съездах. И в этом отношении, я думаю, поступали правильно: общение людей при проведении культурно-массовых мероприятий, той же самой спевки хора на сцене, обогащало их. Желающих участвовать в спевках у Солопова было много.

Получалось у него с созданием хоров на предприятиях. Получилось и с хором ветеранов. Даже очень хорошо получилось:

этот хор «Победитель» под его руководством стал известен в нашей области и во всей Сибири. В 1993 году он получил звание народного хора России. Для создания такой «боеготовой» единицы Виктор Яковлевич приложил очень много труда. А переживания? Что ж, они не в счёт. Организовывался хор для пожилых людей как место спасения от одиночества. В хор набирались граждане, достигшие 60 лет. Одной из активнейших участниц хора Лидии Николаевне Смолиной сейчас 82 года. Хочет человек пообщаться со сверстниками, вспомнить прежние шалости – и идёт записываться на коллективное пение. Петь он может и не шибко умеет. Но в этом ли главное? Из непрофессиональных певцов Виктор Яковлевич Солопов «сделал» конфетку – создал хор, удостоившийся звания «народный». Для этого большим талантом надо обладать человеку. И Солопов им обладает. Любят его участники хора, как сына родного. Беспокоятся о его здоровье.

А люди с удовольствием слушают исполняемые этим хором песни. Их в репертуаре хора уже более 150 – народные, лирические, патриотические, местных авторов. Хор по уходу на пенсию Виктор Яковлевич не оставит. И делать аранжировки песен известных нашему городу и области бардов Виктор Яковлевич тоже не бросит. То есть по всем позициям у него всё останется на прежних местах. Потому что пенсия для него не уход от активной деятельности, а рубеж, на котором можно подвести некоторые итоги, получить некую отдушину во времени для своих слабостей, увлечений, не связанных с музыкой. Накопать, допустим, на зиму хрена, съездить на рыбалку, засолить банок 30 огурцов. Рыбак он заядлый, и дача у него отличная.

А итоги на рубеже шестидесятилетия у Солопова замечательные: 33 года работы в музыкальном образовании города.

Он бодр. Прекрасно выглядит Любим коллегами и учениками. «Без вас, – пишут они на вручённом ему на юбилей ди-

племе, – как в лесу без листвы, нам холодно и одиноко. И вообще, нам хорошо от того, что вы есть, от того, что вы здесь». Он ещё очень нужен детям, коллегам, участникам хора, друзьям.

Счастья Вам, Виктор Яковлевич!

1998 год.

ОН ЖИЛ, КАК ВЕЛЕЛО ВРЕМЯ

Ленинград. Васильевский остров. Едва не в середине его, на шестой линии, в здании бывшей Ларинской гимназии, располагалось ремесленное училище №15. Туда в 1942 году поступил учиться Фёдор Васильевич Харитонов. Тогда ему было 12 лет. – рановато для освоения рабочей специальности. И только протекция брата-преподавателя и то обстоятельство, что мальчишка остался крутой сиротой, позволили ему заняться освоением профессии токаря. Потом, под Нарвой, в 1942 году его брат погиб, сражаясь в частях дивизии народного ополчения. А он остался в живых. В 1945 году закончил училище, получив 5 разряд. До службы в армии работал на военном заводе в Ленинграде. После армии, в 1955 году, поехал за романтикой в Берёзовский. Здесь и женился. У Фёдора Васильевича двое детей и пять внуков.

До 1966 года работал он на шахте «Берёзовская», потом по 1998 год – на «Бирюлинской». Теперь на пенсии он. Во время работы на шахтах его хорошо знали как высокотехнического специалиста и рационализатора. Теперь же он известен лишь узкому кругу сверстников как блокадник и бывший работник тыла. Такие, как он, ценны для нас всех, потому что являются участниками событий истории России. К сожалению, этих людей с каждым годом становится всё меньше. Сегодня Ф. В. Харитонов делится своими воспоминаниями о той войне, которую ему пришлось пережить в детском возрасте.

Война застала меня на территории Финляндии, куда я по окончании четырёх классов поехал отдыхать к сестре на лето. Возвращался домой со взрослыми в объезд железных дорог, которые в начале боевых действий захватили немцы. Переправлялись через залив в трюме баржи. Немцы бомбили баржу, и, чтобы скрыться от них, капитан устроил дымовую завесу. Я сумел выбраться на палубу. Картина открылась жуткая: всё в дыму, ничего не видно, зато слышно, с каким душераздирающим воем кружатся над баржей самолёты, как взрываются вдоль борта бомбы. Первые впечатления от этой войны для меня, ребёнка, были такие: страшно и интересно. На плачущих рядом в трюме женщин я смотрел снисходительно: трусихи, что с них возьмёшь?

Наш детский дом находился в Ориенбауме, в пятидесяти километрах от Ленинграда. Поэтому попытки немцев прорвать оборону большого города с воздуха иногда увенчивались успехом. Мне хорошо запомнился один из таких случаев: вечером нас уложили в постели. Воспитательница, потушив свет, ушла. Мы лежим, перешептываемся. Вдруг слышим, со стороны моря приближается рокот самолётов. Выстрелов никаких. Подумали, что это наши самолёты. Наверное, так же подумали и зенитчики. А потом как жахнуло! И началось! Ожила вся противовоздушная оборона. От взрывов бомб заколыхались наши кровати. Я на себя одеяло натянул и лежу. Затаился: «Может не попадут». От страха дышать перестал. Другие мальчишки, потом узнал, под кровати забились. Никто из комнаты не выбежал. И хорошо. Потому что когда через десять минут всё затихло, немцев отогнали, мы выглянули на улицу и увидели, что одна бомба попала в рядом стоящее здание и целиком его разрушила.

В 1942 году, когда немцы приблизились к Ориенбауму, многие его жители и детский дом были эвакуированы в Ле-

нинград. А там у меня жил брат. Он работал преподавателем в ремесленном училище №15. Это училище было очень известно в нашей стране. Оно готовило кадры не только для города, но и для других промышленных центров России. Туда попал и я на полное государственное обеспечение. Одежда – бушлат, брюки, пиджачок и ботинки. Еда: 125 граммов хлеба на день, шпроты, запеканка из жмыха – отхода переработки сои – и дрожжевая болтушка. НЕ ахти какая еда, но мы были и этому рады, потому что такое не каждый ленинградец мог позволить себе тогда. Зимой в столовой училища было холодно, но всегда чисто и на столах стояли вазы с бумажными цветами.

В войну мы не только учились. Но и, как все жители города, принимали участие в его обороне. По Ладожскому озеру «дорогой жизни» из Ленинграда было эвакуировано в Алтайский край 500 ремесленников училища. Остальных 600 мальчишек разбили на роты, одна из которых помогала взрослым возводить оборонительные сооружения, другая – ночами дежурить на крышах и сбрасывать зажигательные бомбы. Я же был в роте, которая в мастерских училища вытачивала для фронта стабилизаторы для мин, корпуса ручных гранат, сложные детали реактивных снарядов «Катюша» и узлы пулемёта «Максим».

К нам требования были как к взрослым. Попробуй, не выполни норму! Нет, нас не обижали наказанием, но самим было стыдно: там, на фронте, твои родные за тебя кровь проливают, а ты тут лодыря гоняешь. Не могло такое уместиться тогда в душе.

Война нас заставляла быть серьёзными, чувствовать ответственность, принимать жизнь такой, какая она есть. Хотя, если по совести, мы и тогда оставались мальчишками.

К нам в училище приходили в гости настоящие писатели. Был даже Фадеев. Выступали с концертами и известные артисты. Город и в войну продолжал жить.

С продуктами было тяжело. Летом, чтобы поддержать себя, жители обрабатывали для своих грядок любой клочок неиспользуемой земли. Даже Марсово поле, на котором раньше проходили учения, умудрялись целиком засаживать картошкой. Как же мы были рады, когда 13 января 1943 года узнали, что наши войска прорвали блокаду немцев – теперь-то уж прибавят паёк! Прыгали в комнате общежития до потолка.

А в январе 1944 года я стал свидетелем победного 20-залпового салюта из 224 орудий в честь снятия блокады Ленинграда. На следующий день или попозже в город на площадь привезли захваченные у немцев шесть дальнбойных орудий «Берта». Длина ствола такого орудия была более 10 метров., я с презрением топтал его своими ботинками за то, что оно столько времени безнаказанно обстреливало наш город. Ленинград выстоял! Мы, ремесленники, радовались тогда наравне со всеми.

Через полтора года Фёдору Васильевичу Харитонову вручили «красный» диплом об окончании училища. Полученных там знаний и того заряда жизнеутверждающих начал ему вполне хватило, чтобы прожить все 70 лет. Его премировали на работе за хороший труд. Поощряли десятки раз за рационализаторские идеи, приносившие неоспоримую пользу производству. Он жил так, как велело время. И сейчас живёт по его велению. Ну как о таком человеке не вспомнить сейчас, в День пожилого человека?

2000 год.

ЖЕРТВА

Общеизвестно, что НКВД поставлял на шахты Кузбасса людские ресурсы – дармовую рабсилу. Сегодня передо мною находится Вениамин Иванович Имбри – реабилитированная, а значит безвинная жертва произвола НКВД, на многие годы превращённая в дармовую рабсилу. Как это произошло?

Имбри – такую красивую, непривычную для русского слуха фамилию завёз в нашу страну отец Вениамина Ивановича из Италии. Он не думал о том, что ему (румыну по национальности) придётся пускать корни в Сибири. В 1916 году рота румын, выставленная немцами против русских, отказалась воевать и в полном составе сдалась в плен: умирать раньше времени никому не хочется. Уж лучше неволя, чем смерть. И забвение. Не воинственных румын царское правительство отправило под Новосибирск в село Прокудино.

В 1917 году Имбри женился на дочери одного из потомственных казаков, переселившихся в Сибирь с Дона ещё в конце прошлого века. А после революции, когда была разрешена свобода передвижения, уехал к морю, на Дальний Восток. Поселились молодожёны на руднике «Артём» у станции Угольной в нескольких десятках километров от Владивостока. Там море оно совсем рядом. В 1921 году уже в Шкотово (Приморский край) родился у молодых Веня. Но не прижились они у моря – вернулись в Прокудино в 1926 году, а там голод, холод, устроиться на работу трудно. Чтобы прокормить семью и вырастить Веню, чета Имбри приехала в Кольчугино (нынешний Ленинск-Кузнецкий), где глава семьи устроился на шахту саночником. Подвозкой угля и занимался на шахте Имбри до 1931 года. Вступил в партию коммунистов и его, как наиболее грамотного, определили работать на Центральном складе рудоуправления Ленинскуголь.

Вениамин Иванович к тому времени, окончив начальные классы в старой переселенческой школе, перешёл учиться в среднюю школу. Отец его не оставлял попыток побывать на своей родине.

В 1935 году ему наконец-то прислали визу и он уехал в Румынию... Назад не возвратился: написал, что не отпускают. Мать Вени пошла работать на шахту.

— После занятий в старших классах школы – вспоминает Вениамин Иванович, – я играл в духовом оркестре клуба железнодорожников... В оркестре подобрались хорошие ребята, даровитые. Очень скоро мы не только Интернационал и похоронный марш исполнять могли, но и извлекать из своих труб зажигательные румбы, воздушные вальсы, лезгинку и «барыню». Нас постоянно приглашали на демонстрации, а ещё мы играли на танцплощадке ДК.

В 1938 году, во время выборов мы, как обычно, исполнили несколько раз государственный гимн, большое количество рождённых революцией песен, а потом для молодёжи были танцы. И мы со сцены с удовольствием исполняли для всех лёгкие мелодии. Молодёжь танцевала, развлекалась и веселилась, как могла. Во время перерыва мы спустились в буфет и тут нас, троих музыкантов из оркестра и ещё нескольких человек не танцевавших в зале, арестовали и посадили в КПЗ. За что – не объяснили. А мы терялись в догадках. Ведь никто из нас не дебоширил, не совершал в тот день и до этого никаких противоправных действий. Мы просто отдыхали. Может ошиблись – разберутся, сошлись мы на этом. И успокоились.

Продержали нас четыре дня, не допрашивали, никаких обвинений не предъявляли, а потом посадили в забранные решётками столыпинские товарные вагоны и повезли в Новокузнецк. Там нас определили на стройку КМК, поселили в лагерь к заключённым, что работали на этой стройке с начала её возникновения. Вместе с заключёнными мы отработали на строительстве завода четыре месяца. Нам довели задание – сделаете фундамент под оборудование – отпустим. Не все, конечно фундаменты завода, а часть, но много очень. Мы справились с этим заданием. Отработали своё – привезли нас в Ленинск-Кузнецкий и вновь определили в КПЗ... Продержали там месяц. Потом стали вызывать по одному и брать подписку о неразгла-

шении того места, где мы работали. И отпустили домой. Мне было тогда 17 лет. Вернувшись к матери, я устроился на шахту и с 1939 по 1942 годы пока не мобилизовали в армию, работал там. В армии меня определили в стройбат в Ленинск-Кузнецком служил, вернее участвовал в строительстве военного завода. Воевать, как ни просился не пускали, а в 1943 году меня со стройки забрали в зону, где находились немцы за колючей проволокой. Работал год на шахте и оттуда, по доносу я вновь попал в КПЗ. Судили. Дали статью 58.10 и 58.14. что означало восемь лет срока. После суда отправили работать в лагеря. Да и до суда не давали бездельничать- работал на печах азотно-тукового завода полтора года. Тогда не спешили судить. После суда этапировали меня в Белово на цинковый завод. Потом перебросили в Салаир, где я месяц проработал бурильщиком, и вернули в Гурьевск. И всюду по этим городам Кузбасса гоняли пешком. Из Гурьевска, правда, поездом отвезли в Кемеровское ИТК№5 и уже оттуда в 1946 году я отбыл в Севвостоклаг.

Освободиться должен был 15 декабря 1954 года, но так как я всё время добросовестно трудился, то меня освободили досрочно в 1951 году. Где жил на Севере? Привезли нас в посёлок Сосуман Магаданской области. Вокруг посёлка было разбросано по тайге 15 приисков. Нам, осуждённым, указали места поселения, дали шанцевый инструмент, да пилы и топоры – стройтесь. Натянули палатки и начали сами строить себе жильё. Было нас около 25 тысяч человек. Уйма народу. Но за лето на всех построили жильё. И ещё нас посылали в это время копать шурфы для шахт глубиной до 50 метров. Я лично работал помощником машиниста бульдозера «Коттер-Миллер». Вот так мы открыли прииск и начали мыть золото на реке Берелек в 110 километрах от Сосумана.

Условия жизни для зеков никто не стремился создавать благоприятные. Работа была тяжёлая, кормили плохо. От не-

доедания много людей поумирало, часты были случаи самоубийств. Были и такие, которые отказывались работать. Их отправляли на пожизненное заключение в тюрьму, выбитую в скале у посёлка Ленинского.

После освобождения в 1951 году нигде меня прописывать не хотели. Лишь только когда заменили паспорт, дали военный билет, упросил я на Кургановке коменданта посёлка шахты «Южная» разрешить мне прописаться в 1952 году. Там женился и жил до 1962 года. В 1954 году родился сын. Он окончил политехнический институт. Дочь, 1959 года рождения, окончила экономический институт. На детей повезло мне – трудолюбивые выросли.

А на шахте «Берёзовская» начал я работать с 1964 года. В 1978 году отправили на пенсию, но пробыл дома полгода и вернулся назад. До 1995 года работал на шахте. Последнее время слесарем по ремонту оборудования в мехцехе. За работу не раз имел поощрения. Присвоено звание «Ветеран труда». Как реабилитированному бесплатно выделило государство мне машину. Ведь каторга не прошла для меня бесследно: очень подорвало здоровье. Теперь я инвалид второй группы.

Такая у меня судьба. В обиде ли я на советскую власть? Не могу сказать определённо: не власть мне большое зло причинила, а люди, облечённые властью. По сути, власть советская за простой народ руку тянула, она большие возможности перед человеком открыла, а что сейчас будет – не знаю. Вы на себе испытаете и оцените уже сами.

1998 год.

ВОИН-СИБИРЯК ИЗ БЕРДОВКИ

Пахамовы живут на противоположной стороне улицы, за четыре дома от нас у выезда на Сергиевку. У бабки Ольки, низенькой добродушной пожилой женщины, давно уже болят ноги, и она ходит с трудом, прихрамывая. Познакомились мы с нею сразу же по переезду в приобретённую весною избушку. Мы с женою заносили в дом свои вещи и мебель, а дочка звонко щебетала что-то восторженное и путалась под ногами. Бабка Оля возвращалась из магазина и, подойдя к нам, заинтересовалась: откуда мы, такие хорошие здесь появились. Мы познакомились. Бабка Оля, ухватив за руку понравившуюся ей шестилетнюю Оксанку, повела к себе – знакомиться. Доверительно склонившись к ребёнку, бабушка о чём-то спрашивала дочку, а та, почувствовав в ней родственную душу, соловьём разливалась на всю улицу. Вернулась дочка домой уже когда мы полностью расправились с вещами и, усевшись на установленный в зале диван, отдыхали и фантазировали о своей жизни на новом месте.

Она принесла от бабки гостинчик – трёхлитровую банку молока и несколько свежеиспечённых пирожков с картошкой.

— Бабушка вам передала, чтобы перекусили с устатку. Папа, а что такое устаток?

— Ну, это когда устаёшь очень.

— А бабушка Оля мне Красотку разрешила попробовать подоить. Я дёргала, дёргала за соски – капелёчку выдавила, а баба Оля села и сразу ведро целое нацвиркала! Я тоже так буду доить. Она меня научит, сказала.

— Тогда мы тебе корову купим. Будешь её доить и пас молочком поить. – рассмеялись мы.

С гостинчиком бабки мы мгновенно расправились. Нам очень понравились и молоко и пирожки. В общем, дружествен-

ные контакты с бабушкой Олькой у нас наладились быстро. Уже этим летом мы помогали ей косить траву на таёжной полянке, ходили с её дочерью Верой по грибы и за ягодой, покупали у неё молоко и даже несколько раз парились в её жаркой баньке. Сам-то хозяин, Василий Фёдорович, уже несколько лет, как перестал ходить, лежал на установленной в углу кухни кровати, читал газеты или просто разговаривал с освободившейся от работы бабой Олькой. Мы понравились друг другу и как-то он, рассказывая о своей прежней жизни в Бердовке, заставил бабушку Ольку нацедить нам бутылочку недавно выгнанного ею самогона и приготовить закуски. Я пододвинул стол к его кровати, и мы завели неторопливый разговор о жизни вообще и в частности о причинах, лишивших его конечности двигаться. У него ведь не только ноги отказались служить, но и правая рука была парализована и тоже не двигалась. Висела плетью вдоль тела. Василий Фёдорович Пахомов, как и мой отец, был участником Великой Отечественной войны. Прошёл многие километры суровых военных дорог. Всего служил в армии семь лет. А война есть война – смерть на каждом шагу встретить может.

— Меня «костлявая» на войне обошла стороной. Не по зубам я ей оказался, – говорит, хвастливо улыбаясь, старый солдат, после того, как закушал первую рюмочку первача.

— Я белорус, с семи лет жил в Бердовке, ставшей потом частью Берёзовского. Так что можно сказать, сибиряк коренной. С малых лет приучен был ночевать в тайге у костра, зверя промыслял. А воевал я в воздушно-десантной дивизии миномётчиком. Меткий и хваткий был по молодости. Оружие своё сразу уразумел: цели накрывал едва ли не с первого выстрела. А вот когда нас с парашютами обращаться учить стали, чуть не разбился.

Уложили мы парашюты под присмотром инструктора, один основной, другой – запасной. Пристегнули их на спину и на грудь, загрузили нас в самолёт, подняли в небо. Закружил

самолёт над лесом. «Прыгай!» – слышу команду. Зажмурился я от испугу, и шагнул вниз. Отлетел чуть от самолёта и, как учили, дёргаю за кольцо на груди. Парашют выхлестнуло из ранца, да не так, как следует – стропы перекрутило и купол не может раскрыться. «Что-то я неправильно сделал, когда парашют складывал. Теперь вот расхлёбывайся», – думаю. Лечу камнем вниз и мечтаю: «вот бы речка подо мной оказалась, или копна сена на худой конец. А так ведь с такой высоты упадёшь и насмерть разбиться можно». И тут вспомнил я про второй парашют, дёрнул за его кольцо. К счастью, этот парашют раскрылся. Я тут духом воспрянул, стропы основного постарался раскрутить и второй купол над собою увидел. Обрадовался: на двух-то, думаю, намного надёжнее! Так под двумя парашютами и приземлился.

Потом друзья рассказывали, командир дивизии, наблюдавший за прыжками, хвастался командиру соседней части – вот, мол, какие у него молодцы, с двумя парашютами сразу управляться умеют. А по мне, я бы и с четырьмя управился, будь они под рукой, погибать-то совсем не хочется.

В начале войны мы в составе Северо-Западного фронта сдерживали наступление немцев на Ленинград. Хотя наша дивизия относилась к особому роду войск, воевать с фашистами приходилось по-всякому. У них сначала было превосходство в технике – Сила! Прут и прут напролом безо всякого удержу, хотя противодействовали мы их продвижению как могли. И миномётами из засады их колонны разбивали, и с винтовками в штыковую атаку на них бросались. Ночами, когда удавалось зацепиться за какой-то рубеж, нас на самолётах туда забрасывали. Приходилось и за передовой, в тылу у немцев, проводить боевые операции.

Помню, раз как-то набилось нас в транспортный самолёт человек сто пятьдесят – пехота и миномётчики. Летим через линию фронта. А немцы заметили нас и давай самолёт из зени-

ток и крупнокалиберных пулемётов обстреливать. Прошла очередь фюзеляж. Парню, что рядом со мною сидел, пуля пробила грудь. Умер сразу же. И вскрикнуть не успел. Ещё тогда нескольких ранило. Однако оторвались мы, до заданного квадрата долетели и благополучно все приземлились. Лично я, правда, на верхушке сосны повис, раскачался на стропях и сумел ухватиться за ствол. По нему и спустился.

Собрались все десантники, и к реке, где немцы переправу устраивали. Подкрались и видим: техники скопилось! Немцев – масса, что муравьёв на большом муравейнике. Понтонный мост ещё не достроен. Ждут. Немцы непуганые, не сторожились. Орут, смеются, на губных гармошках пилакают. Хозяевами себя чувствуют на нашей земле. Обозлились мы на них, подползли ближе. Подкрались к переправе – фугас под неё заложили, где следует миномёты установили, заняли пехотинцы исходные позиции и одновременно потом как ударили по заснувшим немцам. Мост сразу же уничтожили, колонну из машин с боеприпасами и бронетехнику тоже. Немцы спросонья не знали, куда бежать – мы же их со всех сторон обложили. А тут ещё наши бомбардировщики в подкрепление нам подлетели. Пикируют с воем на фрицев. Под шумок тот мы и ретировались без особых потерь.

Но так, конечно, не всегда случалось. Когда мы под Ленинградом оборонялись, они нашу батарею отсекали. Многие погибли, кто побежал – и я тоже. А немцы – следом. Не так далеко я оторвался от них, пересёк рощу и выбежал в поле. «Вот и пришла моя смертушка», – думаю. Впереди поле, а сзади слышу, гонятся. Вижу: воронка от снаряда льдом затянулась. Под Ленинградом слякотно повсюду было. В окопе, чтобы спать, настил из досок или хвои делали – иначе за ночь бока промочишь. Я в эту воронку и нырнул. С краю лёд поддолбил и залез под него. Так-то он крепкий, от мороза образовался между водою и льдом зазор сантиметров в десять.

Лежу я в воде лицом кверху, глотаю воздух и молю Бога, чтобы пронесло немцев мимо. Может быть, молитва моя и помогла: слышал над собой их речь, заглядывали они в воронку, да поленились лёд сковырнуть..Полежал я ещё немного и вылез. Замёрз! Одежду с себя содрал, выжал и в сторону передовой ползком да перебежками направился. До своих добрался ночью. Думал, заболею и окочуюсь. Но нет, выжил. Опять смерть прошла мимо.

На передовой, когда фронт устоялся, немецкие снайперы принялись за охоту. Один такой хитрый расположился как раз напротив нашей позиции и ну отстреливать батарейцев. Один упал с пулей во лбу, другой повалился, ухватившись за бок. Командир даёт мне снайперскую винтовку: «Обезвредь», – говорит. Я раньше-то белке в глаз попадал, не одного медведя завалял – все знали об этом. Хотя и не хвастун я, но каждый ведь о себе ведь рассказывал что-то...

Оглядел я окрестности: не возьму в толк, куда снайпер спрятался. Ага! В поле суслоны из скошенной кукурузы стоят. В одном из них и притаился снайпер. Я подался в обход, с тыла к нему зашёл. Он не услышал меня, а я подполз поближе и слышу – шевелится и что-то бормочет. Не стал я долго размышлять: обрушил на него суслон и прыгнул сверху с холодным оружием., он и опомниться не успел, захлебнулся своею кровью.

Впрочем, и немцы оставили на мне свои отметины. Первый раз тяжёлое ранение в правую руку под Старой Руссой в декабре 1941 года. Второй раз под Сталинградом – в левую руку. И тоже тяжело. Врачи даже ампутировать её хотели, да воздержались, к счастью. Сейчас я этой левой ем и всё что надо делаю. Правую-то парализовало из-за ранения. Потом было ещё два лёгких ранения, контузия – в конце войны...

Улыбается Василий Фёдорович, вновь радуясь тому, что живым вернулся с войны. Обошла его смерть стороной. Рат-

ный труд его отмечен орденом Отечественной войны, медалями «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За освобождение Вены», Будапешта, десятком благодарностей от Верховного Главнокомандующего.

В 1947 году он вернулся в родную Бердовку. Работал учителем. Воспитал с женой Ольгой Васильевной шестерых детей. В первые годы после войны брал в руки охотничье ружьё. Ему даже удалось избавить местное стадо от четырёх медведей, повадившихся средь бела дня задира́ть коров.

Вслушиваясь я в неторопливый рассказ Пахомова о том, что происходило с ним и чувствую: до сих пор близка ему опалённая войной молодость. Сейчас он живёт в Берёзовском. Ружьё где-то пылится на чердаке, дети разъехались, сам он прикован к постели, не ходит. Стал обузой, говорит, для своей заботливой супруги Ольги Васильевны. Но унывать воздерживается. «Ничего с нами, сибиряками, не станется! Живу ведь, и вот даже с хорошим человеком водочку попиваю!»

1996 год.

ТАКАЯ ЖЕНЩИНА

— Мне дали задание написать о женщине, — обратился я к Анатолию Андреевичу Нагайцеву, начальнику смены главного цеха ЦОФ «Берёзовская». И с ходу выложил необходимые для меня условия, — чтобы она была не слишком молоденькая, но и не старушка, отработавшая на фабрике не меньше десяти лет, желательно покрасивее, с интересной судьбой, образованная и в меру разговорчивая.

— Никак к празднику?

— Угу.

— Будет тебе такая женщина. Этажом повыше сидит. Позвать?

— Подозрительно почему-то...

— С чего бы это?

— Быстро очень нашёл.

— Да она у нас, по-моему, одна такая на всю фабрику. — улыбается Нагайцев.

— А кто она?

— Как раз та, которая тебе нужна. Имеет высшее образование. 20 лет трудового стажа, в 1954 году родилась. Ответственная, поёт, весёлая женщина.

— ...и замужем?

— Да, есть и муж и двое взрослых детей.

Он звонит по телефону. Через пару минут в кабинет начальника смены заходит, непринуждённо улыбаясь, ладно скроенная миловидная женщина невысокого роста. Она приятно кивнула мне и выжидательно посмотрела на своего начальника.

— Светлана Петровна, с вами желает пообщаться корреспондент газеты, — произносит Нагайцев и называет мою фамилию.

— Не буду вас смущать своим присутствием, — элегантно нахлобучивает на голову белую каску и удаляется в цех.

Мы одни. Лоб в лоб сидим по разные стороны стола, знакомимся визуально. Коротко стриженные, в мелкие кудряшки завитые волосы иссиня-чёрным облачком-тучкой оттеняют неброскую красоту лица, некоторые характерные для среднеазиатского типа черты которого слегка напоминают о принадлежности женщины к монголоидной расе. В завуалированной форме высказываю ей своё предположение.

— Да русская, русская я, — смеётся Светлана Петровна Бельченко.

— Почему-то многие так ошибаются, считают всерьёз меня татаркой. Из семи детей я у своих родителей одна такая. Наверное, потому, что на отца смахиваю. Он у нас смуглый, но русский по паспорту.

— У меня тоже по паспорту русский, но... И тоже Петром зовут, кстати.

Моя реплика рассмешила обоих. Холодок между нами как-то сразу растаял, и мы приступили к доверительной, как выражаются дипломаты, беседе. Я узнал, что пятеро её братьев-сестёр тоже работают на обогатительной фабрике. Только не здесь, а в Белово, где она и родилась и замуж вышла.

— И я на той фабрике два года отработала после того, как институт бросила.

— Почему?

— В 1975 году замуж вышла: дети, хозяйство – не до учёбы.

— Но потом всё же закончила?

— Дети подросли – появилась возможность заняться самообразованием. Но перерыв в учёбе составил более десяти лет. Чтобы восстановиться в институте, пришлось обращаться за разрешением в министерство образования. В 1989 году закончила институт.

То, что Светлана Петровна человек общительный и сразу идёт на контакт с незнакомыми ей людьми, объясняется не только врождёнными способностями, но и выработанными. Во время учёбы, а потом и на ЦОФ она была членом комсомольского комитета, комсоргом смены, три года пела в фабричном хоре, была также ведущей концертной программы художественной самодеятельности.

— В Берёзовский мы приехали в 1976 году. Сняли квартиру, муж собирался работать на шахте «Первомайская», да только, приехав, устроился на «Бирюлинскую». А я сюда. Мотористкой была вначале, потом машинисткой ленточного конвейера.

Закончила здесь курсы операторов обогащения – обслуживала осадочную машину, сепаратор, флотацию. За это время я с девушками, наверное, целый Казбек угля перелопатила. А в 1988 году (я ещё в институте училась) назначили меня оператором пульта управления. Сейчас я работаю оператором основного пульта управления. Осуществляю связь между цехами, а также главными специалистами фабрики.

— Оператору пульта не обязательно иметь средне-техническое или высшее образование. Вас удовлетворяет занимаемая должность?

— Вы хотите спросить, почему у меня нет желания сделать хорошую карьеру? Мне очень нравится та работа, которой я занимаюсь. Я привыкла к шуму цеха, когда вокруг меня постоянно находятся люди, когда ко мне бегут и обращаются по телефону со всевозможными производственными вопросами. Вот эту никогда не прекращающуюся колготню, ощущение своей необходимости я не хочу менять на просиживание в кабинете. Мне уже предлагали, и некоторое время я работала в управлении. Но очень скоро поняла: не по мне это. Для меня цех – всё. И я счастлива, что имею возможность работать там, где мне нравится.

— А не пугает переход предприятия к другому хозяину, в АО «Кокс»?

— Я со своими двадцатью акциями никак не могу повлиять на проводимую руководством ЦОФ политику, как и другие мелкие держатели акций. Поэтому мне без разницы, кто хозяин. Представляй всё для выполнения работы, плати вовремя зарплату, давай нам возможность жить по-человечески – и хозяйствуй себе на здоровье.

— А если новому хозяину покажется невыгодным содержать ЦОФ и он закроет фабрику?

— Такого не должно случиться. Наша фабрика мощная и современная.

Вера в будущее родного предприятия – великая вещь. Не надо подрывать эту веру, сеять сомнения в её душе, да ещё к празднику. И так у неё муж второй год не получает зарплату и в семье основной добытчик – Светлана Петровна.

— Живём мы сейчас непонятно как. Всё перевернулось с ног на голову, не повезло моему мужу с работой. Но, несмотря ни на что, он – глава нашей семьи, и кто как не он может оценить и пожалеть меня? И я люблю его!

А к дню 8 марта хочу пожелать всем женщинам (и себе тоже), чтобы они всегда были красивыми: и в спецодежде на работе, и в халатике на кухне. Чтобы улыбка не сходила с их лица, чтобы всегда они радовались жизни. И чтобы любили их мужчины не только в праздники!

1994-98 гг.

КАМРАНЬ

В 1989 году, когда меня вызвали в военкомат и предложили поработать в госпитале военно-морской базы во Вьетнаме, я был молод. Всего семь лет отработал по окончанию института в горбольнице. Набрался опыта, женился, но ещё не охладел во мне интерес к новым ощущениям. Потому я недолго раздумывал и согласился, можно сказать сразу же, коренным образом изменить свою жизнь. Тем более, что жену с ребёнком я имел право брать за границу. Ко всему прочему она тоже медик и ей там найдётся работа. Как и мне, ей тоже хотелось побывать в других странах, там, где тропики. – рассказывает Сергей Николаевич Дивак, перебирая руками рассыпанные по столу разноцветные раковины.

Собрать особенно было нечего. Нас предупредили: военная база обеспечит вас всем необходимым. Так если, для

разнообразия, прихватите что-нибудь для себя и девчонки гражданское из одежды – и хватит. А что не хватит – во вьетнамских магазинах приобретёте и не что-нибудь, а именно то, что подойдёт вам по погоде и климату.

Из Берёзовского добрались до Владивостока и оттуда, с военного аэродрома на турбовинтовом отечественном Антее полетели во Вьетнам. Летели над морем, кое-где и над территориями Кореи и Вьетнама. Долго летели – часов шесть. Но если под тобой сплошные слои облаков то ты мало что увидишь привлекательного и поэтому интерес к тому, что там, под тобой иногда промелькнёт в образовавшийся случайно просвет облаков, пропал быстро и мы весь перелёт почитай дремали. Но вот стюардесса объявила о том, что мы подлетаем к полуострову Камрань. Самолёт начал снижаться и мы, пристегнувшись к креслам, уткнулись носами в иллюминаторы. Самолёт пробил толщу облаков и нам открылось чудесное видение голубого моря, валами накатывающегося на бесконечно тянущиеся вдоль побережья обширные пляжи, за желтоватой полосой песка которых перед нами яркой зеленью распахнулась гористая страна – райское местечко, в котором нам предстояло жить.

Самолёт, долетев до южной оконечности полуострова, развернулся по ветру и пошёл на посадку. Аэродром принадлежал военно-морской базе, его обслуживали российские подданные, так что приземлившись во Вьетнаме, мы не почувствовали себя оторванными от Родины. Те же лица, тот же говор, дружеские рукопожатия, смех. Вот только сразу же ошеломила навалившаяся на нас жара и с непривычки зарябили в глазах кричащие краски тропиков. Пальмы и иная растительность, обилие цветов и зелени, весёлые голоса незнакомых нам птиц и улыбающиеся лица соплеменников, обрадовавшихся нашему прибытию, – всё это поддерживало моё убеждение о том, что Камрань – райское местечко для всякого за-

брошенного сюда судьбой человека. Таково было моё первое впечатление. Впоследствии оно несколько поколебалось, но всё равно теперь о пребывании в этом уголке земного шара я всегда вспоминаю с удовольствием.

В военном городке проживало двадцать тысяч человек. Он был расположен в нескольких минутах ходьбы от берега моря. Городок был маленьким, но компактным и удобным для проживания в нём. Поначалу моей семье выделили квартиру в одноэтажном коттедже, но вскоре освободилась квартира в двухэтажном доме и мы переехали туда. Второй этаж этого многоквартирного дома по всему периметру опоясывала терраса, общая для всех жильцов дома. Идеальное место для общения с соседями и детских игр. Мебель, холодильники, кондиционеры и телевизоры в квартирах временно принадлежали тому, кто в них жил. Своего рода гостиничный комплекс. Но от этого мы себя ущемлёнными не почувствовали: распаковали свои чемоданы. Кое-что из штор, занавесок жена заменила своими тряпочками и, как-то сразу наше временное жильё превратилось в родное гнёздышко.

Я, и Таня – теперь-то она уже Татьяна Борисовна, по прибытии были определены работать в госпиталь. Ведь я по специальности травматолог, а она – анестезиолог. Травматологическое отделение, где мы стали вместе работать, было большое – на 40 койко-мест и очень загружено. Ведь приходилось лечить не только тех, кто служил на базе, но и членов военно-морских судов, заходивших на Камрань по пути следования в различные части земной акватории. А так как относительно лечения травм я был единственным специалистом на всём полуострове, то мне приходилось частенько лечить и обращавшихся на базу местных жителей. Случалось, отработав днём, вынужден был среди ночи подниматься по вызову и идти в госпиталь делать срочную операцию. Такая напряжён-

ная обстановка с работой сразу же по приезду позволила нам легко перенести период акклиматизации человека в условиях тропиков, которая в среднем длится около четырёх недель и сопровождается болезненными симптомами.

Проживая в Сибири и зимой корчась от холода, я думал что тропики – идеальное место для проживания человека. Оказывается это совсем не так. Камрань находится в провинции Кхань-хоа. Местность преимущественно горно-лесистая, сильно пересечённая. Гребни горных гряд довольно широкие, волнистые. Склоны крутизной 20-30 градусов рассечены многочисленными узкими и глубокими долинами небольших рек и ручьёв, нередко тила ущелий и теснин. Живописные видочки открываются перед тобой на каждом шагу. Джунгли с лианами и обезьянами, в общем таящие в себе для белого человека миллион опасностей в виде змей, скорпионов, мухи цеце, малярийного комара, а также тигров, пантер и других человекопоедающих хищников. А ещё у них там есть страшные в своём гневе дикие слоны. Да и с кабаном если встретишься и ты чем-то ему не понравишься, он без усилий распорет клыками твоё тело.

В джунгли нам, конечно, ходить воспрещалось и в одиночку и в сопровождении знающих местность. Не положено. Страна чужая. Арендовали клочок суши для своей базы – вот и топчешься по земле, за которую платите. А на чужую собственность не зарьтесь. Насчёт собственности у них строго. Думаешь с каждой пальмы ты можешь сорвать кокосовый орех и при желании воспользоваться его молочком? – не тут-то было. Во-первых, залезть на высокую пальму не так-то просто, а во-вторых, у каждой пальмы есть свой хозяин. Так что, если захотел молочка некорсервированного – отдай хозяину пальмы пару банок стучёнки (туземцы её любят), он набросит верёвку на ствол, взлетит на вершину своей собственности и набьёт тебе сколько надо орехов. Так же и с плодами манго. Зарослей манговых

деревьев по побережью и вокруг базы много. Протянул руку – и бери. Но нельзя: заметит хозяин – скандал закатит. Проще на базаре приобрести плод манго или связку бананов. Фрукты эти у них задёшево продавались, и можно было каждый день ими не в ущерб своего кошелька лакомиться.

По той причине, что нам не полагалось ходить в джунгли, опасность быть растерзанным клыками хищников сводилась к одному проценту: мог же какой-нибудь тигр забрести на территорию базы? – Такое было и не раз, правда, без жертв человеческих. Но ведь не только хищниками чрезвычайно богат и разнообразен животный и растительный мир в странах тропического пояса. Климат тропиков благоприятствует широкому распространению микробов, паразитов животного происхождения и членистоногих – переносчиков возбудителей болезни. Большая влажность и высокая температура почвы способствуют развитию в ней аскарид, власоглавов, которые от почвы по корням деревьев попадают в поедаемые человеком фрукты. Сильная прогреваемость водоёмов предрасполагает к массовому выплоду насекомых и обильному размножению моллюсков и ракообразных.

Я к чему это говорю? – клюнула тебя муха цеце в висок или щёчку – и ты уже заработал сонную болезнь. Напился малярийный комар твоей кровушки – и тебя затрясла жёлтая лихорадка. А они же, эти твари, везде летают. От них, как и от наших комаров, не убережёшься. Наших-то, сибирских кровопийцев, я там с любовью вспоминал. А ещё – откусил грызун (крыса там или безобидная мышка) от твоего бутерброда сырка чуточку – и ты заболел чумой...

От холеры, да и от любой из этих болезней, если их вовремя не начнёшь лечить, можно лишиться жизни. Но от этих болезней ещё как-то спасают человека прививки и соблюдение личной гигиены. А что та сделаешь, если тебя укусит забрав-

шаяся в постель кобра? Вообще-то змея, которых очень много во Вьетнаме, как правило не нападает на человека, и кусает лишь тогда, когда на неё наступят или сильно растревожат. Но ведь и то, что ты вполне миролюбиво примостишься к ней под бочок в своей собственной постели, тоже может быть воспринято змеей отрицательно. Кроме змей опасность для человека могут представлять и ядовитые животные, насекомые и рыбы. А если тебя, плывущего в море недалеко от бережка, встретит акула? – я лично сам делал операцию вьетнамцу, которому акула откусила сразу две ноги.

Ой! Наговорил таких страстей, что у самого мурашки по коже забегали! На самом-то деле все перечисленные мною опасности в тропиках присутствуют, но они скопом на одного человека не наваливаются. А если он ещё человек осторожный и знающий, как с ними бороться, то они для него, как бы, не существуют. Подвергается опасности обыкновенно тот, кто забывает об осторожности. То есть во всё время своего пребывания во Вьетнаме нам приходилось, как бы ходить на цыпочках. Потому и вернулись домой невредимыми.

А дома лучше, дома проще! Сибирь – это наша родина. Тут-то мы сызмальства знаем, как уберечь себя от природных опасностей.

С течением времени я втянулся в работу настолько, что уже не чувствовал себя в конце дня максимально ею опустошённым. Начал проявлять интерес к окружающему меня миру. Появилось свободное время, когда можно было не только почитать художественную литературу, сыграть в нарды, посмотреть видики, но и заняться любимым увлечением. А какое было у меня увлечение? – В Берёзовском в свободное время я часто охотился. Научился делать чучела из убитых мною птиц и зверей. К этому постарался вернуться и во Вьетнаме. Но как я говорил, в джунглях охотиться нам не полагалось. Всего

только несколько раз с военнослужащими Вьетнама в числе приглашённых я побывал на охоте. Подстрелил кабана, антилопу. Но больше такой возможности нам не предоставлялось, и я обратился к другому виду охоты – подводному.

Южно-Корейское море рядом и в нём плавают столько живности: стреляй – не хочу! Кто чем дышит, здесь сразу всем становится известно. Узнали и о моей страсти к охоте. Приглашать с собою стали. Один раз попал я к морячкам на плавдок, стоящий на якоре посредине бухты Камрань. Эта бухта одна из самых удобных и вместительных на южном побережье Вьетнама. К ночи мы туда пришли. Взобрались на палубу. Моряки откинули аппарель – задний деревянный борт плавдока, навели прожектора на воду и смотрим, что где-то в течении часа в ярком свете в воде стало белым-бело от кипящей в ней рыбы. Ставриды и скумбрии – любопытная рыба, устремились на свет из глубин моря косяками. Видим, что очень много её собралось, скопировал мичман – парни прожектора к небу задрали и началось светопредставление! Рыба, как магнитом влекомая этим светом, начала выпрыгивать из воды и десятками падать на деревянную палубу. Морячкам только и остаётся делов, что собирать их в кастрюли и относить на камбуз. Зрелище потрясающее! Но мне не понравилось. Я же охотник, я хочу скрасть добычу, побороться с ней и потом уже, если превзойду её хитростью и ловкостью, делать своей жертвой. А так просто чтобы добыча эта сама прыгала тебе в кастрюлю – совсем даже не интересно.

Обзавёлся я снаряжением для подводного плавания. Ружьё для подводной охоты купил, компас, ножик и стал обследовать под водой береговую полосу подступающего к базе моря. Не в одиночку, конечно. Одному всегда страшно. Наслушался я рассказов, посмотрелся фильмов об акулах, меч-рыбах и восьмиметровых кальмарах. Что ты сделаешь один против таких чудовищ с плавружьем в руках?

Под водой, скажу я вам, мир тропиков ещё прекраснее! Едва шевеля ластами, плаваешь над зарослями разнообразных форм водорослей, а из них навстречу тебе выпархивает стайки ярко раскрашенных рыбок – попугаев, бабочек и многих из тех, которых у себя на родине мы видим только в аквариуме. Это несъедобные рыбки. Ими можно только любоваться. И любишься ими. Вода для этого там изумительно прозрачная. Обросшие водорослями тёмные уступы скал круто спускаются в таинственную синеву, пронизываемую вертикальными столбами солнечного света. Но вот к тебе подплывает и, совсем близко, с человека длиной, морская змея. Весной их очень много встречается в море. Яд этой змеи в 300 раз токсичнее яда кобры. Страшно!.. Она интересуется движущимися предметами, ты отталкиваешь её ластами, а она снова приближается. И ты уже не обращаешь внимания на красоты подводного мира, а весь переключаешься на это чудовище и молишь бога, чтобы, наконец, она отвязалась от тебя, обратила внимание на другой движущийся объект. Но вот ей надоело рассматривать твоё, обтянутое в спортивный костюм беспомощно барахтающееся в воде тело. Ты для неё странное, совсем не похожее на других обитателей моря, существо. Непонятное, необъяснимое, и, наверное, опасное – змея даёт отворот. Ты выныриваешь на поверхность, наполняешь свои лёгкие воздухом и вновь ныряешь на десятиметровую глубину. Причудливой формы раковины на дне, окаймлённые водорослями тёмные отверстия широких гротов влекут в свою глубину. И ты плывёшь к ним, протискиваешься между камней и в награду получаешь безмятежно покоящуюся на камне грота одну из красивейших раковин с названием «Рапан»...

— Все эти раковины, что в кабинете и дома – Сергей Николаевич делает жест в сторону размещившейся на полках книжного шкафа коллекции раковин разнообразных форм и расцветок, от большинства из которых действительно невозможно

оторвать взгляда – я нашёл на дне моря сам. И чучела рыбок я тоже сделал своими руками. А сколько я раздарил друзьям, уезжавшим по окончании службы в Россию! Каких только рыбок и иных морских животных не приходилось встречать мне в своих подводных экскурсиях. Экскурсий потому, что больше смотрел, чем охотился за обитателями моря. Очень занятное зрелище они представляют в своей среде обитания.

А однажды я заплыл в грот и увидел спящую акулу-нянюку. Она громадным бревном улеглась на песчаное дно грота и отдыхала. Безобидна для человека, если её не потревожишь. Я аккуратно вырулил из грота и уплыл куда подальше.

Из своих прогулок под водой я всегда приносил домой свежей рыбки, тунца, угря, морену или ещё что-то съедобное и полную сумку набивал привлёкшими моё внимание расцветкой или формой камешками, раковинами, лепестками кораллов. Не брезговал я и морскими ежами, а также несъедобными рыбками. Из них я делал сувениры для своих друзей. Но вылазки в море не всегда для меня были удачными. Однажды в Акульей бухте я неосторожно опустился ногами на усеянное морскими ежами дно. Иголки этих ежей ядовитые. Одна из них проколола мне пятку. Содержащийся в иголке яд попал в кровь и нога, от боли и этого яда перестала действовать. Я сразу же вынырнул и поплыл к берегу. До него было с полкилометра. Плаваю и чувствую, что я вроде как опьянел. Сознание мутится, движения бессвязные. Не знаю, что помогло мне добраться до берега, но выполз я на него уже и не помню как Хорошо, что не один был. Отвезли меня в госпиталь. Сыворотку ввели. Иголку из пятки не выковыряешь. Так она и была там, пока сама не рассосалась. Две недели болел. Ступить на ногу не мог.

И ещё раз как-то, но уже в другой бухте – Биньба, около острова Обезьян. Так этот остров называется и там, действи-

тельно, столько много обезьян водится, что по-другому и называть его невозможно. Дошли мы с другом до острова на джонке. Зашёл я в море и поплыл. В прибрежных скалах гроты один другого красивее. Есть и такие глубокие, длинные, оканчивающиеся залой с высоким потолком. В них вьетнамцы устраивали для себя в древности пещеры-молельни. Так и заглядывал я в каждый грот. Исследовал его внутренности: хотелось самому отыскать пещеру-молельню. Привлёк моё внимание причудливым расположением зависшей над входом прямоугольной многотонной плиты грот. Нырнул я в него. Гляжу – в глубине лежит на песочке одна из редчайших раковин – «Каури» Такой в моей коллекции ещё не было. Я к ней подплыл, в сумку положил, а в это время прилив начался и потащило меня течением в грот ещё дальше. А у меня воздуха для дыхания лишь то, что в трубке. Не могу я долго под водой находиться. И чем оканчивается грот, ведь не знаешь. Стал я руками за камни цепляться. А они все облеплены моллюсками с острыми, как лезвия ножей, раковинами. Больно пальцам, но держишься и к выходу себя проталкиваешь. Когда и телом обопрёшься об стенку. Короче, я весь изрезался об эти раковины, пока выбрался из грота. Вынырнул и поплыл к берегу. Тоже далеко тогда до него было. От потери крови, она в солёной воде не свёртывается, ослабел настолько, что если бы мой друг, заподозривший что-то неладное и не кинувшийся мне навстречу, навряд ли бы я смог ступить на землю. Вытащил он меня на камни, В аптечке пластырь был и йод. Обработали ранки, заклеили их пластырем и домой поплыли.

Произошедшему со мною потом все удивлялись: и как это на кровь акула не вырулила. Ведь я, когда обследовал гроты, видел проплывшую надо мной в десятке метров тигровую акулу. А это – наиболее агрессивно настроенная против человека морская тварь. И кровь она чует на далёкое расстояние.

Конечно, не только подводной охотой ограничивались мои увлечения. Очень хотелось знать и, как можно больше, о стране, где мы проживали. О людях, её населяющих, их обычаях, укладе жизни. Город Камрань, что был не так далеко от нашей базы, не совсем удовлетворял моё любопытство. Это ведь молодой город. Проживает в нём не более 60 тысяч человек. Как наш Берёзовский. В нём есть предприятия пищевой, химической промышленности. Работает цементный завод и морской порт. Получается – рядовой современный город. Дома в центральной части каменные, одно и трёхэтажные, на окраинах преимущественно одноэтажные бамбуковые или деревянные. А то и глинобитные, крытые пальмовыми листьями, черепицей или рисовой соломой. Полы в домах таких земляные, вместо оконных стёкол зачастую употребляется бумага или деревянные жалюзи. Им капитальные дома вообще-то и ни к чему строить. Воткнул бамбук в землю, оплёл его пальмовыми листьями, набросал что сверху – и готов дом. Живи в нём до старости. Климат здесь заставляет жителей воздвигать себе постройки такие, чтобы в них тень была от постоянно преследующей их жары. Шутка ли, если весь день тебя будет припекать пятидесяти четырёхградусное солнце? Без солнцезащитных очков и панамы или шляпы из соломы на улице вообще делать нечего. Сразу же можно тепловой удар схлопотать. Потому и жилища у них обязательно должны проветриваться сквознячком. Главное, чтобы в дождь не мочило. Дожди же у них постоянно льют чуть ли не полгода. А полгода – сухой сезон. Тоже радости мало.

Улицы не имеют единой системы планировки. Те, что поглавнее, прямые, широкие, асфальтированные или вымощены камнем. Остальные – узкие, кривые, без покрытия, по которым если и можно продвигаться в сезон дождей, то только ногами. На главных улицах Камрани вода в дома поступает из водопровода. Жители других улиц пользуются водой из колодцев и рек.

Рядовые вьетнамцы отдают предпочтение велосипедам, как средству передвижения. Удобно, легко и горючего не надо. На велосипеде они хоть какой груз увезти могут. Я видел, как один вьетнамец нагрузил на свой велосипед чуть ли не машину дров и катит его спокойно, придерживая сбоку. А основные дороги у них – это те, которые соединяют города. Допустим, дорога, ведущая в центр провинции Нячанг, проложена ещё американцами и отличается от наших дорог высоким качеством. По такой дороге одно удовольствие гнать машину с большой скоростью. Ездил я в Нячанг – знаю. Поверх бетона уложен асфальт, практически не подвергаемый пагубному воздействию солнца. Мечта автомобилиста. Когда ехал, то тут, то там возникали небольшие деревушки в двадцать, а то и сотню домов. Иные дома возводятся прямо на вбитых в дно рек сваях. Около деревень по побережью орошаемые водой из каналов рисовые поля. Много полей. Рис же здесь – основной продукт питания бедняков. Салат из морских водорослей и горстка риса – обычная еда для многих из них. Мясные блюда потребляют более обеспеченные. Вспахивают рисовые чеки плугами на буйволах.

Вьетнамцы приветливы и назойливы. В каждой деревне пытаются тебе всучить связку бананов или какую поделку в виде сувенира. За деньги разумеется. Фрукты, сплетённые из соломы циновки, шляпы, инкрустации с видом ближайших окрестностей – обычный товар, который они предлагают.

Нячанг побольше раза в два Камрани. Как-никак – торговый и промышленный центр провинции. В нём расположен большой железнодорожный узел, морской порт. В городе – известный на всю страну курорт с хорошим песчаным пляжем. Поэтому в городе иностранцы – частые гости. На побережье, в восточной части города, расположен курортный район, где размещаются виллы, отели, много зелени. Там же храм, охраняемый каменными, распластанными по кровле огнедышащими драконами и

у входа его огромная, отовсюду видная величественная статуя сделанного из белого мрамора Будды – главного их бога. В самом храме установлены статуэтки многочисленных богов помельче: плодородия, любви, моря или ещё кого. В молельном зале храма постоянно кто-то находится. По обычаю все разувается у входа, проходят к расстеленным в центре помещения коврикам, опускаются на колени и, сложив на уровне груди руки ладоньками, глядят на своего безмолвно застывшего перед ними бога и молят его о счастье в их мирской жизни, благодарят его за оказанные им знаки внимания. Вьетнамцы, как я заметил, поголовно верят в зависимость состояния их дел от расположения к ним их главного бога и щедро одевают его своими жертвоприношениями.

В городе уже несколько лет существует дельфинарий. В нём живут шесть дельфинов. Каждый день посмотреть их приходит очень много народу. Занятные бестии. В цирке видел поди, что они вытворяют. А здесь можно сказать без всякой дрессировки делают то же самое, а то может что и посложнее.

Побывал я и в Сайгоне. Чтобы попасть туда, нужно оформлять визу, а мы с позволения знакомых вьетнамских пограничников переплыли на ту сторону бухты Камрань, сели на самолёт и самоволкой отправились в их столицу. Красивый город, древний. Экзотика и необыкновенность чужой жизни из каждой улочки на тебя смотрит. Побывал я в резиденции вьетнамских королей, побродил по городу, посетил ряд других его достопримечательностей. Очень понравилось. Ну где бы я ещё мог увидеть такое? И когда? Что там ни говори, очень многое мне подарила работа на военно-морской базе.

И всё же... я очень тосковал там по своей родине, по Берёзовскому. Отпуск свой стремился брать зимой. Приезжал сюда и радовался снегам, щипающему за уши морозу, отдыхал душой и телом от изнывающей вьетнамской жары, нескончаемых ливней, от мяукающего говора их жителей.

А когда мы встречали в 1995 году Новый год во Вьетнаме, то специально наши художники оформили кафе военного городка зимними пейзажами России. Снег, пусть нарисованный, обложил стены всего зала и, несмотря на жару пятидесятиградусную снаружи, в кафе мы чувствовали прохладу от этого снега. Настроились соответственно на свои родные климатические условия. И хотя пили вина и виски вьетнамского разлива, песни в Новый год все до одной мы слушали и исполняли только русские. И плясали тоже только под наши, русские песни...

2000 год.

КАК ЭТО БЫЛО?..

Андрей Григорьевич Сбитнев живёт в Барзасе с 1947 года. Окончил Кемеровский педагогический институт. Учительствовал в школе Барзаса. Сейчас не работает – пенсионер.

А воевать он начал в неполные восемнадцать лет... За отличные боевые действия сержанту Сбитневу, радисту-телеграфисту первого гвардейского самоходного артиллерийского ордена Богдана Хмельницкого полка четвёртой танковой армии приказом Главнокомандующего товарища Сталина объявлено 12 благодарностей и вручена медаль «За победу над Германией», потому что закончил воевать он у въезда в Берлин. Имеет он также медаль «За отвагу» и «За боевые заслуги». Не просто так их дают – проявил себя. Однако особенно распространяться об этом периоде своей жизни он не любит. И всё же 55 лет минуло со дня победы над Германией – дата, отмечая которую, не грех и вспомнить.

...Как это было? В середине июня 1943 года, нас, окончивших курсы радистов-телеграфистов при Новосибирском

пехотном училище, отправили в Москву. Меня там сразу же определили в дислоцировавшийся под Загорским первый самоходный артиллерийский полк четвёртой танковой армии. А 5 июля началась Орлово-Курская операция. 8 июля в час ночи, мы через Москву прошли в парадном построении по Красной площади и, минуя Серпухов, двинулись маршем на Тулу. 12 июля уже оказались в районе Прохоровских полей, огромной равнины – места, где издревле русские давали отпор ногайским и татарским ордам, набегами опустошавшим их землю. Орёл, Курск, Белгород возникли из форпостов некогда бывшей здесь линии укреплений. И именно здесь советское командование решило нанести ещё один решительный удар по дрогнувшему врагу.

Мы двигались в марше. САУ – самоходные артиллерийские установки. Громоздкие и неуклюжие машины, – двигались по дороге с интервалом 15-20 метров, и вдруг я по рации в час дня принимаю приказ: развернуться направо, съехать с дороги и рассредоточиться на местности. Я находился в САУ командира взвода. На каждые три установки был свой радист. Все машины колонны, как единый механизм, повинаясь приказу, сделали необходимый манёвр. Построившись в боевой порядок, мы начали выдвигаться на исходные позиции.

В той стороне, куда мы устремились, был слышен грохот боя. Проехали километра два по пересечённой местности и остановились. Навстречу нам двигались танки противника. Меня с рацией хлопцы ссадили под деревце и велели окопаться. Я вырыл себе яму по пояс глубиной – на большее не хватило времени – и тут началось! Тяжело забухали наши самоходки. От взрывов обстреливающих нас немцев полетела столбами кверху земля, засвистели осколки. Я вжался в свой окопчик и, вслушиваясь в эфир, стал вылавливать из него относящиеся к нашим САУ приказы командира полка.

Он, не в пример мне, имел возможность обозревать всю панораму боя, следил за его развитием и ежеминутно вносил свои коррективы: «Первый, первый! Помоги пятому!» - и первый разворачивал хобот орудия в сторону пятого, обрушивал огонь своей самоходки на подступающие танки противника. Вот в бок одному танку – прямо в свастику! – удачно впечатался снаряд и разворотил ему башню.

«Шестнадцатый, шестнадцатый! Едрёна корень! Куда смотришь? На тебя же ползёт пять танков! Не подпускай их близко – раздавят». «Седьмой! (это наш) Меняйте позицию! Сдвиньтесь чуть левее – немец хочет обойти фланг!» Парни, которым я ором сквозь грохот взрывов передаю сообщение, машут мне, приглашая в машину. И вот мы отъезжаем метров на 400 влево, и снова, уже не дожидаясь приказа командира взвода, я спрыгиваю на землю и принимаюсь копать для себя ямку. В машине во время боя мне находиться нельзя – мало места, мешаюсь.

Пока тишина, нас вроде как никто не замечает. И я тут же успеваю окопаться. Правда, ямка оказалась помельче, но я рад и такой. Настроил рацию, оглядываю окрестность. Может и хорошо, что вырыл так мелко: шею тянуть не надо – всё видно, как на ладони. Во-о-н танки немецкие ползут. Распознали, что против них стоят самоодки. У самоходок же броня только впереди. Если к ним зайти в тыл, можно каждую без особых усилий вывести из строя. Одно прямое попадание снаряда – и экипажа как ни бывало! И зажечь самоходку проще простого – у неё баки по бокам ничем не прикрытые. Хитро сманеврировали! Но ничего тут им не удастся! Мы уже встали на их пути. И хочешь-не хочешь – либо принимай бой на равных началах, либо пятайся назад и ищи щелку в другом месте.

Но немцы решили биться. У них численное превосходство. Изредка приостанавливаясь, издали начали обстреливать наши

самоходки. Мы отвечаем. Подбили танк, другой. Один из них встал, как вкопанный, другой, растягивая за собой жирный шлейф чёрного дыма, ещё движется по инерции. Ура-а!

Рядом со мною разорвался снаряд, сыпануло землёй, что-то стукнуло в голову, и я потерял сознание. Очнулся в прифронтовом госпитале. Осколочное ранение. Парни думали, что меня убили. Потом видят – дышу. Вызвали санитаров. С этой пустяковой царапиной я провалялся в госпитале пять дней. И потом вернулся в свою часть. Вообще-то я везучий: за войну ранило четыре раза, и все – легко.

Орлово-Курская битва закончилась в августе взятием Орла. Но до этого каждый день с восхода солнца и до темноты мы гвоздили друг друга снарядами. Немцы, по всему было видно, дрогнули и начали потихоньку сдавать свои позиции. Но днём они никогда не отступали, днём бились до последнего. Взамен разбитых в поле танков они эшелон за эшелоном посылали новые, исчерпывали полностью свои резервы. А ночью, если чувствовали, что им уже нечем противостоять нашему натиску, отступали.

Утро у нас начиналось обычно с воздушной тревоги: наблюдающий громыхал по железу. Мы все прятались по земляным норам. Самоходки, конечно, были замаскированы. Прилетали бомбардировщики и начинали утюжить бомбами предполагаемые места скопления нашей техники. Случалось, кого и задевало. После того, как отбомбившись, самолёты улетали, вдалеке раздавался рокот моторов и из-за горизонта выползали танки. Много танков – их шеренги по 100-150 танков, растянувшиеся на несколько километров, волнами находили на наши позиции. Мы старались не двигаться. При заходе немцев в секторы обстрела начинали стрелять на поражение. А там, где были наши танки, они сами устремлялись на немцев тоже шеренгами и, сойдясь с ними вплотную, выбирали для себя каждый жертву и, если получалось, расправлялись с нею.

Больше меня в этой битве не ранило. Копать окопчик для себя я старался поглубже. И зазря голову из него не высовывал. Усвоил, что моё дело – эфир. Им и занимался. В Орле нас командир выстроил и раздал награды. Я получил медаль «За отвагу». А вторую медаль «За боевые заслуги» я получил в сентябре 1944 года. Отличился подо Львовом. Этому предшествовали бои за освобождение Гусятина, Черткова, Каменец-Подольского, Злочева.

А подо Львовом вот что вышло. Наши войска, заняв Севастополь, отрезали от Чёрного моря крупную группировку противника. В Румынию немцам тоже нельзя – она объявила войну Германии, поэтому те ринулись на воссоединение со своими войсками на севере. И нашей задачей было не допустить этого. Полк был послан в местечко Броды для перекрытия железной дороги, по которой продвигались немцы. Мы на полном ходу подъехали к этому местечку. Видим: железная дорога проходит совсем рядом с автомобильной. Но только пониже уровнем, и вся забита противником. Нас немцы заметили тоже и начали устанавливать пушки. Мы до них успели доехать и, развернувшись дали залп из своих пушек – не получается. Перелёт. Немцы как бы попали в мёртвую зону. Что делать? Наши пушки бессильны, а из штаба просят: сдерживайте любой ценой. Если прорвутся и соединятся со своими, то Львов нам сразу взять не удастся.

Посоветовались наши офицеры, и командир полка отдаёт приказ: всем экипажам, за исключением механиков, вооружиться и потихоньку выйти из машин. Мы это в пять минут выполнили, притаились возле машин, ждём. Мысль-то какая была у офицеров: неуязвимы для самоходок оказались немцы, так их надо постараться вышибить с железнодорожного полотна под огонь самоходок атакой пехоты. А пехота – это мы, 300 человек. Состав полка. Главное, поясняют нам командиры, как толь-

ко будет дан сигнал, сразу всем бросаться вниз и за считанные секунды преодолеть разделяющие нас 150 метров. А там уже можно пускать в ход гранаты и автоматы. Чем неожиданнее произведём этот манёвр, тем меньше будет жертв.

А немцы стоят перед нами и недоумевают, что же мы можем против них предпринять? Но вот раздался сигнал, и мы, выскочив из-под машин, лавиной скатились вниз. Немцы сразу и не сообразили, в чём дело, и несколько секунд бездействовали. Затем открыли огонь. Но многие из наших солдат, в том числе и я, добежали до их расположения, и начали метать гранаты. А потом кинулись на них врукопашную. Насмерть дрались. Это и решило исход боя. У них никто уже не хотел умирать за фюрера. Они стали бросать оружие и поднимать руки вверх. Сдалось их около 4 тысяч. Ещё до сдачи я в рукопашной один на один обезоружил крупного немца. Он схватился со мной бороться, я оказался сильнее. Потом выяснилось, что это был офицер. За участие в этой операции меня наградили медалью «За боевые заслуги». Но из 300 наших бойцов 150 человек были убиты.

После Львова нас отвели на пополнение. А потом снова бои за освобождение городов Хмельник, Шидлув, Лигниц, Берншгарт, Кельце и Питркув, Штейнау и Зоммерфельд...

Май 2000 год.

Я ТЕПЕРЬ НЕ ВЕРЮ ПРЕЗИДЕНТУ

В январе будущего года наш город будет отмечать 30-летие. Есть добрая традиция – в дни празднования вспоминать, чествовать людей, прославивших город своим умом, трудом, талантом, воздавая тем самым им дань своего уважения. Мно-

го горожан создавали в своё время доброе имя Берёзовского: Г. И. Конончук, В. А. Конашевич, А. И. Губарев, В. М. Кульбащенко, В. А. Мерзлов, И. И. Пригорницкий, Г. С. Виниченко, С. С. Молокоедов, В. Т. Юминов, И. З. Софронов, И. Г. Тонковид, В. С. Забелин, А. Д. Кривчиков, Л. А. Морозова, К. А. Попова, Г. М. Уткина, В. Д. Чворо, В. Я. Масникова и многие другие. Герои прошлых лет, лауреаты премий, кавалеры высших орденов, заслуженные шахтёры, учителя, врачи, строители, почётные граждане города, где они сейчас? «Иных уж нет, а те — уже далеке...», — как говорится. Другие же по-прежнему находятся в городе, кто трудится, кто на пенсии. Как живут они сегодня, что думают о прошлом, о настоящем, о будущем? Об этом и буду я вам рассказывать.

Дом у Виктора Леонтьевича Конашевича большой, кирпичный. Из-за низкого фундамента как бы придавлен к земле, припал к ней — теряется. Не строитель ведь Конашевич, а всего лишь шахтёр. Хотя раньше, лет тридцать назад, дом этот очень даже смотрелся на деревянной улочке. Теперь эта улочка преобразилась: вместо стареньких, утопающих зимой по крыши в снегу хибарок, на каждой усадьбе стоят новые дома, высокие, современные, с большими окнами и мансардами. И сравнения с ними дом Конашевича уже не выдерживает — старомоден. Впрочем, он, как и прежде, располагает к себе добротностью, уютом и надёжностью. Как раз в таком и я провёл свою юность.

Хозяин под стать дому: пожилой, кряжистый, крепкий мужчина. В фуфайке и сапогах, снуёт по двору, управляет хозяйством — скотину кормит, двор вычищает. Живой, непосредствен, приветлив. Рассказывать умеет.

— Родился-то я не здесь — в Анжерском районе, в 1928 году, — повествует Конашевич. — Мальчишкой во время войны работал в колхозе при Анжерке. В 1945 году поступил в фабрично-заводское училище — надо было овладеть профессией

забойщика-проходчика. Тогда эта специальность была очень престижной. Да и куда бы я в Анжерке подался, кроме шахты? И, потом, в том возрасте (17 лет исполнилось) намного интереснее и романтичнее казалось под землёй находиться, чем на поверхности «быкам хвосты в колхозе крутить». От службы в армии учеников ФЗУ тогда освобождали, потому что разрушенной стране нужно было много угля и повсюду открывали новые шахты, увеличивали мощности старых. Так что руки специалистов были везде нужны. Поэтому после прохождения практики на шахте «Южная» меня и оставили там работать. Поселили в бараке, жил с такими же, как и сам, парнями. Работали, гуляли вместе, с девушками дружили. Но больше всего я в тайге пропадал в свободное время – люблю природу. Охотился, рыбалкой увлекался. Угодья здесь богатые были тогда. Это сейчас оскудели. И всё равно, кто тайгу знает, тот всегда найдёт в ней то, что ищет.

Жениться отважился я только в 1950 году. Квартир тогда рядовым шахтёрам не давали. В бараках и жили пока. Подкопил денег, приобрёл эту усадьбу. Домик на ней маленький был, тесный, зато – свой! Огород и хозяйство при нём. Много легче жить стало.

На строительство нового дома Конашевич вряд ли бы решился тогда: уж очень трудно было приобрести строительные материалы. Вся страна тогда строилась. Но выручил его директор шахты – прямо-таки заставил Виктора Леонтьевича выкупить у предприятия кирпич, потом к нему цемент выделил. После этого построить дом Конашевичу сам Бог велел! И всё-таки стройка не шла. С помощью рабочих из своей бригады удалось залить фундамент, через год стены выложили, а потом... В общем, строить новые хоромы пришлось не один год, не два, а целую пятилетку с хвостиком. И не от нерадивости хозяина затянулась эта стройка, а по той же причине – из-за

недостатка материалов. Из одних кирпичей дом не построишь. Но как бы там ни было – построил и въехал. Совсем хорошо обустроился. Заботы основные побоку, значит, и больше внимания работе уделять стал. По природе своей человек деревенский, Конашевич к работе сизмальства хваткий был.

— В бригадиры я вышел быстро, – рассказывает он, – мог работать как надо, был образован. ФЗУ тогда много значило, и ко всему прочему в нашей бригаде одни старики были, а разве в состоянии пожилой человек, если он бригадир, совершить несколько ходок сверху вниз под землю за смену?

Без вмешательства директора организационные вопросы по работе бригады под землёй тогда не решались. Одному мне, молодому, было под силу снова в зад-вперёд. Вот и бежал я всю смену, да ещё свою норму выполнять умудрялся. Опыт, он быстро появился, освоился я, научился требовать с людей исполнения положенного, а когда следовало, мог постоять перед начальством за любого члена своей бригады. Что надо было для работы из социального обеспечения шахтёров – того и добивался.

Ко двору пришёлся Конашевич коллективу бригады. Народ поверил в него, потянулся за ним. Где примером своим, где ещё как, он сумел организовать работу на своём участке так, что стала бригада одной из лучших на шахте. На совесть теперь всегда её рабочие трудились, ударно, по-коммунистически! И за это, конечно же, нельзя было не отметить их организатора и вдохновителя В. А. Конашевича. Его и отмечали. В 1971 году присвоили звание Героя Социалистического Труда. Есть у него и сейчас звезда Героя, и орден Ленина тоже есть. Помимо этой, высшей награды Родины, он заслужил и звание полного кавалера знака Шахтёрской Славы. Обрёл доверие народа. В 1971 году его делегировали на 24 съезд партии. Долгое время он состоял членом теркома профсоюза угольщиков.

Как делегат, очень много занимался общественной работой, помогал горожанам решать их социальные вопросы, всегда был наставником молодых рабочих. Воспитал и подготовил к самостоятельной деятельности не одно поколение. Встречался с людьми, разъяснял им, как сам понимал, политику партии. Ему было присвоено звание Почётного гражданина города. В общем, пропускал через себя общественную жизнь города, принимая в ней самое активное участие. И успевал повсюду, с энтузиазмом трудился и жил. Он ведь и в Бельгии успел побывать в 1975 году, посмотреть, как там работают шахтёры, сравнить, сделать выводы.

— Ну, что я скажу по поводу положения бельгийских шахтёров? Им намного легче работать, хотя у них под землёй температура и достигает плюс 35 градусов Цельсия. Но у них такое оснащение – оборудование наисовременнейшее, да и зарплата – несоизмерима с нашей. А значит, и живут лучше, чем мы. Работать они умеют, грамотные. И дисциплину соблюдают. Упавши боже, чтобы кто нарушил её – сразу же выгоняют. Поэтому держатся за работу, дорожат ею. И это для них – норма, закон жизни, а не в принудительном порядке достигнутое народом. Почему я так говорю? Да потому что во время войны и до кончины Сталина мы тоже не знали, что такое даже прогул. За одно опоздание тогда высчитывали 25 процентов из месячной оплаты труда провинившегося в течение полугода. А если повторил или прогулял – получай «волчий» билет и гуляй на все четыре стороны. Жёсткие были меры? Но если разобраться, ведь ты же работать на шахту пришёл, так и работай, как надо.

Воспоминание в народе о днях палочной сталинской системы поддерживало в нём дисциплину и энтузиазм до семидесятых годов, а потом охлаждение пошло.

— Почему сейчас намного увеличилось количество несчастных случаев? В понятии нынешнего поколения свобода

означает вседозволенность: если свобода, то не возбраняется нарушать правила безопасности, применяемые в производстве горных работ. Но ведь без их соблюдения нельзя работать. Под землёй многотонные толщи пород нависают над тобой, и предвидеть, как они поведут себя, нельзя. Тут даже малейшая ошибка может повлечь за собой непредсказуемые последствия. Под землёй очень опасно. Там надо ходить и прислушиваться. Разве оградил меня огромный опыт подземной работы от обвала, в который попал я в 1987 году? И ведь не только я, но и другие, более опытные товарищи, не ожидали и не предполагали, что тогда произойдёт сдвиг породы и она сомнёт и раздавит стойки крепления, обрушит на нас своды забоя. У меня обвалом поломан был грудной позвонок, и я долго лежал в больнице...

С 1978 года Виктор Леонтьевич – на пенсии, но продолжал работать до 1986 года. Сейчас он уже не работает, а ведь всё равно вертится, по хозяйству делает что-то. Почему я заострил внимание на его доме? Хотелось подчеркнуть, что не особенно-то баловала его судьба. Он сам её делал. Во всём и всегда на себя в первую очередь и на свои руки надеялся. Ему труд дал то, чем он и владеет сейчас. Льготы и другие какие-то послабления от власть предержащих всегда эфемерны и призрачны. Взять, например, тот же телефон, проведённый В. А. Конашевичу во время его депутатской деятельности и отключённый совсем недавно по распоряжению директора шахты «Южная» – вроде как старому человеку, не депутату, он совсем без надобности.

Но это не главное. Его жизнь состоялась. Дети уже взрослые, получили образование и давно живут своей самостоятельной жизнью. Внуки растут и учатся. У него есть дом, здоровье ещё позволяет заниматься хозяйством, правда, он уже отказался от коровы: тяжело и хлопотно ухаживать за нею. Но свиней держит ещё, выкармливает для себя и детей. Вообще, помогает им всегда, чем может. То есть он ведёт себя, как любой граж-

данин России в его возрасте. Было время – был коммунистом. Партбилет и сейчас хранит дома. Он не страдает тщеславием, не прятался от жизни при советской власти и сейчас хочет оставшийся кусочек времени прожить спокойно и с достоинством. Ведь заслужил же он это делами своими. Но вот предоставит ли сегодняшняя власть ему такую возможность? Он сомневается:

— В 1989 году я поддерживал Ельцина, душой и сердцем горел за реформы. Агитировал шахтёров идти за президентом. А теперь вот не верю ему. По внуку сужу. Учится парень в техникуме и получает стипендию, которой хватает пообедать в столовой два раза. А ведь Ельцин перед референдумом в первую очередь к молодёжи, студентам обратился, обещал повышение стипендии. Референдум прошёл – где оно, это повышение? И вообще, он всю Россию до нищеты довёл. Что же мы внукам своим оставим, если самим уже жить становится не на что?..

1994 год.

ВСЁ ДЛЯ ФРОНТА, ВСЁ ДЛЯ ПОБЕДЫ!

Давно это было. Молодая советская власть решительным образом взялась за освоение Сибири. Отовсюду ехали посланцы республик обживать её необъятные просторы. Переселенческая волна захлестнула и семью Рубанов.

Зимой 1927 года в село Костобобр Семёновского района Черниговской области наведалься агент оргнабора. Собрал сходку и принялся описывать крестьянам богатства и вольницу сибирского края. Он сам был родом оттуда, знал, о чём говорил. До поздней ночи колготились крестьяне. Выгоды нового места жительства прельщали многих, но уехать из родного села отчаялось всего семь семейств.

Ранней весной 1927 года переселенцы со своим скарбом прибыли на место, определённое им по договору. В семи километрах от шахты «Южная» на косогоре, поросшем вековой тайгой, поставили они шалаши, выкопали колодец, срубили баньку одну на всех, и за лето потихоньку скопом отстроились и справили новоселье. Выселки в честь родины назвали Костобобровкой.

В 1928 году в новом доме на новой родине у Рубанов родился сын Петя. У него уже были две сестры и два брата, было кому водиться с мальчонкой.

Огромные ели, кедры и сосны, дремучий лес, травы, комарьё, осы и ласковые воды реки Чернушки летом и морозы, снега и катание на лыжах зимой – далёкое детство, та самая жизнь, о которой и сейчас, на склоне лет, вспоминается всегда с восторгом.

Не подумайте, пожалуйста, что только забавами были заняты умы мальчишек и девчонок. Скот надо пасти, когда ты не один, это же весело, в лес гурьбой по грибы, ягоды – какая это работа?

Подрост Петя, пошёл в школу. Вечером зимой детей постоянно ходили встречать взрослые. Бывало, и в розвальнях кто поедет за «студентами». Насаждает детей в сани, гикнет – и понеслась по узкой дорожке резвая лошаде́нка! Снег в лицо, взвизги и хохот всю дорогу – красота!

Жители новой деревеньки занимались вырубкой леса, работали на шахте «Южная», принимали участие в прокладке железной дороги на Барзас, отвозили в Кемерово поваленный лес и продавали его, занимались также отпалкой вырубков.

В 1938 году семью Рубанов настигла беда. Прямо с работы забрали отца, объявили его врагом народа и без суда и следствия отправили в места заключения. Тогда отец работал сторожем, охранял склад со взрывчаткой Крохалёвского шурфа, и что-то у него там, как с опаской сообщили очевидцы, произошло с начальником, потребовавшим для своих нужд отпустить со склада

динамит, чему сторож воспротивился и был наказан. Большая сердцем и астмой мать осталась одна с пятью детьми на руках. Происшедшее потрясло её. Она серьёзно заболела и слегла. Дочери и старший сын пошли ра-ботать, чтобы как-то прокормить семью. Десятилетний Петя теперь уже не играл. Он собирал по тайге пихтовую лапку и сдавал её в леспромхоз за деньги. Выручка и от его труда теперь учитывалась в семейной кассе.

Когда началась война, старшего брата мобилизовали в армию, на шахту пошёл работать средний брат. Младшенький Петя доучивался в школе и помогал чем мог по хозяйству. Отделившиеся ранее сёстры жили в войну с матерью одним домом – так было легче. Очень здорово выручала тайга. Урожаи на ягоду, шишки, грибы в войну были небывальными. Не ленись только, собирай. И заготавливали впрок всего. Не только ведь для себя заготавливали, но и на фронт отсылали бойцам сибирских гостинцев с твёрдым напутствием – бить врага ещё крепче. И, наверное, воздействовали такие гостинцы на душевные струны солдат несравненно сильнее, нежели призывы и строгие формулировки приказов.

Мужское население Костобобровки, годное к строевой службе, воевало на фронтах с врагом, дети, старики и женщины продолжали оставленные им отцовские дела. С шахты «Южная» шахтёры рвались на фронт. И хотя для них существовала бронь, многих отпускали, на их место вставали подростки и женщины.

В 1943 году, когда Пете исполнилось 15 лет, и он пошёл работать на шахту. Уголь в забоях взрывали и лопатами по решёткам ссыпали в вагонетки, которые по рельсам до подъёмной клетки развозили полуслепые лошади.

Впервые попавшему под землю Пете было очень интересно заглянуть во все доступные места. И он всюду совал свой нос и успел везде побывать. Но очень скоро чувство новизны исчезло. Шахта – хотя и экзотика, но это не пещера, где когда-то жили сказочные гномы. В ней надо работать. Эту истину

очень скоро Петя усвоил. Ему приходилось быть и коногоном, транспортируя вагонетки туда и обратно, и подтакивать лес, и устанавливать стойки, и взрывать уголь, и лопатить его. Всему научился он за годы работы на шахте.

Зимой в сильные морозы и особенно когда на неделю завьюжит буран, Петя после двенадцатичасовой смены домой не шёл, а кушал здесь и на специально установленных для этого койках отсыпался до следующей смены. Так поступали все приходившие на работу издалёка.

Уголь шёл от шахты в Кемерово на заводы оборонного значения. Его требовалось много. Ведь это был коксующийся уголь. Ценой самоотверженных, героических усилий шахтёры, большинство которых составляли женщины и подростки, этот уголь выдавали на гора сколько требовалось по плану и даже сверх того. Работа шахтёров всегда считалась тяжёлой. В военное время она была тяжелее вдвойне. Трудовая, армейская дисциплина поддерживалась суровыми наказаниями рабочих за малейшую оплошность. Здесь рассуждать не давали. Но редко кто обижался, так как все понимали: всё для фронта, всё для победы – не просто лозунг, а это смысл всего, чем жила тогда вся наша страна.

Молодой неокрепший организм Пети Рубана не сумел войти сразу же в трудовой ритм шахтёров. Однажды, уработавшись с креплением стоек, он настолько устал, что за два часа до конца смены забился в тёмный уголок лавы и уснул. Горный мастер, обнаружив его отсутствие, поднял тревогу. Обыскали всё и, конечно же, нашли мальчишку. За сон в рабочее время у Пети в течение полугода высчитывали из зарплаты 25 процентов.

Весной, когда не просыхающая от растаявшего снега земля делает невозможным движение по тайге в любом направлении, топтать в чунях от шахты до Костобобровки, не намочив ног, было нельзя. Чуни (отливки из резины в виде неглубоких калош) давались шахтёрам как спецобувь. Сапог ни у кого не

было. Петя с друзьями додумался использовать шланги, разрезаемые вдоль для изготовления голенищ. Так вот с трубчатыми голенищами ходили костобобровские по тайге.

— В 1944 году, как раз весной, выбирали мы уголь под болотом, что у свёртка на Петрушкин хутор, — вспоминает Пётр Иванович, — ну там, где сейчас улица Калинина. Снеговая вода болото в озеро превратила. Нашла вода дыры в грунте, просочилась в шахту, подмыла свод. Он и рухнул от тяжести. В забое в тот момент никого не было. Хлынула вода, зашумела. Испугались мы и побежали. Вода следом чёрным валом катит. Едва успели в клеть заскочить. Без жертв обошлось. А страшно...

До 1949 года работал на шахте «Южная» Пётр Иванович Рубан. Потом от горэлектросети прокладывал линии электропередач, потом снова в шахте, но уже «Берёзовской», работал. Пришлось поработать и на стройке.

Мать, разбитая параличом, жила с сыном, пока не умерла, в 1956 году. Об отце на запрос в 1959 году пришла бумага из Кемерова, извещающая, что их отец посмертно реабилитирован. Прожил он в зоне пять лет. Где похоронен — неизвестно.

В 1983 году, к 55 годам жизни его, оформили Петру Ивановичу пенсию. Бесхитростно живёт он, поросят держит, общается всё больше с женой и собакой. А ещё он на советскую власть крепко обижен: за работу в военное время на шахте брату его медальку выдали, а ему нет — потому только, что Пётр Иванович до выдачи этой медальки успел с шахты рассчитаться. По случаю отсутствия заслуженного кусочка металла не видать теперь Рубану никаких льгот в социальном обеспечении до скончания. В трудовой книге запись о том, что работал он во время войны на шахте «Южная» есть. Но вот нужна к этой записи медалька — и всё тут.

1991 год.

ЧЕЛОВЕК С ДВОЙНЫМ СЕРДЦЕМ

Осеннее солнце безжалостно заливало ярким, не греющим светом промёрзшую за ночь землю. Выйдя во двор своего дома, специально для нас, в увешанном медалями пиджачке, он указал нам на прилепившиеся к стене под карнизом крыши фарфоровые изоляторы ввода электроэнергии, к которым были протянуты провисшие провода от наклонно стоящего столба, и скороговоркой зачастил:

— Каждой весной сползающий с крыши снег рвёт их, как нитки. Тут всего-то надо перенести гусак повыше или на фронтон – и никаких проблем. Я обращался по этому поводу в ЖЭК и в горэлектросеть. Но они ссылаются друг на друга, а страдаю весной я. Неужели они не понимают, что с переделкой ввода не только у меня, но и у них станет меньше хлопот в нашем районе? Ведь я же не успокоюсь, пока мне его не установят как следует.

Мы смотрим на «шедевр» строителей прошлых лет, чешем «репу» и соглашаемся с хозяином.

— А музей в пристройке школы №2? – тотчас перескакивает он на обсуждение другой наболевшей проблемы, – Сколько мы сил и труда вложили с Адовым в его создание! Какие там были экспонаты, вещи и документы по истории шахты! Теперь ничего нет. Для директора школы проблема размещения учеников важнее сохранения истории нашего посёлка. Это советский период, но ведь это же была наша жизнь, и наши правнуки должны о ней знать всё! Они и сейчас хотят, чтобы мы, старики, приходили к ним в школу и рассказывали, как люди жили здесь раньше...

Кто же этот беспокойный хозяин дома? Холерик, заводной мужичок – такую характеристику сразу же выдал ему я. Про себя, конечно, не вслух. Наш собеседник – Николай Иванович Пятаев. Послушаем его рассказ.

— Не местный я. Родился в 1927 году в Пензенской области, Лопатинском районе, в селе Бузовлево. Село большое, домов 500 насчитывалось в нём тогда. Хорошее было место у нас: рядом с домом речка протекала. На селе спиртзавод и лесозавод работали, а также колхоз имени Булганина. В семье нашей было семеро детей: две сестры, четыре брата и я. Мне было два года, когда умерли наши родители. Старшая наша сестра была замужем, жила рядом и всегда старалась помогать нам, оставшимся без родителей детям. Да только какая тогда могла быть с неё помощь? В своём хозяйстве увязала по уши. Забежит на минутку, когда подскажет что, накричит, и то ладно. Тяжело нам жилось. Многого не хватало. Поэтому, проучившись в школе четыре класса, в 12 лет я вынужден был пойти на работу в колхоз. Там мы с мальчишками возили воду с реки для полива плантаций табака, арбузов, капусты и других овощей.

В 1939 году началась финская война. Два моих старших брата служили тогда в армии. А как началась война с немцами – забрали ещё двух. Остался я, самый младший. Так вот, при объявлении войны по радио председатель сельсовета собрал всех жителей на площади и призвал приложить все силы, чтобы наша армия смогла выстоять перед агрессором. Наша комсомольская организация, я тогда уже был комсомольцем, каждому комсомольцу определила по 10 дворов, к хозяевам которых мы приходили и на добровольных началах, с каждого двора должны были собрать по 10 кисетов, портянок холщовых, 20-30 стаканов табака. Ещё со двора надо было для фронта засушить по 10 килограммов кураги (так мы называли тыкву, когда её высушишь, то она становится по вкусу, как чернослив) и картошки. Всё это мы упаковывали в фанерные ящики, девчата обшивали их холстом и отправляли в райвоенкомат, а уже оттуда – на фронт.

Помимо этого каждый хозяин в год должен был сдать государству 360 килограммов картошки, 75 килограммов мяса, 14 килограммов и 200 граммов масла и ещё 120 яиц.

Весь хлеб, который выращивал колхоз, забирало у нас государство. Жили мы на одной картошке. Хлеб пекли из проса. Сажали просо на огороде, с одной сотки получалось мешка три-четыре, толкли зёрнышки проса в ступе, подмешивали картошки и пекли вполне пригодный для еды хлеб. Но проса на зиму не хватало, так что основной упор всё-таки делали на драники, картофельные оладьи, то есть. Хлеба давали по 200 граммов на трудодень, только тем, кто работал в МТС и на технике.

В уборочную страду, в сенокос наш председатель колхоза Иван Поликарпович Колчин, по ранению демобилизованный из армии, организовывал для работающих обеда, к которым выдавали на человека по стакану мёда. В колхозе же имелась своя пасека. Сахару тогда в обиходе не было, поэтому люди старались не съедать за обедом мёда, а относили его домой. Я всю войну проработал в колхозе. Ухаживал за лошадьми, племенными бычками. Поначалу пахал на лошадях, но потом призвали в армию всех мужиков, остался я и другие мальчишки. Мне, как одному из самых старших и сообразительных, доверили технику.

В 1943 году я был послан в районную МТС штурвальным, на ремонт комбайнов «Сталинец» для своего колхоза. Трактор волочил за собой комбайн, который срезал пшеницу, рожь и смолачивал из колосьев зерно. В обязанности штурвального входило следить, чтобы не засорялась сетка, через которую проваливалось смолоченное зерно, и ещё надо было вовремя сбрасывать с барабана комбайна снопы. До меня штурвальным на этом комбайне работала женщина, но когда забрали в армию комбайнёра, её посадили на комбайн, а меня определили на её место. В 1944 году она заболела, и я заменил её. В 1945 году пришли с войны настоящие комбайнёры, я,

как самоучка, был отправлен работать заправщиком. А в сентябре 1947 года вышел Указ Сталина, согласно которому ребята 1926-27 годов рождения, не служивших в Красной Армии, отправляли в трудовую армию на 4 года. По причине брони я в армии вовремя не отслужил. По этому Указу я и попал в Кемеровскую область на шахту «Южная».

Поначалу, три месяца, я проработал здесь откатчиком вагонов. От забоя наполненную углём вагонетку нужно было вручную отогнать за 20 метров к «свежей струе» – месту постоянной вентиляции, откуда уже лошадьми вагонетки отвозились до скипового ствола. Но откатчик – это же не специальность. Поэтому пошёл я затем на курсы взрывников и через 5 месяцев их окончил. Стал работать взрывником и без отрыва от производства одновременно учиться на забойщика и проходчика. В 1950 году я освоил эти специальности и стал работать проходчиком.

Тогда мы работали как бы индивидуально: сменным подмером. Это когда в конце смены замеряют, сколько наработано за смену. В 1953 году на шахте была организована первая комплексная бригада под руководством Магасумова. Я и попал в неё. Каждый месяц мы выполняли государственный план. Хорошо работали. Поэтому в 1955 году руководством шахты было принято решение для увеличения фронта подготовительных работ создать ещё несколько таких бригад. Меня назначили бригадиром новой комплексной бригады. В бригаде было 16 человек. Всего на шахте таких бригад стало три.

До 1958 года, работая с полной самоотдачей, мы добились самых высоких показателей по Кузбассу. В 1958 году я был послан на съёт передовиков в Прокопьевск, где меня наградили Почётной грамотой Министерства народного хозяйства. В 1965 году наша бригада взяла обязательство выполнить восьмилетнюю пятилетку досрочно. С чем мы и справились, да ещё как! За пять лет мы должны были пройти 15 километров 700 ме-

тров выработки, а прошли 16 километров 900 метров! За это достижение в 1971 году я был награждён орденом Ленина. За год до этого мне присвоили звание «Почётный шахтёр».

Вот какой доблестный в труде товарищ наш, вечно спешащий куда-то собеседник! Правительство высоко оценило трудовые успехи шахтёра. Кроме этой награды за всё время работы на шахте Н. И. Пятаев получил 23 Почётных грамоты от предприятия, знак Победителя соцсоревнования, Юбилейную медаль к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина, медаль «Ветеран труда». А недавно ему вручили и медаль в честь 50-летия Великой Отечественной войны.

В 1976 году после травмы, полученной на работе, он вынужден был по состоянию здоровья перевестись в крепильщики, вскоре вышел на пенсию. Но уже в следующем году его отозвали с заслуженного отдыха для постройки пионерлагеря. Потом он работал крепильщиком, до 1985 года. Он и сейчас трудится на шахте плотником. Неугомонный, вечно спешит куда-то. На одну пенсию, даже шахтёрскую, сейчас ведь не проживёшь. Так что если всё это подсчитать, то трудового стажа у Николая Ивановича будет 53 года, а не 25 лет, которые полагается отработать нормальному пенсионеру, чтобы иметь право получать пенсию. И вообще, знакомые о нём отзываются, как о человеке с двойным сердцем. Одно сердце такую нагрузку выдержит разве?

Вместе с женой Лидией Михайловной Пятаев вырастил и выучил двух сыновей и дочь. Людмила, старшая, живёт сейчас в Краснодарском крае. Сыновья, Владимир и Сергей, – под боком, в Кемерове. От детей своих он помощи не просит. Тем, молодым, и так тяжело сейчас. Пятаев пока на себя надеется. И предполагает свой трудовой стаж продлить до 60 лет. А почему бы и не попробовать: здоровье есть, да и года не совсем еще приклонили его к земле?

Сентябрь 1995 года.

СЛЕД ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ ТРАГЕДИИ

26 апреля 1986 года на Чернобыльской АЭС в результате произошедшей аварии вырвался на волю смертоносный атом. Взорвавшийся реактор разворотил здание машзала четвёртого энергоблока и выпустил наружу энергию, несущую смерть всему живому. Из пространства, охватываемого тридцатикилометровым радиусом, были выселены проживающие там граждане. Леса, сады, парки представляли после взрыва в этой зоне скопище пожелтевших скелетов. Мы обрели вторую Хиросиму. Многие области Украины и Белоруссии, а также 16 областей России и вся площадь республики Мари-Эл в результате этой аварии были включены в зону экологического бедствия.

В первые дни после взрыва в больницы наиболее приближённых к центру аварии населённых пунктов хлынул поток людей. Счёт больных шёл на десятки тысяч в день. В статье «Политбюро на весах Чернобыля» («Комсомольская правда», декабрь 1992 год) Алла Ярошевская рассказывает: «Из «сорока секретных протоколов кремлёвских мудрецов» видно: когда они поняли, что захлёбываются во всём этом потоке больных, они приняли решение о том, чтобы поднять допустимую дозу. Представляете – решением даже не медицинского консилиума, а оперативной группы Политбюро, поднимается доза, и все сразу становятся здоровыми? Как если бы раньше нормальная температура тела была 36,6 градусов, а потом решением В.С. мы бы установили, что нормальная – 39 градусов, и больных бы у нас не стало. Ещё пример из этих протоколов – рецепт, в каких пропорциях разводить радиоактивное мясо: один к десяти (килограмм заражённого смешивается с десятью килограммами мяса здоровых животных). Тогда было дано разрешение – употреблять людям эти мясопродукты во всех городах, кроме Москвы...».

Авария произошла 26 апреля, а принимать меры к эвакуации людей из опасной зоны начали после Первомайских праздников. Через горнило Чернобыльской аварии прошло около 700 тысяч спасателей, которых набирали в добровольно-принудительном порядке из числа военнослужащих и уволенных в запас из рядов армии. Об одном из них, Юрии Николаевиче Пережигальском, мы и расскажем вам.

Юрий Николаевич – сибиряк. Родился в 1952 году в Красноярском крае. В 1976 году он окончил Сибирский технологический институт. В 1977 году приехал в Берёзовский. Работает в АО «Черниговец» инженером-механиком паросилового хозяйства. В июне 1987 года он был призван по приказу Сибирского военного округа Берёзовским горвоенкоматом на военные сборы, месторасположение которых – Чернобыль. За два дня до этого были призваны ещё четыре офицера запаса – берёзовчане Н. И. Ларионов, С. П. Чеплев, Б. М. Дранишников, Н. А. Червоняк.

Пережигальский окончил военную кафедру в институте и получил офицерское звание, а его военная специальность «командный состав химических войск» оказалась нужна при ликвидации последствий Чернобыльской аварии. На разбушевавшийся реактор за год призванные из запаса гражданские специалисты, военные строители уже сумели надеть смирительную рубашку – бетонный саркофаг, но для того, чтобы иметь возможность продолжать эксплуатацию сохранившихся энергоблоков, необходимо было произвести дезактивацию объектов промплощадки АЭС. Этим и занимались привлекаемые на военные сборы запасники нескольких военных округов Украины, Белоруссии и России. Вместе с Пережигальским на АЭС из городов Кузбасса – Прокопьевска, Киселёвска, Анжеро-Судженска тогда было отправлено 12 офицеров. Приехали они на Украину в июне.

На окраине деревни Черемошня воинская часть №41173 Сибирского округа устроила временный лагерь. Солдаты жили в больших брезентовых палатках. Офицеры – кто в вагончиках, а кто в общежитии. Черемошня расположена близко к границе 30-километровой заражённой зоны. По утрам людей рассаживали по кузовам так называемых «чистых» машин и отвозили на Чернобыльскую АЭС. Не доезжая нескольких километров до станции, колонна машин останавливалась в покинутом жителями населённом пункте, и солдаты пересаживались в «грязные» автомашины, которые и доставляли их на объект.

Взвод Пережигальского занимался дезактивацией и очисткой площадок кровли третьего энергоблока АЭС. Радиацию можно было удалить только механическим путём. Поэтому облучённые поверхности кровли взламывали отбойными молотками, ломами и грузили мусор лопатами в мешки и контейнеры, которые затем спускались на землю и отвозились для захоронения в могильниках. Теплозащитный слой, пароизоляцию и гидроизоляционный слой подчищали до железобетонных плит покрытия и заменяли новым. После чего кровля считалась уже обеззараженной. Площадок, на которых работали солдаты, было много, в разных уровнях, и все они обозначались буквами. И солдаты места своей опасной для жизни работы на кровлях нарекли нежными женскими именами: площадка «Наташа», «Маша», «Катя большая», «Катя маленькая», «Лариса». Общая площадка АЭС именовалась «Ромашкой».

— Работа эта была не простая, – рассказывает Юрий Николаевич. – Подъём – в 5 часов утра, а офицеры вставали и того раньше. В шесть – выезд. Перед выездом – общий инструктаж под роспись по технике безопасности. Переключка – и по машинам. Двигались со скоростью не более 30 километров в час.

Транспорт шёл потоком со всех сторон. Дорога не пустовала, постоянно поливалась, чтобы не было пыли. На обочинах повсюду предупреждающие знаки «Радиация» и указатели «На обочину не съезжать», так как местность, кроме дороги, не обрабатывалась. На въезде в зону были КПП, оборудованные большим дозиметром для проверки техники, посты ГАИ и военной автоинспекции.

Приехав, военные полностью раздевались и надевали спецодежду, шапочки, меняли респираторы «Лепесток» на новые. Каждый обувал сапоги и поднимался на лифте вверх, на площадку, именуемую «Парашей», где группы распределялись на работу, придерживаясь очередности.

Самыми удачливыми считались попавшие наверх первыми (не приходилось томиться в ожидании). Первыми они и выходили на кровлю, получали свою дозу облучения и опускались вниз, где поверхность земли была уже обработана: снят слой грунта, асфальт и бетон дороги взломан, вывезен и заменён на новое покрытие. Там уже не так страшно было ожидать окончания рабочего дня, когда, собравшись вместе, колоннами, как и прибыли, отъезжали на места своей дислокации. Тем же, кому меньше повезло, приходилось порой по полдня в ожидании своей очереди высиживать на этой «Параше». Окрестили так это место потому, что не слишком большое удовольствие находится здесь, особенно без дозиметров.

После окончания работы проходили дозиметрический контроль. Спецодежда, которая «фонила» выше нормы, сразу выбрасывалась. Вместо неё нам выдавали новую. Обязательно нужно было после работы пройти через мойку, а после ещё раз проверить себя на облучение дозиметром. На этом приборе уже не было делений, а только красная и зелёная шкала. Если стрелка попадала в красный сектор, то приходилось снова мыться. После работы на станции возвращались

в полк в 2-3 часа дня. А если работали в деревне, то вечером. Перед выходом на работу офицеры в раскомандировке брали карту уровня радиации, на которой в зависимости от погоды и наличия излучаемых радиационных материалов указывалось всякий раз, сколько времени можно держать солдат на объекте. В первые дни, когда только приступили к разборке защитных слоёв кровли, радиация площадок возле саркофага четвёртого энергоблока бала наивысшей, и солдаты в день тратили на выход 20-50 секунд. Выскочил на кровлю, поработал немного, а командир уже кричит, чтобы бежал в укрытие. И ради этих секунд надо было ехать 30 километров. Но ничего не поделаешь: больше работать при таких условиях не полагалось. По подсчётам медиков, человек безболезненно мог перенести определённое количество рентген облучения в день. Дозиметры, которые выдавали при выходе на кровлю, регистрировали дозы облучения, дозиметристы их складывали, и когда доза достигала нормы, установленной министром обороны, человека уже не имели права использовать на ликвидационных работах. Его обязаны были отправить домой. Как доказали позднее учёные, полученная нами доза облучения была занижена в несколько раз. Обычно для набора нормы хватало кому месяца, а кому и трёх. Позже стали работать по 15-20 минут в день.

Были дежурные группы, и им приходилось работать на «Параше» всю смену. По полной смене работали и на «Ромашке». Все мы, принимавшие участие в работах по ликвидации последствий аварии, испытывали беспокойство за состояние своего здоровья. Медики нас успокаивали, но в то же время никак не могли объяснить тот факт, что у многих работающих появились раздражения кожи нижних конечностей, сильные головные боли, сбои в нормальной работе желудка и другие отклонения. Но работать надо. В армии ты не волен

руководствоваться своими желаниями. Для этого туда и призывали. Приказали – делай. Потому и делали. И с нетерпением ожидали дня, когда можно будет распрощаться навеки с этим адским местом. Только с этими мыслями и жили...

— Я был командиром взвода спецобработки, – рассказывает дальше Юрий Николаевич, – но очень часто сам вынужден был выбегать работать, показывать на кровле солдатам, где и что делать, у выхода на кровлю следил по времени за их пребыванием в опасном месте, в общем, организовывал деятельность взвода в течение всего дня. Также время нахождения на кровле контролировалось через мониторы, видеокамеры, громкоговорящую связь. Нашей главной задачей была дезактивация кровли третьего энергоблока АЭС. Помимо этого несколько раз мы работали в расположенных рядом деревнях – проводили дезактивацию: разбирали соломенные крыши хат, заборы, чистили кюветы, увозили всё в могильники.

Почти полтора месяца я отработал на ликвидации последствий аварии. Там каждый занимался только своим делом. Одни срезали грунт, другие выкорчёвывали деревья в так называемом Рыжем лесу и закапывали всё в могильнике, потому что использовать или сжигать лес было нельзя, иначе разносилась бы радиация. У остальных – другие задачи. В зоне все населённые пункты были заброшены и представляли собой жуткое зрелище: оставленные жителями дома и квартиры, раскрытые калитки. Даже птицы исчезли. Мёртвая пустота. Огромные клады брошенной техники, огороженные колючей проволокой. Вокруг всё казалось обычным: зелёная трава, зелёные деревья, но на всё это можно было только смотреть с борта автомобиля. В полку жили по распорядку воинской части...

Что у меня осталось от Чернобыля – эти воспоминания, благодарность от командира войсковой части за исполнение патриотического долга перед Родиной и... болезни. Из реги-

онального межведомственного экспертного совета по установлению причинной связи заболевания с работами по ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС наконец-то получил подтверждение, что мои заболевания связаны с работами на Чернобыльской АЭС. Мой случай не единичный. Многие из ликвидаторов страдают различными заболеваниями. Только в нашем городе этих чернобыльцев-ликвидаторов более 40 человек. На моём предприятии нас девять человек, один – пенсионер. Хочу сказать, что ездили мы туда не по собственному желанию, а были призваны на военные сборы. Нас туда направило государство. А сегодня пострадавшие от Чернобыльской аварии по большому счёту остались один на один со своими проблемами.

Апрель 1996 года.

СОЗИДАТЕЛЬ

— Тайга бесконечная, зверем и птицей богатая, здоровый климат, сытая жизнь, пласты угольные толщиной в шесть метров. Простор, одним словом, увидел я в Сибири, перспективу, место для себя, где бы я, человек молодой, определиться мог сразу же, – разматывая клубок воспоминаний сорокапятителетней давности, задумчиво произносит кавалер ордена Ленина Валентин Александрович Ткаченко.

— Но ещё больше мне понравились сибиряки – добрые, открытые и сердечные люди. Не выглядели они задёрганными, пришибленными горем не так давно отгремевшей войны.

Валентин Александрович – самый что ни на есть потомственный шахтёр. Дед его забойщиком оттрубил свою трудовую жизнь на шахтах Донбасса. Отец, умерший за месяц до

окончания войны, при жизни своей был начальником шахты «Южная» в Дзержинске. А он, сын, окончив семь классов, устроился на эту же шахту сначала коногоном, потом стал работать проходчиком, забойщиком. Здоровый, старательный и смысленный был парень. Начальство, заметив его усердие, отправило на годичные курсы горных мастеров. Окончил он их и вернулся на шахту «Южная». Четыре года на ней работал начальником участка. Здесь же окончил 11 классов вечерней школы и поступил в Днепропетровский горный институт.

В 1953 году он был направлен на производственную практику в Кузбасс. Попал на шахту, тоже «Южную». После института Ткаченко предложили работать в одной из соляных шахт Донбасса. Но он отказался в пользу сибирской шахты «Южная».

— Шахту «Южная» построили до первой мировой войны на деньги бельгийцев, — говорит В. А. Ткаченко. — Во время Гражданской войны она была затоплена. В начале 1941 года её восстановили и запустили в эксплуатацию. В 1958 году, когда я попал туда, это была уже старенькая выработанная шахта, дававшая в год до 300 тысяч тонн угля. И уже несколько лет она находилась в стадии реконструкции, но ничего по этой реконструкции на шахте фактически не делалось. Считалось только, что работу по реконструкции ведёт на шахте Кемеровское строительное управление.

В 1959 году меня, начальника участка, назначают директором шахты. Теперь я должен был полностью отвечать за её состояние. Со специалистами шахты мы обсудили положение дел и предъявили руководству «Кузбассугля» требование: не можете обеспечить проведение реконструкции силами своего управления — отдайте эту работу нам. Шахта при надлежащем финансировании выполнит реконструкцию самостоятельно, хозспособом.

Нам пошли навстречу. Разрешили. На шахте был создан отдел капитального строительства, при нём организовали три участка: горно-капитальных, строительных и монтажных работ. Подобрались в этот отдел сильные и инициативные люди, для которых важно было, и как можно быстрее, получить конечный результат – реконструкцию шахты. Они болели за своё дело. За короткое время мы сумели создать коллектив высококвалифицированных строителей. Всего за полтора года коллектив полностью закончил реконструкцию шахты и с 300 тысяч тонн вышел на 800-тысячный годовой рубеж по добыче.

— Я вообще человек хозяйственный, — продолжает свой рассказ Валентин Александрович, — а тут, раззадоренный достигнутыми в строительстве успехами, решил взяться серьёзно и поставить на ноги всю социальную сферу посёлка. Ну что представляла собой Кургановка в 60-х годах? Вырубленная в тайге поляна, несколько сот домишек вокруг территории шахты и утопающие в грязи улочки. Никакого комфорта. А ведь нам здесь жить надо. Шахта ведь разрослась. Добыча увеличилась, увеличилось и количество работников. Чтобы они хорошо работали, для них необходимо было создать нормальные бытовые условия. И я начал строить жильё. В области меня понимали и всегда старались помочь в любом начинании. Область профинансировала строительство 15 кирпичных двухквартирных домов и около 20 деревянных. Мы их возвели. В одном из двухквартирных домов на улице Резвых стал жить и я. Были построены также в мою бытность на шахте директором и школа №2, детский сад «Светлячок», закончено строительство клуба.

Но жилья не хватало, и мы взялись за строительство пятиэтажного 80-квартирного дома по улице Вахрушева (это дом, в котором находится аптека). А первый асфальт мы проложили по улице Вахрушева в 1960 году. Люди были счастливы видеть одетую в асфальт улицу.

Налаживалась потихоньку в посёлке нормальная человеческая жизнь. Налаживалась и производственная – на шахте. Конашевич, Пригорницкий, Пятаев, Юминовы, Силакины – все эти люди самоотверженно трудились на шахте. Они были душой коллектива. И их знали не только на «Южной»: к Конашевичу, например, внедрившему на шахте щитовую систему (добычу угля комплексами), приезжали частенько перенимать опыт работы с новым оборудованием работники с других шахт города и области.

В 1964 году Ткаченко пришлось оставить «Южную»: его назначили директором шахты «Берёзовская». Так случилось, что у прежнего директора этой шахты возникли разногласия с парторгом предприятия, разбившие коллектив на две группы.

— Представьте себе, – говорит он, – сидят в зале люди, разграниченные проходом на две половины, связанные друг с другом работой, интересами общей жизни на шахте и в городе. И вот выходит на сцену выступающий от одной половины зала, говорит. Ему хлопает одна половина зала, другая половина это выступление демонстративно игнорирует молчанием, либо насмешливыми выкриками с места. Выходит к трибуне представитель другой половины зала и обязательно говорит что-то в противовес предыдущему докладчику. Ну и, соответственно, реакция зала та же: хлопки одной половины в поддержку выступившему и злое молчание другой половины. Комедия, да и только. Прослушал я всех ораторов тогда внимательно и говорю в заключительном слове: «Смотрю я на вас – смех и горе, вы же можете хорошо трудиться, в этом отношении любому способны утереть нос! Разногласия в методах проводимой работы каждый день возникают, ведь любую работу можно сделать так, а можно и эдак. Не надо становиться врагами друг другу только потому, что именно ваш метод не взят на вооружение. Главное же не в этом, а в

том, чтобы работа двигалась. Вы должны стать однородным коллективом. Все вы должны работать на шахту, директора, а он – работать на вас».

После собрания, встретившись с лидерами противоположных сторон, Ткаченко поставил перед ними условие: либо они с этого же дня забывают про распри и занимаются только работой, либо же придётся им с шахтой расстаться. Их «политическая» борьба приносит только вред производству. Взвесив все «за» и «против», эти люди решили расстаться с шахтой. А после их ухода противостояние шахтёров сошло на нет.

Высокую производительность труда в то время показывали бригады Конончука, Тонковида, Майкова, Шелепова, Куца, Севергина, Кульбашенко, Сафина, Мерзлова, Гумирова. Шахтёры «Берёзовской» увидели, на что способна горная техника в умелых руках при хорошей организации труда, и старались взять от неё всё возможное.

— На «Берёзовской» мы стали осваивать новые комплексы, – продолжает рассказ В. А. Ткаченко. – В этом деле мне очень помогали мои заместители: главный инженер Владимир Михайлович Силонов, заместитель по общим вопросам Василий Фёдорович Донской, главный механик Аркадий Степанович Каплун, заместитель по капитальному строительству Владимир Геннадьевич Кудрявцев, заместитель по производству Николай Григорьевич Масников. Это были труженики, которые сполна отдавали себя производству. Экономистом был у меня Дмитрий Арсентьевич Виноградов, которого я сманил с шахты «Южная», где он работал со мной главным инженером. Эти люди были моим надёжным тылом. По натуре я авантюрист. Когда у меня появлялись идеи, искал пути их осуществления, а вот оформление этих идей, чтобы они не выходили за рамки законов, а также практическое их воплоще-

ние – это было делом моих помощников, с чем они успешно справлялись.

Как истинный хозяйственник, едва разгрузившись от производственных работ, стал я заниматься и нуждами жилого посёлка при шахте. Не хватало в нём воды – провели водопровод от Барзаса. На собрании как-то один из шахтёров поднимается и говорит: «Всем хороша у нас в посёлке жизнь, а вот в жару искупаться негде. Пруд бы посёлку не помешал». Взял я это себе на заметку. Вскоре удалось организовать и это дело.

Раньше на Сергиевку к Барзасу ездили отдыхать через Дмитриевку, другой дороги не было. Вроде бы недалеко, но не каждый желающий мог использовать этот уголок природы для своего отдыха в воскресный день. Провёл меня как-то друг по прямой тропе к Сергиевке. Понравилось место – а почему бы не пробить к реке дорогу по тропе? Решено – сделано! Выделили маркшейдеру пару бульдозеров, оповестили народ забирать купленный шахтой на корню лес в районе просеки и пошёл по тропе этой впереди бульдозеров маркшейдер: пробили к Барзасу дорогу. Построили на берегу Барзаса и пионерлагерь. Позже сделали турбазу для шахтёров. И правильно сделали, и сейчас есть на что посмотреть и где отдохнуть. Делегации гостей области приезжали на турбазу к нам отдыхать. Эдита Пьеха, Иосиф Кобзон и Алла Пугачёва на стенах турбазовской бани оставили свои автографы.

Но не только пионерлагерями и прудами была забита голова у Ткаченко. Строил он и жильё. 14 лет возглавлял он шахту «Берёзовскую». За это время в посёлке шахтой было построено хозспособом с привлечением труда заключённых 14 тысяч квадратных метров жилья: пятиэтажные кирпичные здания, два детских сада, магазины, столовая, двухэтажные коттеджи в районе улиц Фрунзе и Фурманова, ДК Шахтёров, профилакторий.

Разрез «Барзасский» – оказывается, и он своим рождением в чём-то обязан Ткаченко. Ещё работая на шахте «Южная», Валентин Александрович задействовал от шахты участок открытых разработок угля у посёлка Латыши. Для этой цели была закуплена землеройная техника. И у села Ломовое организовал он участок открытой разработки. И именно Ткаченко в 1980 году подал идею заместителю министра угольной промышленности Рощенко о создании разреза «Барзасский» на базе начатого им дела, добился оформления всех документов по созданию предприятия и заселил управление открытчиков в бывшее здание ВГСЧ города.

С 1976 по 1981 годы Ткаченко работает в объединении «Северокузбассуголь» – сначала директором капитального строительства (приметили его хозяйственную жилку!), затем директором по производству. В 1981 году он вновь вернулся на шахту «Берёзовская». Но в 1984 году по состоянию здоровья вынужден был уйти на пенсию.

За работу на шахте «Южная» Валентин Александрович награждён тремя знаками «Шахтёрская Слава», в 1965 году ему вручили за успехи в работе шахты «Берёзовская» орден Трудового Красного Знамени, в 1976 году – орден Ленина...

Заслужил человек право на отдых по старости лет, но такая уж неумная натура у Валентина Александровича, что достаточно оказалось ему одного года, чтобы затосковал он по своей в недалёком прошлом очень уж кипучей деятельности. В 1985 году назначают его директором учебно-курсового комбината объединения «Северокузбассуголь», который располагался в старом двухэтажном бараке в Рудничном районе Кемерово на улице Суворова. Здание это ни по каким параметрам не соответствовало нагрузкам, возлагаемым на учебное заведение подобного типа. И руководство «Северокузбассуголя» предложило Валентину Александровичу создать такой

комбинат, который бы удовлетворял самого взыскательного критика. Деньги под это дело выделялись.

«В то время, – как заметил Валентин Александрович, – вопрос о благе человека был выше всяких размышлений о выгоде». Поэтому он за короткий срок сумел, используя фундамент под намечавшийся бассейн для студентов горного техникума, с помощью строителей шахт объединения и своих курсантов построить и отделать великолепное здание, оснастить его всем необходимым для учебного процесса оборудованием и наглядными пособиями. У него под землёй во дворе комбината смоделирована была даже настоящая лава, в которой практиковались учащиеся, осваивавшие профессию машинистов угольных комбайнов. Короче, тогда в Советском Союзе только Ворошиловградский учебно-курсовой комбинат незначительно превосходил детище Валентина Александровича. Любым шахтовым специальностям обучали здесь работников «Северокузбассугля» и других предприятий Кузбасса. 145 тысяч человек прошло через УКК с 1985 по 1998 годы.

А сейчас у предприятий не хватает средств на обучение своих работников, да и нет потребности в работниках. На глазах хиреет некогда сильнейшее в области учебное заведение. С одной стороны здания магазин «Автозапчасти», с другой «Рыболовные снасти» арендуют его помещения. Не на что выживать УКК. Распродаётся даже вся лишняя мебель.

— И я, похоже, – говорит Валентин Александрович, – последний год здесь работаю. Своё семидесятилетие отмечу и подамся на заслуженный отдых.

С интересным человеком довелось встретиться мне, можно сказать, с одним из родоначальников города Берёзовского. Он не просто живой свидетель истории, он сам – история. По крайней мере – её создатель! И очень интересно мне будет

узнать, как же созидатель этот относится к происходящему сейчас с нашим городом? Ну, просто не мог я не задать ему такой вопрос. И он мне ответил.

— Из 15 шахт объединения только «Первомайская» и «Берёзовская» признаны перспективными. Закрытие шахты «Южная» – преступление. И это – политика Международного валютного фонда, – (это не рядовой шахтёр говорит, а бывший директор по производству концерна «Северокузбассуголь»). – Уже сделана была по ней громадная подготовительная работа, помочь бы ей ещё годик, и она бы стала одной из ведущих в городе и добывала бы коксующийся уголь. На преступление толкают нас, предлагая закрыть и «Бирюлинскую». Не закрывать надо шахту, а дать пару новых комплексов, и вышла бы она из прорыва!

Да, некоторые шахты подлежат закрытию. Их эксплуатация нецелесообразна. Шахты «Северная» и «Ягуновская» не перспективные. У шахт «Анжерская» и «Судженская» – плохая геология. И уголь их не котируется. Но только не шахты Берёзовского! И «Южная», и «Бирюлинская» могли бы дать ещё много необходимого промышленности угля.

Жителям города Берёзовского, – говорит Валентин Александрович, – я желаю найти себя в этой жизни, не мириться с тем произволом, который сейчас творится на предприятиях города. И главе города, думаю, не стоило подписывать документ на закрытие шахты. Будем сопротивляться, и они вынуждены будут искать другие решения. Надо грамотно обосновывать своё несогласие, а не подмахивать документы. Готовьте лавы, приобретайте комплексы и добывайте уголь! В этом – ваше спасение.

Хороший совет дал нам Валентин Александрович. Им бы с радостью и воспользовались березовчане, получи они от кого-либо средства на приобретение комплексов и подготовку лав. И хотелось бы попутно также получить ответ на вопрос:

если в «Северокузбассугле» вплоть до бывшего заместителя генерального директора по производству давно известно было настоящее положение принадлежащих концерну шахт, то почему они закрываются?

Март 1998 года.

ЕЁ БОЛЬШЕ В ЛЕС НЕ ТЯНЕТ

Екатерине Степановне Леоновой 88 лет. Родилась она в далёком 1908 году. Теперь вот старенькая, очень беспокойная и подвижная не по летам женщина. Живёт по улице Алтайская, что около шахты «Южная». В своём доме живёт с детьми, в соседнем доме – внучка живёт. И у неё уже для бабушки правнучек родился. Для такой большой семьи запасы большие на зиму делать надо. Под руководством бабушки и создавались всегда эти запасы. Но одно дело у печки вертеться, другое – в лесу побродить, самой гриб найденный ножичком срезать. Разохотилась она, в поход напросилась за грибами. 27 августа и поехала с детьми на машине по Анжерской трассе, остановились перед шахтой «Первомайской». Вышли дети с лукошками и подались в лес грибы собирать, а бабушке наказали сторожить машину.

Да что её сторожить, не за этим приехала, видно, рассудила бабуся. Дети скрылись из виду, Екатерина Степановна выкарабкалась из машины и отправилась в лес тоже. Так как ей приказано было машину держать под присмотром, далёко от неё отходить она не намеревалась. И не отходила далёко, в пределах видимости возле машины круги нарезала. Но так уж оно всегда в лесу получается: от кочки к кусточку, от ёлки к берёзке – и не заметила, как забрела в непролазную глухомань.

В деле время быстро летит. Темнеть скоро начало, возвращаться бы надобно и ведёрко груздями уж полное, куда вот только идти – непонятно. Кажется, направо надо бы, с той стороны заходила, вроде как. Пошла направо – и в болото упёрлась. Подалась в другую сторону – и там болото. Расстроилась Екатерина Степановна: вроде бы совсем рядом машина была. Пойди её сыщи теперь, хотя бы на дорогу выйти, и то ладно. Но в какой стороне дорога, определишь разве, если лес и в ту сторону и в другую одинаков. В своих-то местах она никогда бы не заплуталась. Завезли, ироды! Просвета никакого. Страшно ей стало – заблудилась! Кричать начала. Дети рядом должны быть – услышат. Да только никто почему-то не откликается. Молчит лес. У него своя жизнь. А ты здесь лишняя. Холодать стало. А бабушка в кофточке лёгкой – не по сезону одета. Услышала гул машин, и уже не обращая внимания на сырость, побрела к дороге, туда, откуда гул машин доносился. «Главное – направление выдержать, куда-нибудь да выйду». Вроде бы прямо шла и долго, но дороги никакой не встретила, притомилась, отдохнуть присела на ведрышко, огляделась и видит, что место, куда попала, – то самое, откуда направлялась к дороге. Кричать уже горло охрипло. Замёрзла, ночь, детей не слышно...

5 сентября в актовом зале Берёзовского ГОВД в торжественной обстановке Наташа, внучка Екатерины Степановны Леоновой, вручила компас и цветы спасителю бабушки, старшему сержанту милиции, помощнику дежурного ГОВД Николаю Николаевичу Леонтьеву, и лично его горячо поблагодарила. В смысле поцеловала в щёчку. По моему личному мнению, не компас, а навигатор нужно было бы ей подарить своей бабушке, а парню ну хотя бы что-нибудь сорокоградусное и, если поцелуйчик, то в обе щёчки. Ведь бабушку же он ей отыскал!

Администрация ГОВД, обладая при этом гораздо более богатой и изощрённой фантазией, наградила своего сотруд-

ника за смелый поступок большими настенными часами (наверное, чтобы не задерживался на дежурствах беспричинно).

Здесь надо упомянуть, что родственники бабушки безрезультатно проискали её двое суток. Брали с собою и собаку. Просили помочь в их беде гадалок-экстрасенсов. Обратились потом и в милицию. 29 августа с утра вместе с ними на поиски пропавшей женщины отправился и Николай Леонтьев. Он – молодой парень, служил на Сахалине в погранвойсках, знает, как вести себя в лесу (уж он-то бы не заблудился). И с бабушкой знаком давно, сосед.

— Сразу-то я не мог подключиться к поискам, дежурил, рассказывает Николай Николаевич. – После дежурства с утра и поехали к «Первомайке». Огляделись. Вроде и блудить тут негде. Распределили между собой участки. И начали их прочёсывать, под каждое дерево и куст заглядывать. Весь день проискали – ничего не нашли. Я тут думаю: дай соберу хоть грибов домой. От дороги недалеко был уже. Пошёл потихоньку от грибка к грибочку и заблудился. Под ногами болото, кочки, трава по пояс. Выше – небо деревья закрывают. Попробуй, определись в такой ситуации. Бабушку понимаю: я молодой – и то растерялся, сижу, думаю – куда податься. А она старенькая, замёрзла в болотине, потом выяснилось, калоши свои потеряла, из сил выбилась за два дня. С характером бабка. Это же надо, сколько воли у неё оказалось – заставить себя в такой ситуации двигаться незнамо куда. Любой другой на её месте расписался бы давно в своей несостоятельности и пропал бы.

Я в голове держал план этой местности, в какую сторону ни подайся – всё равно наткнёшься либо на автостраду, либо на железную дорогу к «Первомайке», на базу ОРСа, да и карьер разреза тоже рядом. Слышно даже, как экскаватор урчит. Поэтому особо и не паниковал. Знал, что выберусь. Вот только к ночи дело клонится, а без транспорта далеко домой добираться.

Прислушался я к звукам, чтобы определить, в какой стороне дорога, и слышу, будто из болотца, не так далеко от меня расположенного, доносится человеческий голос. Я на голос направился, откликаюсь – голос явственнее становится. Определил – женский. Подошёл ближе – бабушка! Стоит в болоте, по пояс увязла, за кочку держится и плачет. Я её на сухое место вытащил, своей курткой укутал, костёр разжёг. Она за три дня блужданий по лесу настолько ослабла, что ни рукой, ни ногой двинуть не может. Просит пить, благодарит, о каком-то парне и девушке говорит, что на второй день повстречались, но не захотели вывести её из лесу. Напоил я бабушку, но гляжу, что с нею мне не выйти к дороге. Её же нести надо, а она тяжёлая, да и сам устал и дороги не знаю. Оставил я её у костра. «Грейся, – говорю, – и никуда не уходи. Сейчас я с подмогой вернусь».

Стал выбираться. По пути следования зарубки на деревьях делаю, чтобы назад по ним вернуться. Километров пять-шесть прошёл, прежде чем на дорогу наткнулся. Ждал меня друг. Вместе с ним уже по зарубкам пришли к бабушке. Сделали носилки и вынесли её из тайги. А тут и родственники её приехали часов в пять утра. Привезли мы бабушку домой. Врачей вызвали. Те обследовали её – удивляются. Это же надо, какой организм: столько лет ей, и трое суток без еды, босиком по тайге, в дождь, по такому холоду проблуждать и остаться живой. Она только ноги подморозила и поранила. – Так закончил свой рассказ Леонтьев.

С Наташей и её мужем Женей я встретился в милиции. Приехал с ними к бабушке. Она отлеживается. Очень ослабла. Но уже встаёт и потихонечку «Как пингвинёнок, – ласково говорит Наташа, – может двигаться по избе». Голос у бабушки тихий. Она недослышит. Вопросы приходится повторять дважды. Но отвечает она на них связно. Она ещё не совсем

отошла от произошедшего, но чувствуется, что уже воспринимает она, как должное, своё присутствие в доме и, похоже, скоро вновь будет командовать в нём по-своему. Раны у неё на ногах подсыхают, зарубцовываются.

— Теперь мы её никуда не отпустим от себя, – говорят родственники.

Да и бабушку в лес больше не тянет за грибочками. А тех, молодых, что, словно призрак, промелькнули на окраине болота, не откликнулись на её призыв о помощи, отвернулись, она и вспоминать не хочет. «Бог им судья» – говорит.

Сентябрь 1996 года.

ДЕРЖИТЕСЬ ЗА ЗЕМЛЮ

Знаете ли вы, что на земном шаре живёт около 67 миллионов лошадей? А вот в Берёзовском всего 10 владельцев содержат в своих хозяйствах 15 лошадей. Кто по одной лошадке, а кто и по две. Коня чистой теркинской породы, дончака или немецкого тяжеловеса ни у одного хозяина нет: не для красоты и ипподромов держат они их, а для работы, находя тягловую силу одной лошади практичнее совершеннейшего автоагрегата с его подвесными сельхозорудиями. Сейчас в период безденежья, отсутствия горючесмазочных материалов, кое-кто из людей, обладающих участками земли хотя бы соток в 15, нет-нет, да и склоняется к мысли приобрести для хозяйства хорошую лошадку. И приобретают. И пользуются. Недавно я встретился с одним таким жителем нашего города, владельцем лошади.

— Сколько помню себя. А мне уже 59 лет исполнилось, рядом со мной всегда находилась лошадь, – рассказывает мне Николай Амбросимович Гутов. Он живёт в посёлке шахты «Берё-

зовская», на выезде из него в сторону Сергиевки, в одном из крайних домов. Напротив его дома тайга, засыпанная снегом. До магазина, за хлебом, он по всему посёлку проезжает на светло-рыжей с белыми пятнами лошадке. Она по дороге бежит, не торопится. И в санках-розвальнях на сене кроме дяди Коли постоянно несколько мальчишек и девчонок находятся. По всей дороге дядя Коля детишек к себе собирает. Тем интересно на лошадке прокатиться, просятся. Уважить нужно их, знает дядя Коля – сам маленьким был, так же за взрослыми бегал.

— Люблю я лошадей очень. Мы сельские. В нашей семье было одиннадцать детей – целый взвод, – продолжает Гутков свой рассказ – Жили мы в селе Пинигино за Кемерово. Там скот пасут. За скотиной смотреть была наша первейшая обязанность. В войну успел я подпаском поработать в колхозе. И лошадь при мне всегда находилась. Это очень важная должность – коров пасти. Не каждому поручается. Думаешь, если взял в руки кнут, взмахнул им, заставил стадо двигаться – значит, ты и пастух уже? Нет, пастух должен знать, где какие травы растут, как пройти к очередной лужайке, когда коров к воде вывести, когда и как на дойку стадо собрать. А случись беда, какая с коровой, ты должен оказать ей первую помощь, успокоить, а потом вызвать ветеринара... И за надои не кто-нибудь, а пастух своим чубом перед доярками отвечает. И я в свои семь-восемь лет отвечал перед ними, как взрослый. Взрослыми жизнь нас рано сделала.

Оттого, наверное, что не чурался я никакой работы, рос крепким и сильным не по возрасту. После войны на любых работах меня использовали: кузнецом я был, комбайнёром, трактористом. В армию не взяли по болезни – глуховат оказался. А так здоров, и любое деревенское дело мне по плечу было. И натура такая – без работы скучно становится.

Однако в город захотелось попасть, молодой ведь был. В

Кемерово приобрёл специальность сварщика. Потом в Берёзовском трудился сварщиком в БШСМУ-7 на строительстве шахты «Бирюлинская-1». Варил трубы под давлением, ответственные металлоконструкции, считался классным сварщиком. И вроде бы к чему мне, имеющему специальности механизатора, кузнеца, сварщика, приобретать сельскохозяйственную профессию? Да не смог, видно, преодолеть в себе заложенную в детстве любовь к земле. Когда работал в городе, закончил заочно сельскохозяйственный техникум по специальности ветеринара. Из города я уехал. Разочаровался в нём: что он мне, молодому, мог дать, кроме учёбы? В общежитии жить не хотелось, хозяйствовать с детства привык. Поэтому я к земле поближе перебрался. Устроился работать в совхоз «Октябрьский». Отработал там 12 лет ветеринаром-зоотехником. Мы такое животноводство развели в совхозе – на всю область гремели! К нам в гости перенимать опыт животноводы из других колхозов и совхозов приезжать стали.

Потом судьба забросила Николая Амбросимовича в Медвежку, посёлок Крапивинского района. А после случилось знакомство с директором шахты «Берёзовская». Так попал Гутов на шахтовую турбазу завхозом. Устроился хорошо. Заведовал хозяйством, охотничьим снаряжением, коров собственных держал, и лошадь казённая при нём находилась.

— Вот погляди-ка на снимок, – говорит Гутов. – Мишкой коня звали – красавец. Бойко бегал, и подстёгивать не надо. Не арабских кровей скакун, крестьянских, но любил я и холил его, словно лучшего друга. Работящая скотинка, умная. Всё понимал. Хороший помощник в хозяйстве. А сейчас здесь, дома, уже свой собственный конь – молодая кобылка Ласточка. Так что я всю жизнь при лошадях нахожусь...

Дом, в котором живёт теперь Николай Амбросимович, он приобрёл пять лет назад. За это время переделал его, обновил,

пристроил хозяйственные службы. Скотину завёл: лошадь, поросёнка, коров. Коров не каких-нибудь, а каладофрийной породы. Коровы этой породы дают по 15 литров молока в день.

— Но в наших условиях, когда коровы в поисках корма забираются в таёжные дебри, таких коров нельзя содержать: вымя у них большое, к земле опускается, и корова, продираясь по зарослям, может не уберечь себя. — Высказывает своё мнение Гутов. Жирное молоко и много дают его коровы, да, похоже, расстаться придётся с ними — не подходят они для таёжного Берёзовского. Водит по подворью меня хозяин, показывает всё и рассказывает. В сарай зашли — утеплённый он, в нём три коровы и лошадь в стойлах сено жуют. Просторный сарай, под ногами сухо и чисто. А к сеновалу проход прямо из сарая сделан. Чтоб не заметало зимой снегом. Скотина прибрана, упитана, как на выставку приготовлена. Здоровые тучные коровы гордым посадом головы, важным взглядом словно утверждали, что они самые главные здесь, и нас, двуногих, они терпят потому только, что мы сенцом их балуем да водой поим. Забавно, конечно, но рядом с этими каладофрийками я вдвойне ощутил свою беспородность, незапятнанное пролетарское происхождение. Коров этих Гутов кормит сам и доит тоже. Хозяйку коровы не признают. А Николаю Амбросимовичу не привыкать: не накладна ему любая работа, тем более, что уже пять лет, как уволился с турбазы. Рабочий стаж для пенсии с с избытком выработал. Потому и дома осел на хозяйстве своём. Хозяйство сейчас сытно кормит его. На жизнь можно с лошадкой подработать. Да и баньку кому срубить, по строительству помочь — и это он может. А если у кого корова заболела или другая живность заботы потребовала, — можно без промедления прийти к Николаю Амбросимовичу либо вызвать на дом — в квалифицированной ветеринарной помощи животным тоже не откажет. А что лечить Гутов умеет, то

умеет. От любой болезни любую скотину на ноги поставит. Его уж и колдуном, бывает, назовут.

А он сам по себе живёт. В друзья никому не навязывается. Крепковат ещё. Себя соблюдает, непьющий. И не курит. Может поэтому и выглядит в свои почти шестьдесят от силы сорокалетним. Словом, самостоятельный мужик.

Грамотный он и обходительный, отзывчивый. Не грубый. Русский, крестьянской заправки человек, и правильно, считаю, говорит:

— В наше время, когда везде такая проруха пошла, людям всем, молодым особенно, необходимо земли держаться, любить работать с ней, кланяться земле чаще – и она не подведёт вас, вернёт сторицей труды ваши. Русский человек всегда землёй жил, и не надо ему от земли бежать, без призора её оставлять и надеяться на продукты заморские.

Берите землю. Её у нас много. Прилагайте усилия – и будет вам пища, всё будет. Обзаводитесь хозяйством, хотя бы таким, как у меня. Конь же – самое лучшее приобретение в хозяйстве. С ним и коровы у тебя будут сытые, и топливом обеспечишь себя в зиму, и урожай с поля уберёшь. Большую помощь человеку лошади приносили, и долго он ещё будет нуждаться в них.

У Николая Амбросимовича Ласточка – орловская полукровка. Резво бежит, если стегнуть её хворостиной. А без понуканий и принуждения она рысит понемногу, тянет розвальни по скользкой дороге, и детишек в сани хоть сколько ты ей усади – увезёт. Приятно Ласточке, и щерит она крупные зубы свои в ухмылке, когда слышит из саней доносящиеся радостные восклицания детишек. И хозяину приятно, наверное. Иначе почему тогда у Гутова всегда, когда он проезжает по улицам, из саней во все стороны восхищённые детские глазки постреливают?

Январь 1996 года.

У МАКСИМА

В Кемерово, в концертном зале детской музыкальной школы №1 прошёл открытый Сибирский конкурс юных исполнителей на народных инструментах по классу домры, балалайки, гитары. Конкурс был посвящен 50-летию Победы. В нём приняли участие юные музыканты из Омска, Новосибирска, Челябинска и Якутска. Из городов Томской и Тюменской областей, алтайского и Красноярского краёв, а также наиболее одарённые музыканты Кузбасса. Всего было 120 конкурсантов.

Город Берёзовский на конкурсе по классу балалайки представлял Максим Лиханов, воспитанник Анатолия Константиновича Шмидта, Заслуженного работника культуры, руководителя ансамбля «Дудари». Из 50 исполнителей музыкальных произведений в своей группе Максим занял третье место. Это большое достижение, если учесть, что на конкурсе были очень серьёзные соперники из разных уголков России.

Максиму 15 лет. Это стройный, светловолосый паренёк среднего роста. Приятный, несколько застенчивый мальчишка. Мы встретились УК него дома.

— Максим, что ты исполнял на конкурсе?

— Третью часть концерта Кичанова, потом «Охотничий ряд» Тамарина и «Среди долины ровныя» в обработке Шелова.

— Почему ты выбрал для себя именно балалайку, ведь у неё всего три струны, и извлечь с их помощью разнообразие звуков, наверное, сложнее, чем из гитары или, например, из баяна?

— На балалайке при желании можно исполнить всё, что захочешь.

— Ну и сидели бы тогда в эстрадных оркестрах балалаечники, да и наяривали на балалайках рок-н-роллы.

— А что, я пытался и современные мелодии проигрывать на балалайке. Приблизительно получается.

— Как свела тебя судьба с балалайкой?

— Балалайкой нам предложил заниматься Анатолий Константинович. Когда он семь лет назад пригласил мальчишек в свой ансамбль, мы заявили к нему гурьбой. Человек 30 было. Потом кто-то «отсеялся», кто-то, в том числе и я, остался. Ложки в ансамбле были для нас первоначальным этапом. Их я освоил быстро, Но понадобились балалаечники и Анатолий Константинович предложил мне заниматься балалайкой. Я поступил в музыкальную школу, обучился нотной грамоте, игре. Теперь выступаю в ансамбле только с балалайкой.

— Я слышал, что в этом году ты собираешься после окончания девяти классов поступать в Кемеровский музыкальный колледж, и тоже, наверное, по классу балалайки?

— Да, я к ней привык.

— На всю жизнь?

— Конечно. Я могу играть на гитаре немного, на баяне, но в совершенстве овладеть игрой на балалайке для меня сейчас главное всего.

По моей просьбе Максим приносит балалайку (через раскрытые двери спальни замечаю две висящие на стене гитары) и проигрывает отрывки из тех произведений, с которыми он выступал на конкурсе. Потрясающе! Что и говорить, в искусных руках мальчишки незavidная треугольная балалайка с тремя струнами не просто брэнчала, а издавала музыку, которая способна затронуть душу любого человека. Своими звуками она явственно воспроизводила сумятицу базарного дня, горделивую поступь преуспевающего купца – ту атмосферу «Охотничьего ряда», которая всегда пленяла работный люд Руси и привлекала к нам отовсюду торговцев иноземных и именитых. Щемящей тоской и ширью российских просторов повеяло на меня от его музыки, и представил я зримо земное

раздолье, красивую нашу Родину – Россию. Наверное, это и называется искусством. Молодец, Максимка.

— А не в ущерб остальному ты всё свободное время отдаёшь занятиям музыке?

— Почему? В детстве (посмотритека на него: старичок-выискался!) я собирал марки, увлекался фотографией. Мне даже подарили фотоаппарат «Кодак». У меня был велосипед. Теперь, когда прихожу помогать в огороде старшему брату, иногда катаюсь на его мотоцикле. И зимой, и летом бываю с друзьями в тайге.

А с девчонками дружишь?

— И с девчонками общаюсь. Среди них встречаются очень даже интересные личности. Так что вы не подумайте, что я увлекаюсь музыкой в ущерб себе. Хотя музыка, конечно, главное.

В июне у Максима выпускные экзамены в школе. Потом будут экзамены в колледже. Он очень хочет и надеется поступить туда. Разделяю его надежды и радуюсь за него – он определился.

Простой парнишка из обыкновенной семьи. Он не чуждается улицы и в то же время не подвержен её негативному влиянию. Может быть потому, потому, что его вовремя заметил педагог А. К. Шмидт, увлёк музыкой и той будущей жизнью, стремление к идеалам которой не делает настоящее пресным.

И кто знает, может быть, когда-нибудь и наш берёзовский Максимка станет таким же известным на весь мир, как тот Максим, чьим именем назвали знаменитый французский ресторан в Париже.

НЕМЕЦКОЙ ПУШКОЙ - ДА ПО НЕМЦАМ!

Стук в дверь предшествовал его появлению. Сухонький, невысокого роста старичок задиристо оглядывает помещение и, припадая на левую ногу, энергично продвигается к столу. Знакомимся, Александр Ильич Боярский, пенсионер. Без предисловий переходим к существу дела.

— Я инвалид, как участник войны, имею право взять билет на автобус вне очереди. Такая необходимость возникла у меня 22 февраля. По давней традиции оставшиеся в живых однополчане 22-й гвардейской стрелковой дивизии каждый год съезжаются в определённое место. В этом году наша встреча была запланирована в Кемерово. В шесть часов утра я подошёл к кассе Берёзовского автовокзала и, предъявив своё удостоверение, попытался без очереди взять билет на автобус. Но стоявшая у окошечка кассы разодетая дама категорически воспротивилась и указала на конец длинной очереди. Представительного вида мужчина, оказавшийся рядом, поддержал её, в ответ на мои объяснения обозвал меня всячески и, в завершение сказал: «Те, которые воевали, давно уже передохли». Думаете, мне не обидно было слышать такое? Да, передохли, но не все. Скоро уже все передохнем. Но я-то пока живой и у общества прошу заслуженного мною по закону. Вот мои награды, я не просто так на фронте был, — со стуком Боярский выкладывает на стол наколотые на картонку свои ордена и медали.

Разные. Среди них солидно поблескивают два ордена: Красной Звезды и Красного Знамени. Чтобы заслужить такие награды, надо совершить поистине что-то героическое. Уважительно разглядываю память о прошедшей войне, в этих вот красочных сколках металла скромно притихшую на столе.

— А как отнеслись к вашей перепалке находящиеся в очереди люди?

Никто и слова не вымолвил в мою защиту, не урезонил наглеца, не одёрнул его. Вроде так оно и должно быть. А я уверен, ведь у большинства из стоявших в очереди людей, в семьях были фронтовики: отцы, деды, матери. Кто-то умер, а кто-то ещё живёт. Создаётся впечатление, что этот наглец выразил о нас мнение, которого придерживается сейчас всё общество. И от этого ещё горше становится. Неужели мы, старики, совсем не нужны вам? Ведь мы же — ваша история! Это старшее поколение, ветераны своими руками создали и защитили от врагов то, чем вы владеете сейчас. Почему же тогда не почитаете нашу старость?

Действительно, почему? По природе своей должны мы любить своих стариков, окружать их заботой и вниманием, чтобы ни в чём не нуждались они и в последние дни своей жизни не боялись быть похороненными в целлофановых мешках, не попрошайничали бы они на площадях и в электричках. Чтобы до окончания отмеренной им жизни они могли гордо и независимо нести свою голову. Чтобы радоваться могли старики нашей молодой жизни и где мудрым советом, где ласковым словом помогали нам. Государство сейчас не может гарантировать старикам обеспеченную старость. Так мало того, мы ещё своим цинизмом убиваем в них уверенность в том, что они правильно, по их меркам и принципам, прожили жизнь. Не имеем мы право судить стариков.

Ну разве виноват Александр Ильич Боярский в том, что родился в 1919, а не в 1969 году? Его детство совпало с хаосом, разрухой, нищетой и бедностью, оставленными россиянам Гражданской войной. Красноярский край, станция Минино. Тайга, могучие реки, ягода, рыба, звери — сегодня это почти экзотика, которую тогда в глубинке не ценили и не замечали.

Взрослые не замечали: все силы их направлены были на другое. Спалённые вокзалы, развороченные взрывами водокачки и мосты, сотни километров разрушенного полотна, – всё это необходимо было в кратчайшие сроки отремонтировать и запустить в работу. Этим были заняты их головы.

Взрослые утверждали власть, взрослые терпели лишения и продолжали жизнь в сыновьях и дочках своих. И взрослым тогда очень хотелось, чтобы уже их дети увидели лучшую жизнь. Поколению Саши Боярского довелось «вариться» в этой, насыщенной историческими событиями эпохе. В 1930 году семья Боярских из деревни переехала в Красноярск. В городе Саша получил среднее образование и поступил в строительный техникум. Закончил в 1939 году три курса, призвали в армию и направили в Томское артиллерийское училище. В 1941 году он окончил это училище, и в звании лейтенанта был назначен командиром взвода. Но тут началась война, на фронте срочно нужны были артиллеристы. Обучением призывников этой серьёзной «профессии» и занимался до июля 1942 года Александр Ильич. За это время успел передать свои знания новобранцам двух выпусков.

Когда в Сибири формировалась 150-я стрелковая сталинская дивизия, Боярский подал рапорт о желании воевать на фронте. Его зачислили в дивизию начальником разведки дивизиона 328 артиллерийского полка. Вместе с дивизией в июле он и попал на Калининский фронт.

Дивизии, занявшей отведённый для неё участок передовой, было приказано инсценировать наступление, чтобы отвлечь вражеские силы с других участков фронта. В разведке боем был ранен начальник разведки полка, и на его место назначили Боярского. В первый же день наступления Александр Ильич, пристроившись за башнейдвигающегося к немецким окопам танка, по выстрелам определяет интенсивность огня

вражеской артиллерии и сообщает координаты её нахождения своим артиллеристам. Благодаря его правильной корректировке и умелым действиям артиллеристов очень скоро были накрыты и выведены из строя две вражеские батареи. Приблизившись на танке к одной из них, Боярский дожидается на батарее наступающих пехотинцев, просит, чтобы помогли развернуть в сторону убегающих немцев одно из их орудий, и открывает огонь по отступающим немцам.

Благо снарядов было много, так как застигнутые врасплох нашей артиллерией и танками войки не успели их уничтожить. Стрелял один. Развернувшие орудие пехотинцы убежали вперёд занимать вражеские окопы. Снаряды были тяжёлые – 41 килограмм штука, надорваться можно, пока запихнёшь такую чушку в дуло.

Командир бригады застал Боярского за этим занятием и говорит: «Эх, лейтенант, была бы сейчас у меня бочка водки, вусмерть упоил бы тебя за такое геройство!» «Акакое оно «такое»? – удивился Александр Ильич. – Немецкие орудия ничем от наших не отличаются. Стоит одно целое, снаряды при нём, стрелять умею и знаю куда, значит, обязан был помочь наступающим».

За смекалку, проявленную Боярским во время первого боя, и его расторопные действия, командир полка представил его к награде. Вскоре орден Красной Звезды засверкал на груди лейтенанта. Боярский тогда был счастлив и, конечно же, гордился своей Звездой.

1944 год застал Боярского на Прибалтийском фронте. Он уже был командиром дивизиона. 1 февраля в бою был тяжело ранен.

— У границы России с Латвией есть станция Маев, нацеленная на Ригу. Дивизия тогда подошла близко к переднему краю противника в районе этой станции. – рассказывает Александр Ильич. – Для выяснения расположения его огне-

вых точек мы организовали разведку боем, Перед наступлением пехоты был произведён артиллерией 10-минутный огневой налёт. Потом в наступление поднялась штрафная рота. От нас в то время немцы не ожидали активных действий, поэтому получилась не разведка, а настоящий прорыв. Как только пехота подошла к окопам врага, я должен был прекратить стрельбу, я же перенёс её вглубь противника и тем самым внёс большой разор в немецкие порядки. Фашисты вообразили невесть что, драпанули от нас. Для координации огня артдивизиона я увязался за пехотинцами. Так и пробежал с ними 5 километров. Потом занял пустой вражеский блиндаж, развернул карты, рацию, вдруг слышу – немцы! Вскочил, вижу, немцы опомнились, развернулись и ударили в ответ, да так, что наши солдаты не выдержали. Выбили немцы нас из деревни, отступили мы, залегли. Офицеров никого не видать в рядах отступивших. Как старший по званию, принял командование на себя и повёл солдат в атаку. Деревушку мы у немцев тогда отбили, но в этом бою я попал под пулю. Тяжело ранили – полгода лежал в эвакогоспитале Орска. В июле 1944 года уволили в запас капитаном. За последний бой и был награждён орденом Красного Знамени. По выписке из госпиталя присвоили вторую группу инвалидности. С 24 лет пожизненно вторая – не особо весело, но всё лучше, чем посмертно. А впереди была вся жизнь. Мне надо было кормить себя и, значит, обязательно работать. Одна нога короче стала, с костыльком мог работать, упросил, чтобы третью группу присвоили, с ней везде принимают. Вот и влился с 1945 года в ряды МВД. В Красноярском и Краснодарском краях проработал до 1954 года.

В 1954 году демобилизован по состоянию здоровья. Работал в строительных организациях. С 1967 года живёт в Берёзовском. Сначала перебрался в Успенку. Тогда безнадежно заболел, и посоветовали ему лечиться мёдом. В Успенке в то время

держали 16 пасек. Вот и устроился Боярский начальником над пчёлами. Прополис и мёд помогли ему справиться с болезнью. Поздоровевший, переехал он в Берёзовский, устроился на шахту «Бирюлинская». С неё и на пенсию вышел.

Больше 20 лет Александр Ильич на пенсии, но крепок, здоров (относительно, конечно). Большой огород при даче, на Барзасе у него, в состоянии ещё сам обработать. Никому не хочет он быть в тягость, как и не был всю жизнь. Достойный он нашего уважения человек. Ну как такого и попрекать тем, что зажился он среди нас? Он имеет на это полное право, чем не каждый из нас похвалиться может. Мы гордиться должны и радоваться тому, что живёт он ещё рядом с нами такой вот славный старикан Боярский.

1994 год.

ВОКРУГ НАС ПОКА ЕЩЁ МНОГО ПРИРОДЫ

В вопросе озеленения и экологической обстановки город Кемерово, на мой взгляд, более обижен, чем Берёзовский. Возможно, по гектарам высаженных в клумбы и тут же зачахших от химического воздействия кислотных дождей разных там маргариток, настурций и незабудок, а также по количеству кустарниковых растений на душу населения в областном центре картина и благоприятнее. Но у нас-то по Шурапу вниз ещё не сплавляют отравленную ядохимикатами рыбу. И во дворах, вдалеке от дороги, у нас ещё можно безбоязненно повесить сушиться во дворе на верёвочке свежевystиранную простынку. Да и дышится в Берёзовском намного легче и вольготнее, чем в Кемерово. Потому что в Кемерово повсюду смог, а у нас – только на Фёдоровке. Но там количество усопших превалирует

над количеством лиц, претендующих на право вдыхания свежего воздуха. И если в дальнейшем главе администрации города удастся все-таки решить проблему передачи территории посёлка Фёдоровка полностью во владение городскому кладбищу, то и сама проблема смога у нас будет полностью решена положительно.

Смог образуется от работы заводов, фабрик, автомобилей. Кемерово – развитый промышленный город. А мы – недоразвитый. У нас всего – то из промышленности пара шахт действующих, да пара разрезов. А какой от них может быть вред, если они в основном все расположены за пределами города и где-то там незаметно для взгляда обывателя методично и неотвратно метр за метром заваливают ненужною им породой цветущую и милую жизни тайгу.

Я, почему заостряю внимание на нашей Барзасской тайге? Да потому, что не повывруби кемеровчане вокруг своего города всю тайгу, освободив от неё площадки под свои заводы и фабрики, жилые дома и пашни, то вполне вероятно, что сейчас в Кемерово ситуация экологическая была бы положительнее. Ведь лес же – это лёгкие планеты. И мы ещё с вами не лишены в отличие от кемеровчан этих лёгких. Как и 30 лет назад при зарождении города, вокруг нас и сейчас шумит и колышется вечнозелёными кронами деревьев тайга. И если где и оттесняли тайгу от Берёзовского, то только для того, чтобы разбить мичуринские сады, благоухающие летом сиренями и спелой ягодой.

С трёх сторон обхватывает Берёзовский Барзасская тайга. И только с четвёртой, со стороны Кемерово, она вырублена полностью, и лишь на пустошах посажены заново плантации маленьких кедров, сосенок и ёлочек. Тайгой владеет у нас Барзасский лесхоз. Площадь нашей тайги – 150 тысяч гектаров. Насколько это большая цифра, можно представить, вообразив перед собою дорогу шириною в гектар (километр)

и длиной в 15 тысяч километров. Для сравнения приведу вам длину железной дороги от Москвы до Владивостока: она равна 9141 километру. То есть нашей тайги вполне бы хватило, чтобы обнять километровой полосой всю Россию, расположенную на двух материках планеты. Впечатляет?

Площадь нашей тайги разбита на 122 квартала, и лесники Барзаса знают, что произрастает и водится в каждом из них. Знают они, где находится спелый лес, где недозрелый, а где уже перестоявший. Ведь для того, чтобы наша тайга, составная часть лёгких планеты, исправно функционировала, её надо освободить от излишней растительности (деревьев). Для этих целей на лесхоз область определяет расчётную лесосеку. По нормативам здесь разрешается вырубать до 153 тысяч кубометров древесины в год. Но сейчас из-за отсутствия средств очень мало желающих приобретать древесину. Лесозаготовителями вырубается всего от 15 до 20 тысяч кубометров древесины в год (10-12 процентов от положенного). То есть наша тайга получила сейчас, ввиду устроенной людьми неразберихи с финансами, очень ощутимую возможность восстановить свой генофонд, нарушенный в недалёком прошлом вырубками лесорубов из числа заключённых, отбывавших свой срок в исправительно-трудовых лагерях Барзаса.

Работниками лесхоза периодически производится также санитарная рубка и чистка тайги в незначительных объёмах. Сегодня в лесхозе на такую большую площадь обслуживания работает всего 15 лесников. Они следят на своих участках за состоянием леса и обитающей в нём живности... Определяют, в какой последовательности нужно производить рубку деревьев, выделяют покосы жителям посёлков и города. По возможности предотвращают пожары. Кстати, за последние пять лет в Барзасской тайге не было обнаружено ни одного пожара. Это очень положительный факт, потому что от огня всегда гибло и гибнет в России ежегодно очень много лесных массивов...

Для восстановления леса в местах вырубок каждый год лесхозом засаживается до 110 гектаров площадей саженцами деревьев хвойных пород из собственного питомника, а также принимаются все меры к тому, чтобы они прижились и стали неотъемлемой частью тайги. И они в основном приживаются. И уже радуют взгляд зелёной щетиной молодые хвоинки деревьев, несколько лет назад рассаженных, к примеру, вдоль автодороги Берёзовский-Кемерово.

В Барзасской тайге сейчас, по мнению лесничего лесхоза Александра Александровича Варнакова, было бы всё нормально, если бы неожиданно не появилась в этом году в ней гусеница рыжего соснового пилильщика, избирательно объедающая только хвою кедров. На подвергшиеся атакам вредителей деревья сейчас больно смотреть: на ранее красивых, кудрявых и могучих кедрах теперь нет ни хвоинки, на их голых ветвях висят только шишки. Эта зараза распространилась уже на площади около 7,5 тысячи гектаров. От Барзаса до Верхнего Кельбеса. Нужно срочно принимать меры. Без хвои кедры через пару лет погибнут. Администрация лесхоза, поэтому выбивает в области средства для борьбы с вредителями.

А о том, что общая экологическая атмосфера Кузбасса отрицательно воздействует и на Барзасскую тайгу, свидетельствует факт преждевременного естественного опадания хвои на деревьях. Хвоя пихт и елей желтеет и опадает не через четыре года, а через три. Этот факт насторожил специалистов леса, и вот уже в начале лета в Южном кусте Кузбасса (в лесах в районе Мысков, Междуреченска) начала работать экспедиция по выявлению причин этого явления.

Человек – хозяин планеты Земля. Он распоряжается её ресурсами и ответственен за состояние природы. Что более всего успокаивает нас, простых смертных, как не единение с

природой, куда мы стремимся на отдых, и как мы вообще можем прожить без окружающей нас зелени лесов и изобилия вод наших малых речушек?

Я, в прошлом кемеровчанин, может, потому и выбрал для проживания Берёзовский, что много пока ещё вокруг него природы. Но она катастрофически быстро исчезает. В некоторой степени и от нас, жителей города, зависит теперь, как долго ей быть вместе с нами.

Июль 1995 год.

ОТКУДА ОНИ, «НОВЫЕ РУССКИЕ»?

Кто же он такой – Рашид Иванович Зелендинов, входящий, по его прикидке, в первую пятёрку частных предпринимателей Берёзовского? Живёт он в посёлке шахты «Южная». Дед, татарин по национальности, привёз свою семью из Казани в начале двадцатого века. Строящаяся шахта «Южная» в сороковых годах, словно магнитом притягивала к себе народ из деревень Барзасского района. Молодые Зелендиновы, жившие в Придорожном посёлке возле Успенки, тоже были притянуты шахтой и потому оказались в Берёзовском.

Рашид родился после войны, в 1954 году. Рос мальчишкой смышленным и крепким. Был в своё время октябрёнком, пионером и комсомольцем. Окончил сельскохозяйственный техникум. То есть прошёл все стадии идеологической и профессиональной подготовки для самостоятельной жизни молодого человека в советском обществе. С полученной специальностью ему бы куда-нибудь на целину или в Нечерноземье податься. Он же вернулся на родину.

11 лет проработал на шахте «Южная» машинистом буровых станков. На службе в армии научился не только стрелять и распевать военные песни, но и мастерству каменщика. Отец посвятил его в тайны столярного и плотничьего ремесла, а также кузнечного дела. При случае Рашид мог поставить соседу баню или выстроить дом. Попросят – изготовит дверь или оконный блок. Умел делать и мебель. И вообще нравилось ему что-то делать. Чувствовал он в себе неумную энергию. И избыток её постоянно выплескивался наружу. Хорошо, когда на что-то полезное мог направить он эту энергию, а если нет – то гасил её запоем или молодецкими сумасбродствами. Проказничал, одним словом. И в то же время думал – нельзя так, по-другому жить надо. А как по-другому, не знал.

Работа на производстве не приносила ему морального удовлетворения. Чувствовал он, что способен на большее. В 1988 году, когда в СССР уже было разрешено частное предпринимательство, в городе люди, давно мечтавшие об открытии собственного дела, образовали четыре кооператива. Рашид уволился с шахты и тоже создал свой кооператив. Направление его деятельности – ремонтностроительная. За четыре года существования кооператива «Уют» Рашид со своими работниками полностью отделали новое здание управления ЦОФ «Берёзовская», потом АБК ЗКПДС, контору БШСМУ-7, УКК ТС. Занимались отделкой помещений Дома быта по улице Мира. Мраморные полы в школе №17 и горбольнице – тоже работа его кооператива. Работал он и на других объектах, много полезного успел сделать для города.

Свою базу гараж, слесарную мастерскую (где установил и кузнечный горн), столярку, цех по изготовлению шлакоблоков – он обустроил в 1992 году. В это время на общество обрушился шквал неплатежей. Предприятия города не расплачивались за

произведённую работу деньгами. Чтобы иметь хоть какую-то наличность, Рашид открывает в посёлке торговый ларёк. При базе строит магазин, а в четвёртом микрорайоне арендует помещение для второго магазина. Товары для магазина приобретает в Москве. Но очень скоро ездить в такую даль стало накладно. Дешёвые товары можно приобрести и в Новосибирске.

Теперь у Рашида три магазина. В его фирме «Рахат» работает 28 человек. То есть он развил бурную торговую деятельность. Но и ремонтно-строительную не забывает: в этом году выполнял заказы УЖКХ и других организаций города. И четвёртый год уже строит мечеть. На свои собственные средства.

— Рашид Иванович, что заставило вас взяться за такое богугодное дело? Ведь вы, как и многие из нас, получили антирелигиозное воспитание, и вдруг – мечеть?

— Получить-то получил, но категорически отрицать существование высшего начала не могу. Иногда хочется помолиться. А где? Русские для себя построили в городе молебный дом и церковь. Но здесь проживает немало мусульман, многие из них чтут свою веру. Для них я и решил построить мечеть.

С любовью показывает он мне расчищенную вокруг красивого, уже законченного снаружи здания мечети (осталось только жёстью покрыть купол) площадку.

— Привёз земли, разровняем её, пробурием ямки, установим железную ограду и разведём здесь фруктовый сад – создадим для мусульман в Сибири райский уголок. В этом году мы застеклили в мечети окна, поставили оконные решётки, железные двери, половые балки, сделали купол. Оштукатурили стены внутренних помещений. Скоро будем делать росписи стен силами местных художников. Мечеть предполагаю открыть в ноябре.

По железобетонным конструкциям, уложенным на площадке по правому краю, шустрыми воробышками скачут трое

белобрысых мальчишек. Увидев нас, они кричат: «Здорово, Рашид!» – и машут ему руками. В ответ он улыбается и поясняет: «Из малообеспеченных семей дети. Дома есть нечего. С утра приходят ко мне, и я их подкармливаю, потому они и играют здесь до вечера. У себя дома спят только, а так всё время возле базы крутятся».

А база у него прекрасная. Не потому, что новая – во всём чувствуется продуманность. Ничего лишнего, и в то же время есть всё для того, чтобы выполнить любую ремонтно-строительную работу.

— Когда мы магазин и базу построили, то подключились к городской теплосети. Но из-за нерегулярной работы котельной продавцы и рабочие базы постоянно мёрзли и простывали. Поэтому я и вынужден был сам сделать сварной дымогарный котёл, и теперь никаких забот в обеспечении теплом нет. И стоимость отопления у меня снизилась вчетверо. А в магазине при любом морозе жарко, – рассказывает Рашид Иванович, остановившись около цилиндрической печки-котла, обеспечивающей теплом всю базу. Рядом с цехом по производству шлакоблоков вагончик-гостиница стоит для иногородних работников соорудил. Рядом – помещение для приготовления пищи.

— В прошлом году у нас в этом вагончике жили армяне. Наш повар готовил для них еду, а в вагончике спали. Там есть телевизор. Я создал им хорошие бытовые условия, и они неплохо поработали для меня.

Да, что ни говори, во всём чувствуется рука хозяина. Работники фирмы подстать ему: во время нашего с ним разговора к Рашиду подошёл столяр и, показывая бутылку с клеем, предложил приобрести его у заезжего торговца. Тот требовал за клей на треть меньше, чем в хозяйственных магазинах города. Рашид тут же дал «добро».

— В городе сейчас очень много людей, которые приобщились к торговле. Не мешает вам в работе конкуренция?

— Нет. Наши торговцы прижимистые. Я же обычно, закупая партию товара, узнаю, кто почём продаёт этот товар, и устанавливаю цену несколько ниже. У меня и берут его быстрее. Нельзя, чтобы товар долго залеживался на полках.

Все бы так думали и поступали, как Рашид. А то иной торговец, совсем как нам в школе про капиталистов рассказывали, настолько неуступчив, бывает, что готов сгноить свой товар, но не спустит цену — для него лучше на свалку вывалить испорченный продукт, чем отдать его, пока он еще годный к употреблению, на 20 процентов дешевле нуждающимся людям. Отзывы жителей города и в первую очередь посёлка при шахте «Южная» о продаваемых в магазинах «Рахата» товарах и вежливом обслуживании покупателей, как я вывел из распросов покупателей, были самыми благожелательными. Да и о Рашиде отзываются хорошо. Не только под себя гребёт он. И людям помочь старается. А ещё любит он писать пейзажи акварелью. Показывал. Мне понравилось. Вообще он мужик нормальный, как и Васютинский. Как и Налепя, Гирсов, Жовторипенко, Достовалов, Николаенко, Дивак, Сергеев, Маслов... Много людей хороших проживает в Берёзовском. О каждом из них что-то хочется сказать доброе. Оставили они след в моей жизни. И не только в моей, наверное. Потому и ценные они люди, потому и хочется с ними общаться, хотя бы вот так. Посредством книги.

1998 год.

ИХ РОДИНОЙ СТАЛ БАРЗАС

В Барзасе в недалёком прошлом проживали и проживают сейчас люди, чем-то знаменитые. Кирилл Сергеевич Балыков, 1886 года рождения, к примеру, жил в Санкт-Петербурге и служил при Зимнем дворце кучером и фехтовальщиком у одного из приближённых царя. Как бы ни были далеки конюшни от царских покоев, но он имел возможность много раз наблюдать царя и любоваться великолепием окружающей царя знати. Каждому ли доступно было такое? Для того, чтобы проверить его лояльность к советской власти и возможность использования его как специалиста (фехтовальщика, наверное) в Барзасе, в 1936 году на него делали специальный запрос в Ленинград.

Пётр Бекетов, живший некоторое время в Барзасе, а затем вблизи него на реке Тогунак, рассказывал мне, что служил в охране Иосифа Виссарионовича Сталина. Он видел очень часто «отца народов», даже разговаривал с ним и, по долгу службы, и велению сердца, в любую минуту готов был отдать за него свою жизнь.

Константин Фёдорович Ефремов, 1916 года рождения, рассказывает, что именно его дед Щеглов (по матери), купец и денежный воротила, для расширения рынка сбыта своих товаров послал вверх по Томи из Томска трёх своих сыновей. Это они, облюбовав местечко при впадении в Томь Искитимки, обосновали там свои займки, с которых и начался впоследствии город Кемерово.

Как рассказывает Ефремов, отец его имел пасеку на реке Фёдоровка. Эту пасеку банда Рогова при отступлении наткнувшись на неё разграбила, большинство ульев вместе с пчёлами уничтожила. Тогда отец Ефремова перевёз оставшиеся из уцелевших ульев за 12 километров, ближе к Осиновке. Братья отца Ефремова ещё при царе мыли золото в Барзасской

тайге. Так что места эти он с малолетства знает. Но и он не помнит того, чтобы на месте нынешнего Барзаса было раньше 1929 года какое-то селение. Как ни искал я, не мог обнаружить людей, родившихся в Барзасе до 1929 года.

После того, как основали Барзас, потянулся сюда народ со всех уголков России. Место живописное, речки, тайга – всё это очень привлекало, да и сейчас привлекает не меньше, чем тогда. Жить здесь было можно – таково было мнение всяк сюда попадающего.

В 1933 году население Поволжья голодало. Семья Аксютиных из Самары подалась, спасаясь от голода, к своему родственнику, что проживал в Хабаровске. Но средств доехать до Хабаровска не хватило. Остановились Аксютинины в Кемерово, определиться там не смогли, услышали о Барзасе. На попутных подводах добрались к новому посёлку. Здесь строилась шахта, в рабочих нуждались. Отчим Семёна Сидоровича Аксютинина от шахты же и получил квартиру в бараке по улице Красная горка. Семён Сидорович тогда ещё совсем мальцом был (он с 1921 года рождения), но помнит отлично, что тайга на том месте, где Барзас нынешний расстроился, до того густая была, что когда ходили от одного дома к другому – вполне заблудиться могли.

Первый год их семья тяжело жила. По карточкам на рабочего выдавалось в сутки 800 граммов хлеба, на иждивенца – 250. Но для них, испытывавших все муки голода, и это было уже спасением. А потом они огород раскорчевали, поросёнка вырастили, корову купили, так и вышли из нищеты. Конечно, мальчонка в школу в лаптях бегал, но не голодный. Семь классов закончил и с 14 лет начал работать в леспромхозе. Лошадьми управлял, лес возил, сено. А с 1941 по 1946 года служил в армии, охранял границу в Хасанском районе на Дальнем Востоке.

В 1945 году довелось и ему повоевать. Помощником командира взвода назначили его в штурмовой отряд, перед которым

была поставлена задача любой ценой захватить на территории Кореи мост через реку Тюмень – Ула и удержать его до подхода советских войск. Японцы мост этот при отступлении хотели уничтожить: 15 тонн взрывчатки под его опоры уже заложили и выставили очень сильную охрану. Штурмовой отряд неожиданным появлением в расположении врага сумел предотвратить взрыв. Мост захватили и удержали. Бой был жестокий – погибло очень много наших солдат. Командир взвода был ранен. Его заменил Аксютин. За эту операцию Аксютин командиром дивизии был представлен к высшей награде Родины. Но получить Звезду Героя ему не довелось: солдаты из подошедшей тыловой части на станции обнаружили брошенный в цистерне этиловый спирт и напились. Отравилось насмерть 150 человек. Командующий армией рассердился и ограничился награждением отличившихся – только орденами и медалями. Аксютин за эту операцию получил орден Красного Знамени. А ведь вполне мог быть сейчас в Барзасе и свой Герой Советского Союза. Для самого Аксютина это, может быть, не столь важно, важно другое – живым вернулся с войны домой! Ведь из 450 человек его призыва, возвратилось в Барзас только 8 человек. И среди этих восьми – он. Разве не счастье это?

Всю свою жизнь отдал Аксютин Барзасу. Работал в райисполкоме, затем в леспромхозе. Вырастил двух сыновей и дочь, которые давно уже разъехались в разные города России. Дочь медиком работает в Магаданской области, один сын в Хатанге на Таймыре – лётчиком, другой в Омске – заместителем директора коммерческого предприятия. Определились, где захотели, там и свили себе гнёздышко. А вот сам он живёт безвыездно в Барзасе, в огороде копается в меру сил. И мечту давнюю имеет: обзавестись надёжной телефонной связью не только с Берёзовским, но и со всеми другими городами страны. Тогда ведь без проблем можно было бы позвонить в Магадан или в ту же Хатангу...

Циркиных переманил в Барзас из голодающего Новосибирска в 1935 году обосновавшийся здесь ранее их дед. Циркина Мария Егоровна, по мужу Ликаонская, теперь уже жительница Берёзовского, вспоминает:

— У отца нас, дочерей, было трое. Как приехали, так он сразу же начал строить дом. Работал в шахте коногоном, мать там же – банщицей. Шахту в 1936 году закрыли, мы переехали в Балахоновку, где отец устроился работать продавцом. В 1937 году его арестовали и расстреляли как врага народа. Мы вернулись в Барзас. Маму куда-то работать не брали как жену врага народа. Помогал нашей семье дедушка. Так и выросли мы безотцовщиной. Повыходили замуж, детей своих воспитали. Я много лет работала в райисполкоме секретарём, теперь тружусь в системе соцзащиты. Вспоминаю сейчас: что бы там ни было, хорошо мы жили. И Барзас для меня и моих сестёр является родиной...

Иван Павлович Подковырин совсем по другой причине попал в Барзас. Родился он рядышком, в Олейниково, близ Арсентьевки, в 1914 году. После школы пошёл в ФЗУ Кемеровского механического завода. Там мальчишек обучали слесарному делу. Когда в Барзасе открыли шахту, при ней образовались хорошо оснащённые мехмастерские, в которых для любого «фэзэушника» работать было престижно. Вот и сбежал он из Кемерово в Барзас в 1934 году. А шахту закрыли очень скоро. По тем временам Подковырин был очень образован. Назначили его после закрытия шахты учеником бухгалтера в леспромхозе, и до войны успел он освоить бухгалтерское дело.

В 1941 году его взяли на фронт. Воевал до 1945 года Инвалид второй группы. До пенсии работал в леспромхозе бухгалтером, последнее время там же – начальником отдела кадров. Категорически опроверг моё предположение, что Барзас построили заключённые и в нём живёт в основном народ, освободившийся из лагерей. Он считает, что это не так. Посёлок

и все предприятия, существующие в нём, создавали вольнонаёмные. Это уже потом, с 1947 года по 1965 в Барзасе были заключённые. Они работали в тайге, лес рубили. Но в посёлке живут и те, что, отбыв свой срок, решили не уезжать от-сюда, а навсегда связать с Барзасом свою судьбу.

Есть в Барзасе и другая категория старожилов. Рихард Андреевич Шпомер – немец по национальности, выходец из тех мастеровых, которых века назад приглашали цари наши на службу в Россию. Родился он в 1917 году в городе Царёве, что расположен был в 65 километрах от Царицына (Волгограда). В 1933 году он поступил в сельскохозяйственный техникум, но по окончании двух курсов из-за болезни матери вынужден был пойти работать на консервный завод. Потом его направили в брынзотрест, где из овечьего молока вырабатывали курду, сыр, брынзу. Этому тресту подчинялось 17 заводов. Везли продукцию к Волге на лошадях и верблюдах. Шпомеру было поручено контролировать качество вырабатываемой продукции, чем он и занимался вплоть до 1936 года. Потом его, как показавшего себя с лучшей стороны хорошего специалиста, направили в инспектуру госучёта.. Но он, как и многие парни 30-х годов, мечтал о небе.

В 1938 году попытался поступить в Качинское лётное училище. Отказали потому, что немец. В 1939 году призвали служить в армию. Вначале общеармейская подготовка в Рязани, затем – Новороссийск, где он заканчивает школу связи и получает назначение командиром радиостанции в роту связистов.

Желание стать лётчиком у Шпомера не угасло, и он добивается направления в Ростовскую авиашколу имени Чкалова. Но мандатная комиссия отказала ему в поступлении по той же самой причине: немец.

— Я сорвался, заплакал – рассказывает Рихард Андреевич, – от такой несправедливости хотел броситься под поезд. В сердцах

выложил своё намерение Абику, азербайджанцу, который тоже поступал в училище. Тот прибежал в комиссию, устроил скандал, меня вызвали, расспросили, заставили рассказать о себе всю подноготную. Убедило их моё пролетарское происхождение, и направили меня в училище учиться на стрелка-радиста.

После училища попал в 228-й авиационный полк дальних бомбардировщиков. На бомбардировщике мне удалось в качестве стрелка-радиста совершить два вылета под Николаев. По возвращении из второго нас подбили. Командир корабля был ранен. Новый командир машины лейтенант Нестеренко после первого с ним вылета, отметив мои правильные действия, стал отказываться от меня как члена экипажа. Объясняя это тем, что не может чувствовать себя спокойно, когда дуло пулемёта смотрит ему в затылок и этот пулемёт находится в руках немца.

С ним я совершил два вылета, и меня откомандировали на наземную радиостанцию, а 22 апреля 1942 года я уже был в Анжеро-Судженске поставлен на спец. учёт. Тогда всех неблагонадёжных переселяли в Сибирь. Грузил здесь лес, работал мастером по ремонту дорог. В 1948 году наше отделение перебазировалось в Горевку, головной лагерный пункт десятого лагерного отделения. Там я работал начальником ПТУ, мастером и даже главным инженером лагерного отделения. В Барзас попал из Нижней Суеты. Назначили здесь начальником склада. Потом по рекомендации горкома партии был выбран освобождённым секретарём партийного комитета Барзаса. Сейчас нахожусь на пенсии. В Берёзовском живу с 1983 года.

Семён Дмитриевич Колейчик, 1924 года рождения, рассказывает:

— Отец привёз нас в Новоколбинку из Черниговской области в 1929 году. По словам отца, переселяться задумало из голодающей деревни несколько семей. Снарядили ходока и от-

правили с наказом подыскать для них хорошее местечко. Тот вернулся и с восторгом рассказывает: тайга, земли много! Мы и поехали. Нас, пацанов, в семье было шестеро. Батяка всех собрал и привёз сюда. Зимой у одной бабки прожили, построили себе в Новоколбинке за лето дом и начали выкорчёвывать пашню. Прожили там до 1938 года. Раскорчевали и засеяли 5-6 гектаров земли. За освоение земель (за каждый гектар) государство платило подьёмные – 129 рублей. Сеяли мы и овёс и рожь, сажали картошку и другие овощи. Отец единоличником жил.

В 1937 году начали организовываться колхозы. Он с кем-то из сельских коммуняк не поладил, бросил все свои постройки, а раскорчёванную пашню колхозу отдал и переехал в Романовку. Там и вырос Семён Дмитриевич до призывного возраста, оттуда и забрали его в 1942 году в армию и отправили на войну.

После войны он стал жить в Барзасе с 1947 года. С самим же Барзасом познакомился он ещё до войны: много раз в то время приходилось ему на лошадях доставлять почту в Романовку из районного центра...

В школе Барзаса поделились со мною своими воспоминаниями пожилые учительницы, живущие здесь едва ли не самого зарождения посёлка.

Валентина Васильевна Попова в Барзасе проживает с 1935 года. Родом она из Васильевки, что расположена на реке Яе.

— Мой отец знал хорошо тайгу и в 1929 году ходил с геологами, которые искали уголь. Из своей деревни убежали мы потому, что всех начали сгонять в колхозы. Тех, кто противился, облагали непомерными налогами. Когда появилась шахта в Барзасе, отец устроился работать туда сторожем.

Я до войны ходила учиться в старую школу. Потом эту школу преобразовали в госпиталь. Учеников переселили в обыкновенный двухэтажный дом. В 1942 году госпиталь с медперсоналом эвакуировали поближе к линии фронта, мы же снова пе-

решили учиться в свою школу. В войну я была маленькая и одна у родителей, но уже помогала им: они на покосе. А я занимаюсь домашним хозяйством. Помню, на месте памятника тогда стоял низенький домик, так в нём пельмени для бойцов фронта делали и вареники. Макма была председателем уличного комитета, постоянно собирала тёплую одежду и обувь для фронта.

— По свидетельству М. Е. Ликаонской, в Барзасе 1937 год надолго запомнился всем: каждый день кого-нибудь арестовывали. Люди исчезали бесследно. Вы что-нибудь помните из этого периода? Спрашиваю её.

— Конечно, помню: забрали даже моих родителей. Сосед написал, что мы торгуем овсом. Отвели их в тюрьму (сейчас в этом помещении госпромхоз), трое суток держали, а я одна в доме ревела. Потом за отсутствием доказательств их отпустили. Через некоторое время ещё раз ночью приходили, но это по ошибке — искали дядю, однофамильца. Забрали его в ту ночь. Он так и не вернулся...

А вообще жить тогда в посёлке было интересно. Был хороший стадион у нас и клуб. В 1945 году выступал перед нами участник войны поэт М. Небогатов (его жена была уроженкой Барзаса). Потом района не стало, и всё разрушилось. Вокруг Барзаса появились лагеря заключённых, и в Барзасе на кирпичном заводе их тоже поселили. Помню я, мама с подругами ходила на Тугонак и по разрешению конвоиров продавала молоко заключённым. У тех были деньги, нам же никогда они не были лишними. Был ещё лагерь двухэтажный, и туда молоко своё они возили. Как-то же надо было выжить. А вот где сейчас лесхоз посадками занимается, там у нас находился аэродром. К нам самолёты из области прилетали. Продукты привозили, людей. Здесь ведь находились все районные организации. Соревнования, совещания разные проходили. Много народу приезжало.

Жители Барзаса работали в райлесхозе. По узкоколейке на конях возили лес с берега на лесопилку. Ещё работали в артели «Третья пятилетка» – в ней делали бочки. Через Барзас был натянут громадный подвесной мост. Для нас, детей, очень интересное сооружение. Заключённые лагерей в тайге валили деревья, А В Барзас их привозили на машинах, которые отапливались чурочками. Сбоку у машин устанавливались печки, водитель раскочегарит их, и пока в печках есть жар, машина движется. Такие машины назывались газгенами. А. С. Бурцев и Илясов – водители, которые ездили на таких машинах, – они ещё живут в Барзасе.

Зинаида Дмитриевна Попералова – учитель химии. В 1947 году, после окончания пединститута, приехала в Барзас. Она вспоминает:

— Школа была старенькая, в посёлке транспорта никакого, грязь везде после дождей и весной, только в сапогах тогда и можно было пройти по улицам. В школе печное отопление – 12 печек, и все топить надо, чтобы не замерзать. С детьми поэтому летом заготавливали для школы дрова. Зимой к нам их привозили на лошадях. Электричества не было, в каждом классе была своя керосиновая лампа. Но знаете, ребята Барзасские нам, учителям, очень нравились. Дисциплинированные, работающие, исполнительные. Небалованные.

Я сейчас сравниваю то поколение и нынешнее и без убеждения говорю: жизнь тех людей намного насыщеннее была. Радио в Барзасе в те годы ещё не было. Информацию о происходящем в мире несли в массы учителя. К ним прислушивались, относились уважительно. Быть учителем было почётно и трудно.

Помимо этого – тогда-то мы были молодыми – мы каждую неделю устраивали в школе вечера отдыха. Было столько огня и задора в нашем веселье, что я просто удивляюсь – куда подевалось всё это? Куда исчезли откровенность, добродушие и общительность? Конечно, и сейчас дети, если их попросишь,

сделают, но прежней чуткости в них нет. И тяги к учёбе – тоже. Ведь раньше-то целыми классами поступали в институты. Стремилась получить образование. Черствые стали дети, безынициативные. Но что поделаешь? Каждое поколение несёт в себе отпечаток своего времени.

Зоя Герасимовна Сбитнева, тоже учительница, уже не работает. В 1937 году с родителями приехало в Барзас из Вотиновки, что за Арсентьевкой, 1945 году закончила она школу, и в ней же первое время работала учителем начальных классов. В 1947 году она окончила курсы немецкого языка, 1952 году – заочно пединститут. Работала в Барзасской школе 33 года, до пенсии.

— Школа средняя была небольшая, – говорит она, – но иногда набиралось учеников до 1300 человек. У детей было большое желание учиться. Работать с ними было приятно. Вела немецкий язык. Многие наши мальчики стали военными. В 1941 году некоторых выпускников 10 класса из числа мальчиков забрали в военное училище, и после его окончания они пошли на фронт. Кто-то попал в ремесленное училище. Осталось 11 девочек и все они поступили в институт и стали учителями.

Одевались мы плохо, но постоянно «сабантуи» устраивали, я играла на гитаре. Молодёжь тогда не воровала, не дралась, все жили дружно. Это после войны уже воровством занялись, материться начали. На кирпичном заводе в войну кожу выделывали, овчину, сапожники туфельки могли сшить, валенки здесь же катали, шерсть чесали. В Барзас прибывали переселенцы не только из окрестных сёл и западной части России.

Освоить это живописное местечко, надолго пустить корни в нём были и желающие из совершенно противоположной и столь же отдалённой окраины нашей необъятной страны. Анна Николаевна Родионова (1912 года рождения) приехала с родителями в Барзас из Ольгинского района Приморского края. Отец её, бывший партизан Гражданской войны, хотел

обосноваться в Алма-Ате, но там его не прописали. Товарищ посоветовал ему ехать в Кемерово. Приехали. Отец наведался в Барзас. Ему понравилось и нам всем понравилось. Купили здесь домик у речки и стали жить.

— Я сначала работала на почте писмоношей, потом в Новокузнецке закончила курсы руководящего состава и меня послали на Кельбес начальником почты. Вышла замуж в 1938 году. Папа работал парикмахером в Барзасе. Я переехала к нему. Жили в Барзасе 5 лет, затем в связи с работой мужа (он был служащим госбанка) жили в Кемерово. В 1941 мужа забрали на фронт, и я опять переехала к родителям, работала на почте в Кургановке. Когда занедужили отец с матерью, я перестала работать. Занялась огородом. Денег не было. Нарвёшь летом колбы, в Кемерово продашь. Две булки хлеба купишь – тем и жили. В войну нам давали по 300 граммов хлеба. Соль и мыло покупали на базаре. Отрабатывали в колхозе. Муж вернулся в 1945 году. Стали поднимать детей вдвоём. Их у меня четверо было: две дочки и два сына. В 1948 году у мужа отказало сердце, он умер. Дети подросли и разлетелись. Осталась одна. Вышла замуж второй раз. Позвала нас дочь к себе, жила она недалеко от Анжеро-Судженска. Поехали, развели пчёл, зажили богато, 29 колодок пчёл стояло у нас. Потом муж ослеп и умер, сама с пчёлами не смогла управиться, напала на них болезнь. Вернулась в Барзас, живу теперь вот у сыночка Гены.

Геннадий Иванович Симоненко – сын Анны Николаевны. Родился он в 1939 году. Всю жизнь прожил в Барзасе. Несколько лет возглавлял поссовет. Ему есть что рассказать о своём посёлке.

— Наш посёлок расположен в тайге, а значит, и основной промысел его жителей – заготовка леса. Вокруг посёлка по лесным делянкам ещё до его возникновения были поставлены одиночные бараки. Зимой крестьяне с окрестных деревень, получив задание, приезжали, селились в этих бараках. Потом устраивали

ледянки – это такие санные дороги, политые водой, вывозили заготовленный лес к реке и складывали его в штабеля. Весной, когда разливался Барзас, этот лес спихивали в воду и сплавляли в Яю.

В 1935 году в Барзасе открылся свой леспромхоз и стали уже здесь перерабатывать до 300 тысяч кубометров древесины в год. Сплавом лес доставляли в посёлок до 1955 года. В 1947 году завезли на кирпичный завод заключённых, обнесли его крепкой оградой и создали там лагерь. У нас в округе через каждые 10 километров стояли лагеря. Численность заключённых в каждом лагере была от 600 до 1500 человек.

В 1965 году было у нас организовано охотничье-промысловое хозяйство. Оно содержало пасеки. Его работники заготавливали мёты, целебные травы, шишки, принимали от населения шкуры убитой скотины, а также мясо лося. Как раз перед войной в Барзасе возник для охраны леса лесхоз. Тайгу стали восстанавливать немного позже.

Совсем рядом с Барзасом геологи обнаружили большие запасы диабаз. В 1983 году была запущена первая очередь производства. В 1985 году сдали вторую очередь и стали выдавать 400 тысяч кубометров щебня в год. Он шёл в основном на строительство дорог, но когда мы вышли на запасы чистого диабаз, у нас появились и другие заказчики. Из нашего диабаз, настолько он чистый, можно без обработки изготавливать особую нить и шить скафандры для космонавтов.

Диабаз сам по себе очень красивый камень. Фасады государственных и общественных зданий в городах России облицованы тоже этим камнем. Представители Японии, побывавшие на карьере, дали высокую оценку нашему камню. С 1981 по 1994 года я работал директором этого завода.

— Геннадий Иванович, вы некоторое время работали и председателем поссовета. Что вы можете рассказать об этом периоде вашей деятельности? – спрашиваю его.

— Деятельность поссовета была разносторонней. Мы занимались прокладкой водопроводов, строили дома, делали дороги. На бюджете поссовета находились 17 бюджетных организаций. Это фельдшерско-акушерские пункты, поликлиника, школа, библиотека, клубы. Были у нас и свои начинания: мы первыми в районе создали у себя опорный пункт милиции. Капитан милиции Геннадий Геннадьевич Фёдоров, организовал из числа подростков кружок «Юные друзья милиции», ходил с мальчишками в зимние походы, устраивал стрельбища из мелкокалиберной винтовки. У нас в это время была очень хорошая народная дружина, которая следила за порядком в посёлке.

Людей, связавших судьбу свою с Барзасом и доживающих свой век в нём, ещё очень много. У каждого из них своя история, переплетающаяся с историей Барзаса. Все вместе делали они эту историю и факты истории этой, рассыпанные в их памяти, могут безвозвратно исчезнуть, если мыс вами, их дети и правнуки, не сможем сберечь их вовремя.

После первых моих записей по истории Барзаса встретился случайно с поэтом Леонидом Михайловичем Гержидовичем. Он, оказывается, родился и долгое время в Барзасе жил.

— Ты правильно, — говорит, — про берлогу у Циркиных пишешь. Но не только у них, по долине реки Барзас их несколько вблизи посёлка было. Мальцом, я помню, раз вышел со старшей сестрой на берег шишки бить. Она выбрала кедр поудобнее и полезла наверх. Я же гляжу — рядом у камня углубление, валежником прикрыто. Вроде как шалашиком сделанное. Заполз туда — просторно! И угол один хвоей и мелкими сучьями забит. Мягко, Удобно! Как на постели. Забрался я на самый верх, лежу, разглядываю коричневые, застрявшие в хвоинках клоки длинной шерсти, оставленной ночевавшими, по-видимому, здесь долгое время дикими зверями. По сохранившемуся на постели отпечатку попытался представить

этого зверя в натуральную величину – и испугался: уж очень большой получился. Полез из его логова наружу. Только голову высунул из под навеса, а сестра сверху ка-ак жажнет шишкой! В ушах зазвенело, из глаз искры посыпались. Так оглушило, что я сразу-то носом в землю воткнулся, а потом привскочил, да как закричу! Сестра с кедр быстрее шишки вниз ко мне сверзилась, узнала, в чём причина моего горя, осмотрела шишку на голове, успокоила. Ну и показал я ей тогда это углубление. Она туда заглянула и говорит: «Берлога! Медведь здесь живёт. Бежим отсюда!» Мы и удрали.

Я родился в 1935 году. В войну, помню, работали в лесспромхозе немцы, а мы с пацанами часто соберёмся, бывало, и ватагой «воевать» идём к кирпичному заводу. Там из тайги к Нижнему складу проложена была узкоколейка, и по ней немцы свозили к складу лес. Мы выберем момент, когда нет никого вблизи, устроим им завал из брёвен поперёк пути, спрячемся в просеке и ждём, словно партизаны в засаде. Те подъедут к завалу на своей «кукушке», остановятся, и давай по-русски чесать матюгами. Знают же, что мы где-то рядом притаились, слушаем. Вот и распинаются. Отругают они нас, как положено, сбросят брёвна с рельсов и уедут на склад. А мы им на обратном пути снова завальчик устраиваем, а бывало и камнями их тендер обстреливали. Воевали понастоящему. За погибших на фронте отцов им мстили, за братьев, за обделённое детство, за матерей, рвущих жилы на сплаве, за свои животы, набитые одной колбой. Хотя, если разобраться, немцы эти ни при чём были – безобидные, добродушные. Я даже с одним из высланных в Барзас из Поволжья «фашистов» подружился, когда он копал нам в огороде погреб за мешок картошки.

А сёстры Лоскутниковы, о которых упоминаешь, они же мои ровесницы и соседки, ох, и шустрые были девчонки! Расскажу о них один случай, а ты уж сам суди, прав ли я, давая им

такую характеристику. К нам ведь после войны очень часто на лошадях приезжали из города разные представители. Однажды вечером девчата идут домой с танцев, а жили-то далеко от центра, им и повстречались припозднившиеся гости, спрашивают: «Где тут в Барзасе есть гостиница?». Около же Лоскутниковых, у необщительных соседей был просторный, прекрасный и богатый дом. Девчата – пройдохи, между собой переглянулись и согласились показать приезжим гостиницу. Подвезли их к своему дому, соскочили с саней, показали на соседские хоромы и убежали. В крови у них было учудить что-нибудь эдакое.

Про сапропелит, что могу сказать: я лично на нашем огороде его добывал, пока поссовет не запретил. Ведь уголь этот близко к поверхности земли выходил – выкопаешь ямку глубиною с метр – и топи печку. Расслаивался он, как бумага и, как бумагу, от одной спички безо всяких дров поджечь его можно было. А запретили сапропелит использовать потому, что это ведь добро государственное, а так его хоть где можно было накопать. И кедр раньше вместо яблонь у каждого в огороде плодоносили, и мест вокруг Барзаса грибных и ягодных пропасть была. Оттого-то и людям, и зверям урожай тайги на всю зиму хватало.

После войны в Барзасе устроили лагерь для заключённых. Людей привозили к нам из различных городов СССР. И тяжесть совершённых ими преступлений тоже была различной. Барзасской же тайге нужны были дармовые руки. Заключённые работали на лесоповале и в Нижнем складе, а также на других хозяйственно-бытовых объектах посёлка. Каждое утро и вечер маршировали они под присмотром охраны через весь посёлок. Год маршировали, два, а кто и десять. Тяжёлые условия работы и быта не все из них выдерживали: кто умирал, не отсидев и половины положенного срока, а кто, затосковав по воле, ударялся в бег. Но зимой тайга злая, от себя не отпускает, и часто мы, мальчишки, играя на улице, видели охранников,

вывозящих из леса мёртвых, скрюченных от холода беглецов. Через смерть эти люди обретали свободу, о которой мечтали. И теперь им было всё равно, они были безучастны к тому, что их свисающие с розвальней в беспорядке руки и ноги бороздят в последний раз обочину той же дороги, по которой стремились они убежать отсюда навсегда. Мы от взрослых знали всё об этих отщепенцах, но всё равно наши мальчишеские симпатии были на их стороне.

Во время войны из европейской части России к нам в Барзас переехало очень много переселенцев. Они везли с собой культуру, знания и образ своей, отличной во многом от нашей жизни. Среди переселенцев была большая часть интеллигенции. В основном это были врачи, учителя, люди искусства. Они очень много дали Барзасу. После войны наша библиотека считалась одной из самых богатых в области. В ней можно было отыскать произведение любого из мировых классиков. Эти люди повысили культурный уровень жителей посёлка, их моральный дух. Но потом незаметно сами как-то растворились, что ли, обезличились. Некоторые из них спились и как личности – деградировали. Многие умерли, кто-то ещё живёт...

1998 год.

В КАНАДЕ ИГРАЮТ В ХОККЕЙ, А У НАС ИДЁТ СНЕГ И МОЛЧИТ ЭФИР

Эту высокую антенну, растопырившую в небо железные прутья, особенно хорошо видно, когда идёшь по улице Кирова от детского сада «Теремок» к ДК Шахтёров.

Укреплена она на крыше трёхэтажного многоквартирного дома №3. Здесь и живёт Борис Николаевич Васильев, мно-

го лет увлекающийся конструированием радиопередаточных устройств и работой в эфире.

— С этой антенной у меня было очень много хлопот, - рассказывает Борис Николаевич.

— В ЖЭКе мне разрешили её установить, но надо было произвести расчёт конструкций на прочность. Человека, способного произвести такой расчёт, а тем более поставить под ним свою подпись, найти было трудно. Но мне нужна была антенна и я смог установить её.

Вообще-то я нездешний. В Колпашёво родился, в Берёзовском живу с 1964 года. Отсюда в 1967 году я был призван в армию. Служил в Грузии. В течение первых шести месяцев учился в военной авиационной школе в Вышнем Волочке по специальности «Радиолокация и связь».

— Так вот чем объясняется ваше увлечение радио!

— Нет, всё началось гораздо раньше. Ещё когда я был мальчишкой, отец привёз как-то мне радиоконструктор. Из деталей радиоконструктора я смастерил себе первый приёмник. Он заработал. Ловил станции и музыкальные передачи из эфира. С той поры радио и увлекло меня. Отец, пока был жив, всячески потакал моему увлечению. Понимал, что это серьёзное дело. От простых схем я быстро переходил к более сложным. Сначала лампы, потом катоды, диоды, триоды навсегда вошли в мою жизнь. Потому-то я и избрал в армии специальность локаторщика. После службы вернулся в Берёзовский. Семь лет трудился на ЦОФ Берёзовская. А с 1976 года перешёл на шахту Берёзовскую. Работаю и сейчас на ней подземным электрослесарем. Закончил заочно Копейский горный техникум, затем курсы телемастеров. Так что образования и навыков у меня в области конструирования радиоприборов, считаю, достаточно.

После армии работать на шахте я начал в цехе автоматики. Это был очень сильный коллектив, где я имел хорошую воз-

возможность пополнять свои знания. Я сконструировал радиопередатчик, при помощи которого мог выходить на связь с радиолюбителями не только Советского Союза. **НО ДАЖЕ** Канады, Японии, Англии и других стран.

Подобных мне охотников-любителей эфира было в городе тогда человек 30. Мы встречались, и как-то сама собой родилась мысль создать в городе коллективную станцию. И мы её создали в ДК Шахтёров. В приобретении оборудования нам очень помогла администрация шахты «Берёзовская». Эта станция была своего рода клубом радиолюбителей. К нам приходили по вечерам не только взрослые, но и подростки. И мы обучали их тому, что умели сами.

Насколько силен был этот клуб, можно судить по тому, что мы проводили в городе выставку творчества радиолюбителей, выезжали со своими экспонатами даже на областные выставки. Потом у меня произошёл конфликт с представителем КГБ города, и работу станции запретили. Такое дело угробили! У меня забрали разрешение на выход в эфир. Передатчик – вот он, пылится в бездействии. Кстати, моей собственной конструкции передатчик – когда-то новой, теперь уже устаревшей. Обидно всё это: ведь когда я его сделал, тех новинок, что применил в нём, я ещё нигде не встречал. А так как работать на нём мне запретили, он и простоял на полу все эти годы.

— Если бы сейчас появилась возможность возродить свою радиостанцию во дворце культуры, вы бы ухватились за неё?

— Вряд ли. Хотя знаю – она нужна и могла бы принести много пользы молодым парням. Но, понимаете, я выдохся в этой борьбе с прежними властями за право иметь собственное место в жизни города. Да и разве соберёшь сейчас тех парней? У тех же, что помоложе, совсем другие теперь увлечения.

Другие увлечения сейчас и у самого Васильева: в квартире его на полу, на журнальном столике стоят телевизоры

разных марок. Борис Николаевич их ремонтирует. Приносят друзья и знакомые. Ремонтирует быстро, качественно и с гарантией. Совсем, как в мастерской, только чуть быстрее и надёжнее.

Ещё он показал мне большую медвежью шкуру, лежащую на полу в спальне. Из неё запросто можно сделать чучело медведя, потому как сохранилась в целости морда с глазами, клыками и носом, а на лапах устрашающе растопырились когти. Этого медведя он сам убил. Увлекается Васильев охотой. Случается домой приносит из лесу дичь. Продолжает работать в шахте. И порой нет-нет, да и промелькнёт в сознании мысль о создании в городе радиостанции, способной связать его со всеми точками земного шара.

В ДК Шахтёров мне показали комнату, где когда-то несколько лет занимались радисты. Её давно уже переоборудовали, антенну с крыши сняли, дырку залатали, а в комнате этой будут теперь заниматься ребятишки из ансамбля «Дудары». И будут приносить пользу себе и обществу до той поры, пока какой-нибудь представитель из органов надзора России не узреет вдруг в отбивании деревянными ложками пляски Комаринского вражьего умысла против нашей великой и любимой Родины. И запретит ведь не только ложки, но и балалайки.

На вопрос о возможности возрождения в стенах ДК радиостанции, Нина Леонидовна Морозова, директор ДК, развела руками, мол, пользу молодёжи от кружка не отрицаю. но нет денег. Даже те кружки и секции, что давно функционируют, с трудом удаётся сохранить.

Жаль. Помните, совсем недавно была популярна песня, которую исполняли две длинноногие красавицы, сёстры – близняшки «как там, в России, дожди косые...»? Сохранись та радиостанция, спросил бы сегодня Борис Николаевич, или кто из пацанов, обращаясь к эфиру:

- Как там, в Канаде?
- А у вас в Японии как?
- А у нас в Берёзовском сегодня холодно. Идёт снег и молчит эфир.

1996 год.

ОДИН ИЗ НЕМНОГИХ ОСТАВШИХСЯ

В канун 46-летия Дня Победы в Великой Отечественной войне мне удалось отыскать в нашем городе живого свидетеля того времени. И не только свидетеля, но и участника кровопролитных боёв с фашистами.

В неполные 18 лет призвали в армию Петра Александровича Васильева от шахты «Комсомолец» города Ленинск-Кузнецкого, где он жил в то время. Военкомат направил его в 1942 году на курсы младшего командного состава в Новосибирск. Пять месяцев учёбы там, затем три месяца военной подготовки под Мичуринском – и новоиспечённый сержант едет уже с пополнением на фронт.

Мясорубка боёв на Орлово-Курской дуге требовала всё новых и новых людских резервов. При подходе к фронту колонну пополнения атаковали девять самолётов противника.

— Идём мы при полной амуниции, уставшие, запыленные, голодные, вдруг слышим – рождают самолёты. Колонна солдат остановилась. Самолёты прошли стороной. Мы двинулись дальше. Снова, слышим, летят. Оказывается, те же девять самолётов вернулись, снижаются. На крыльях – свастика чёрно-белая. Завыли и на нас сверху, как коршуны, кинулись. Я в небо голову задрал, за ними слежу – делится своими впечатлениями сухонький, жиганистого вида пожилой мужчина.

— Стою, как баран, и ничего не делаю. Слышу, кричат, оглядываюсь — нет никого, все попрятались. Пусто на дороге, а наш капитан верхом на коне к дальнему лесочку скачет. Испугался я, понял, что и мне что-то делать надо. Побежал от дороги к изгороди, а рядом дом стоял, в огород запрыгнул и в смородину спрятался. Тут как загрохотало, затрещало. Рёв моторов, взрывы ухают, осколки свистят и, кажется, вот-вот в меня вопьются. Сжался я, в землю уткнулся, боюсь, а всё равно краешком глаза нет-нет да и взгляну в небо, что там они вытворяют.

Самолёты друг за другом колесо над дорогой накручивают: один снижается — бомбами, пулемётами обложит нас и кверху взмывает. За ним второй на нас пикирует, третий. И так несколько раз. Отбомбились они и улетели. При нас зенитная установка была, она стрекотала взахлёб во всё время налёта. Парни старались, но жалко, ни одного самолёта не сбили.

Стихли моторы, развеялся дым, повылазили мы все из нор, пересчитались на первый-второй и выяснилось, что убито 18 человек и 64 лошади. Может и не особенно сильный нанёс противник урон, но теперь уже новобранцы на деле знали, что не в игрушки играть идут на фронт, а воевать. И каждый из них в любую минуту может быть убитым. Все стали серьёзными, настроение подавленное, задумался каждый. А у Петра Александровича перед глазами тогда весь день стояло искорканное бомбой, обугленное лицо парня, лежавшего вдоль обочины. Первую жертву войны, которую он увидел вблизи и наяву, невозможно забыть и сейчас.

— Дошагали мы до передовой, — продолжает он. — Меня определили во взвод полковой разведки 13 полка 121 стрелковой, а потом уже Гвардейской дивизии. Я был при артиллерии наблюдателем-разведчиком — должен был выискивать узлы сопротивления, огневые точки противника, минные поля, сосредоточения техники и войск, где стоят кухни, где

роют блиндажи, что делают сапёры. Всё это в пределах видимости через бинокль или стереотрубу я наносил на карту, отмечал координаты, а потом по радию или телефону сообщал артиллеристам эти данные. Они и накрывали фашистов своим прицельным огнём.

Но это потом уже Васильев наносил на карту дислокацию противника и направлял по радию огонь своей артиллерии. В первом же бою новобранцы находились в траншее. Перед ними – скошенное поле, суслоны, копёшки из вязаных снопов, а дальше бугры, и за ними фашисты.

Поднялись солдаты в атаку, а немцы изо всех видов оружия по полю шарахают. Пристрелялись. Совсем прижали к земле солдат. Особенно досаждал их шестиствольный миномёт. И откуда он бьёт, никак нельзя определить. Вызвал командир разведки капитан Савицкий новобранца Васильева и говорит: «Надо во что бы то ни стало накрыть миномёт. Из-за него срывается атака. Подберись поближе, засеки, откуда он палит. Надо заставить его замолчать».

Пополз Васильев. Пули над спиной цвиркают, носом о скошенное жнивье искололся до крови. Отполз метров на сто, кричат: «Окапывайся!». Лопаткой кое-как вкопался на полметра в землю, залёг. «Что у них там стряслось?» – думаю. Потом уже, после боя узнал, что взводный уговорил, оказывается, капитана не посылать на верную гибель необстрелянного хлопца. Заменили более опытным, бывалым фронтовиком. Он быстро обнаружил огневую точку противника. Накрыли миномёт, разбили его вдребезги. Поднялись в атаку бойцы и в тот же день освободили деревню.

Принесли после боя еду, дружок подаёт Васильеву котелок, но он отказался от еды. Съел яблоко, а в своём окопчике, пока солдаты не побежали вперёд, лежал он впереди всех, не двигался и от страха плакал.

За два года войны он во многих боях участвовал. От смекалки Васильева и его умения зависела теперь работа артдивизиона. Очень скоро отметили Петра медалью «За боевые заслуги».

— В Белоруссии, помню. Был бой, шёл дождь, потом снег. Немцы в атаку поднялись, пустили впереди себя местных жителей, а сами вслед за ними крадутся. Солдаты пытаются немцев отсечь, чтоб своих не задеть. Сложно. А люди идут, озираются, кричат нам. Вот один упал, другой, третий. В конце концов одна девочка осталась. Идёт, спотыкается, плачет, руки к нам тянет. Не выдержал лейтенант Плотский, командир взвода нашей разведки, выскочил из траншеи и перебежками – близко была девчонка, – подскочил к ней и повалил на землю. Вдарили бойцы, и поднялись в атаку. Смяли гитлеровцев, погнали и на их плечах в населённый пункт ворвались. Никого не щадили.

Безродную девчонку двенадцати лет (убили год назад фашисты и мать и отца), накормили после боя солдаты, обогрели и в штаб отправили.

— А один раз, помню, в Радзивилово это было, – Вижу, костёл, крыша двускатная и шпиль сверху высокий – отличный наблюдательный пункт. Прибежали мы с радистом, а там уже все удобные местечки другие разведчики познали. Поднялись мы тогда на самый верхний деревянный шпиль. Осмотрелись. Даже лучше оказалось, что выше всех забрались. Выдрали из кровли доску, установили стереотрубу. Успел я найти ориентиры, записал их в карточку, передал артиллерии, и тут начали по костёлу немцы стрелять. Сперва недалёт, перелёт, а потом сверху сквозь шпиль как жахнуло! В двух метрах над нами прорвало кровлю. Бросились мы вниз по винтовой лестнице, все разведчики уже костёл покинули. Едва мы успели отбежать, как прямым попаданием разрушило всю кровлю. Задержись мы ещё чуть-чуть, и...

Орден Славы третьей степени получил Васильев за форсирование реки Эльбы. Противоположный берег, хорошо укреплён-

ный немцами, был высокий, из скальных пород и потому казался неприступным. На участке полка №13 сапёры перетаскивали на другой берег канат, закрепили его, и на первом плоту десант в 40 человек поплыл через реку. Налетели «Мессершмиты», начали бомбить. Артиллерия немцев подключилась. Вода кипит от взрывов и пуль. Едва до середины реки доплыли, бомбой разорвало канат, перевернуло плот. Солдаты, кто жив остался, поплыли, кто, как мог к вражьему берегу. Американские танкетки-амфибии были уже у нас на вооружении, подоспели, выловили несколько человек. Протянули сапёры новый канат. Капитан разведки говорит: «Ну, счастливчики, теперь вы плывите».

Погрузились шесть разведчиков-наблюдателей на плот вместе с другими солдатами, разделись все и поплыли.

— Нас и обстреливали, и бомбили, однако же, доплыли благополучно. Рассредоточились по берегу и на кручу полезли, а нас сверху свинцом поливают. Уж и не знаю, как вскарабкался я. Осмотрелся, определил, отметил, где что поближе и передал своим. Загрохотали наши пушки. От прямых попаданий снарядов азоты взрывались, выворачивался бетон. Фашисты отступали, а мы – следом. И страшно – свои накроют, и надо ещё огневые точки выискивать. Отлично поработали тогда. Чуть правее форсировали реку наши танки. Они провалили оборону противника и в спину ему ударили. Побросали немцы свои укрепления и побежали от нас.

Потом мы уже воевали в Польше, Германии, Чехословакии. Последним городом, который освобождали, была Прага. Окончание войны встретили в Карлсбаде, что расположен неподалеку от Праги. После Победы простояли в Карлсбаде две недели. Затем нас отправили на Родину.

Дослуживал Васильев в Белокаровичах, оттуда и демобилизовался. Приехал домой, женился. Последние 18 лет работал на шахте «Южная». В 1974 году пошёл на пенсию.

Квартиру получил от горисполкома три года назад.

А все свои медали Васильев внучатам раздал. На память. Пускай играют...

ЗА ЭТУ ЗЕМЛЮ, ЗА ЭТУ НИВУ...

Пшеничное поле на пологом склоне холма, взволнованно шелестело колосьями. Прохладой тянуло из низины от закутанной в сонный туман зарастающей раковой речушки. Остяки ближайших колосьев, приплёскиваемые ветром к броне, по-кошачьи игриво царапали стекло смотровой щели застывшего с краю поля танка. Михаил и сидящие над ним танкисты настороженно вглядывались в утреннюю тишину. То, что Михаил отмечал про себя, не очень-то радовало: с места укрытия видны опоясавшие вершину холма траншеи, огневые точки противника, фигуры немцев, деловито снующих по своим позициям. И хотя, как уверяли сапёры, пшеничное поле не заминировано, какое-то время машину придётся вести под прицельным огнём немецких пушек. А это опасно не меньше, чем наезд на противотанковую мину.

...Месяц назад у села Дёмки здесь же, на Украине, прямое попадание вражеского снаряда подожгло их танк. По инструкции, если танк способен стрелять и маневрировать, его покидать нельзя. С трудом загасив огонь, экипаж продолжал бой за село до тех пор, пока очередным снарядом не заклинило башню. Через несколько дней танкисты получили другую машину. Она тоже была вся перештопана, но оказалась мощнее прежней и послушнее в управлении. Танкисты быстро освоили новый для них танк и с первого же боя отлично использовали его возможности. Он был надёжен, как лучший друг. Не должен подвести и сейчас...

— Красиво окопались фрицы. Но только напрасно, И отсюда вас вышибем, – уверенно произнёс Михаил и откинулся на спинку сиденья.

К вершине холма взмыла зелёная ракета. Ожили моторы, и, взревев, танки ринулись в расступившееся перед ними пшеничное море. Двадцатилетний Михаил – механик-водитель танка. Поставленная перед экипажем задача – достичь укреплений противника. То, что происходит в танке ярусом выше, Михаила сейчас не касается. У башенных своя работа. Ему же надо провести через поле танк в целости и сохранности. А как это сделать в данной ситуации? Для немцев даже движущаяся цель – удобная мишень. Они пристреляли здесь каждый квадрат. По прямой линии до их траншей не больше километра. «Но чтобы спасти себя, машину, экипаж, выполнить боевую задачу, – учил Герой Советского Союза Пётр Иванович Волич, преподававший вождение в Омской танковой школе, – постоянно бросай машину вправо, влево». Прямо, говорил он, будем ездить на парадах. Вон уже задымился №38. С развернувшейся гусеницей застыл на середине подъёма и танк с номером 54...

Ну, а мы вам не поддадимся! Мы сами с усами! Достань нас, попробуй! – резко бросив машину в сторону, Миша сместился на левый фланг. А теперь вперед, вперед! И снова заваливай машину в сторону и двигайся, насколько позволяет скорость! К ним уже начали пристреливаться: клубы пыли и комья земли взлетают слева и справа перед танком. Уже два раза снаряды черкнул и вскользь по броне башни. Вперед! Ближе к траншеям! Там нейтральная зона!

Головы Михаила коснулась подошва сапога командира. Это условный знак: выбери площадку поровнее и притормози – стреляем на поражение крупной цели. Механик аккуратно выполнил манёвр. И выстрел разметал прислугу противотанковой пушки, от выстрела завалившейся набок. Танк на полном

ходу приблизился к траншеям. Уже различимы лица выскакивающих немцев. «А-а, испугались! Побежали!...»

— Проутюжь траншею! – раздался в наушниках приказ командира. Миша знал, как это делается: он навалил танк на траншею бронированным днищем и, попеременно притормаживая, правый и левый траки, стал гусеницами рушить края траншеи. «Вот вам за смерть друзей-однополчан! За деда, которого освободили в соседнем селе». Перед глазами Миши возникла трясущаяся фигура приподнявшего крышку подпола старика. Они там с внучкой скрывались от немцев, которые при отступлении начали уничтожать всех жителей деревни. До войны в этой деревне проживало 836 человек. К приходу русских остались только эти двое...

Миша совсем не злодей, но сейчас, во время боя, ликовал. Башенные огнём орудия и пулемёта сметали с бруствера фашистов. Оборона противника очень скоро была полностью смята и подавлена.

Азарт того боя за давностью лет сгладился. Но какое жалкое зрелище представляло то поле боя, на котором должны были бы созревать хлеба, Михаил Данилович Воропаев видит и сейчас. Развороченная безжалостными снарядами, словно наново вспаханная нива дымилась и чадила.

За эту землю, за эту ниву, за погибших товарищей и замученных жителей он горел в трёх танках, участвовал в Курской битве, освобождал Украину, Белоруссию, Польшу, Прибалтику, был ранен и контужен. Правительство СССР отметило его заслуги в войне орденами Красной Звезды и Отечественной войны второй степени, медалями «За отвагу», и «За Победу над Германией». Шахтёр в мирное время, сейчас – пенсионер, гвардии младший сержант М.Д. Воропаев живёт в Анжеро-Судженске.

1999 год.

ВМЕСТО ДЕТСТВА БЫЛА ВОЙНА

Не лёгкую жизнь прожили люди старшего поколения. Строительство призрачно-светлого будущего, война, разруха, голод...

Перед нами ещё одна судьба из тех, что пока рядом с нами. Ещё одна жизнь, из разрозненных частичек которой и складывается история нашей Родины. Борис Андреевич Харитонов родился в 1937 году в деревне Смедово Волосовского района Ленинградской области, и по воле судьбы детство его пришлось на военные годы.

Эти гулкие, сотрясающие небо и землю, звуки не были похожи на раскаты весеннего грома. Они воспринимались злоежде. В ожидании их продолжения маленькое сердечко четырёхлетнего Бори съёживалось и проваливалось куда-то от испуга. Со стороны захода солнца, откуда малыш обыкновенно по вечерам ожидал возвращения матери с работы, шли и шли теперь врассыпную и колоннами усталые, злые и грязные мужчины в пилотках и солдатской форме. К высокому крылечку, на котором, обхватив ручонками гладкий столбик, стоял Боря и смотрел на улицу, направился от колонны перетянутый портупеей парень.

— Мальчик, вынеси попить.

— Сейчас, — произнёс Боря. С готовностью шмыгнул в сени, ковшиком зачерпнул из бочки воды и подал солдату.

— Мать-то дома? — ладонью обтерев мокрый рот, спросил тот.

— Нет никого.

— Как придёт, пусть собирает вас и удаляет из зоны боевых действий. Через час сюда фрицы накатят, — сказал и поспежал догонять своих товарищей.

Вскоре во двор, волоча за собою зарёванную старшую сестрёнку, влетела заполошенная мать. Похватав на лету в узе-

лок кое-что из одежды и еды, приодев потеплее детей, мать выпустила на улицу весь день простоявшую в хлеву корову и подалась с детьми в сторону застывшего вдалеке леса. Ото всех домов деревни туда же, к лесу, гнали скотину люди.

Деревня опустела. На её окраине разместились последние части отступавших солдат. Они начали готовиться к встрече с врагом, который вскоре и появился. Бой был жаркий, но непродолжительный. Первыми к притихшему населённому пункту подъехали на трескучих мотоциклах разведчики. Винтовочный залп смёл их с дороги, но громыхающая железом вслед арьергарду основная масса наступающих подавила сопротивление солдат Красной армии и, овладев деревней, двинулась дальше на северо-восток. Несколько развороченных и сожженных снарядами домов, среди которых оказался и дом родителей Бори – вот что увидели потом жители, возвращённые занявшими деревню немцами из леса.

— Когда нас пригнали назад, – рассказывал Борис Андреевич Харитонов, – то сразу же взрослых заставили закапывать трупы убитых немецких и русских солдат. Много было побито наших. Немцев – всего двое. Дом наш сгорел. Мы поселились в сараюшке и подготовили его к зиме. Мама забила намешанной в глину соломой все пазы и щели, утеплила тонкую дверцу. Внутри устроила полати, настелила соломы и сверху укрыла рядом. Сосед дедушка Ваня смастерил в уголку у входа маленькую печку. В этом сараюшке и жили всё время. Во время оккупации немцы заставляли народ работать на полях и снабжать армию продуктами. Корову сразу у нас не забрали, с годик она при нас находилась. От ее надоев немцы нам разрешали брать около двух литров. Так что мы были при молоке. Мать ещё держала свиней и кур... Мы жили довольно хорошо, в смысле – не голодали, хотя немцы и грабили нас.

Когда передовые части ушли, то в деревню на постой определилась тыловая часть. Как относились к нам немцы? Один увидел у меня расчёсанные в кровь ноги, поманил пальцем, усадил на табуретку, дал конфетку, обработал зелёной цыпки и отпустил. У матери по всему телу от простуды высыпали чирьи, она поехала в соседнюю деревню (там большой гарнизон стоял) и обратилась к полковому врачу. Сала дала ему. Он осмотрел её, выписал мазь, от которой мать быстро поправилась.

После боёв очень много оружия было разбросано по лесам. Я сам из снарядов капсулы выковыривал и в печку, потом их бросал – интересно было смотреть, как они вспыхивают и сгорают. Подростки из нашей деревни нашли в лесу на месте боёв целый пулемёт с комплектом пулемётных лент. Подтащили его поближе к деревне и открыли стрельбу. Немцы всполошились, думали, что на них партизаны напали. Вооружились и к тому месту, откуда стреляют. Окружили мальчишек и через переводчика предложили им бросить пулемёт и домой уходить. Мальчишки в ответ по немцам начали полосовать. Поубивали некоторых. Немцы их забросали гранатами.

А вообще у немцев на период оккупации такое постановление действовало: за солдата, убитого в части, расположенной в деревне, они убивали 24 человека, за офицера – 100 человек. Но это в других деревнях убивали. У нас никто на жизнь немцев не покушался.

Так жили мы с немцами до осени 1943 года. Они очень стремились овладеть Ленинградом. В связи с этим решили создать вокруг него мёртвую зону. Поэтому начали выселять людей из деревень, расположенных на расстоянии 200 километров от Ленинграда. Наша деревня вошла в эту зону.

В октябре 1943 года нам было объявлено собраться за 24 часа для эвакуации из деревни. На следующие сутки нас согнали в колонну, и повели на станцию Вруда. Кто мог унести,

что с собой, тот то и брал. На станции вещи и людей погрузили в брички и повезли в Эстонию. Ехали дети, взрослые шли пешком. В порту Усть-Нарва наша колонна стояла несколько суток, в ожидании пароходов. Потом нас поместили в трюм какой-то рыболовецкой шхуны.

Приплыли мы в Финляндию, высадили нас на острове Ханка. Держали несколько суток в доме престарелых. Потом перевезли в концлагерь. Здесь к овсянке стали добавлять по кусочку сливочного масла – чтобы мы все быстрее обрели «товарный» вид. Полтора месяца так кормили. Затем в концлагерь приехали покупатели дешёвой рабочей силы. Выстроили всех нас, в зубы заглядывали, ощупывали. Про того, кто понравился, спрашивали, что он умеет делать. И если подходил такой человек хозяину, то он покупал его и увозил с собой. Семьи старались не разъединять.

Нас и ещё одну семью забрал к себе один фермер. Он поселил нас недалеко от места, где жил сам. Мы стали жить на хуторе недалеко от посёлка. На хуторе содержалось 20 коров, за которыми и ухаживали взрослые. Кормили их, пасли и доили. Фермер не вмешивался. Ничего не указывал. Приезжал только за молоком и справлялся о наших нуждах. Молока давал на семью три литра в сутки. Были овощи, мясо. Жили мы нормально. А когда дети хозяина пошли в школу, находившуюся в посёлке, я прокрался туда и сел рядом с сыном хозяина. Мне разрешили посещать школу. Но, как выяснилось на перемене, ученики должны сами о себе заботиться и, если не хотели замёрзнуть, должны были каждый день колоть для школы дрова. На следующий день я уже в школу не пошёл. При матери слоняться было проще и вольнее. Да и мал я ещё был тогда. Всего семь лет исполнилось.

22 декабря в 1944 году советские войска освободили Финляндию. Фермер предлагал обеим семьям купленных работни-

ков оставаться у него. Он им отдавал хутор и всё хозяйство, однако им очень хотелось вернуться домой, и они уехали. Но на родину так и не попали, не пропустили их в те места, где проживали они до войны. Всех сразу же отвезли в Великолужскую область, распределили по деревням на поселение. Прописки не давали – враги народа. Так и жили в спец. поселениях до 1955 года. Лес валили, коров пасли.

Сейчас Борис Андреевич живёт здесь. Выглядит моложаво. Высок, худощав. У него правильные черты лица. Человек этот прост в обхождении, на судьбу не жалуется, хотя много горького и несправедливого довелось ему хлебнуть за век свой. Где только не работал Борис Андреевич: и на прииске в Надыме, и в Новокузнецке, на строительстве алюминиевого завода, шахте «Капитальная». В Берёзовском с 1969 года. Работал проходчиком на шахтах «Бирюлинская» и «Первомайская». Теперь не работает. Пенсионер. Но и прожив основную часть осмысленной жизни своей, он с содроганием вспоминает о военном лихолетье, исковеркавшем всё его детство. «Не дай бог испытать такое же внукам моим! – говорит он – Мирная жизнь так прекрасна! Беречь её надо.»

1993 год.

СТО ЛЕТ ПОД ЗЕМЛЁЙ

По квартире он, опираясь на тросточку, передвигается медленно и осторожно. По-другому не получается: 73 года исполнилось, да и нога покалеченная разболелась. Мужчина видный: выше среднего роста, крепко сбитый, отбеленные сединой волосы обрамляют лицо строгое, но просветлённое взглядом умным и проницательным. Чуть подавшись вперед,

он, улыбаясь, вглядывается в меня и, в ответ на просьбу уделить время мне для беседы с ним, предлагает присесть.

А начал Владимир Минович Шмудевич беседу нашу такими словами: «В моём доме все шахтёры! Других не держим». И это не похвальба: как выяснилось впоследствии, только лично сам он отработал в угольной промышленности, считай, полвека. Родился же Владимир Минович в Красноярске в 1932 году. Отец его, демобилизованный по ранению в 1943 году, возвращается с фронта домой и, как бывший шахтёр (работал до войны на коях Михельсона в Анжерке), получает направление в Сталинск на шахту имени Орджоникидзе. В 1946 году семья их переезжает оттуда в Топки. Шестнадцатилетний Владимир, окончивший девять классов, начал работать в Топках киномехаником. Киноаппаратуру он освоил, ещё учась в шестом классе.

— Обслуживал я девятнадцать сёл Топкинского района, - вспоминает с улыбкой он призабытое время.

— На месяц выделяют одну киноленту – больше не полагалось по инструкции – берёшь аппарат «Кинап-301» весом в 23 килограмма. На телегу грузишь переносную электростанцию (её вес – 110 килограммов) и едешь в село. Моему прибытию люди всегда радовались: на улицу выходили, встречали меня, с удовольствием принимали участие в подготовке к сеансу. Особенно радовались они, если я им привозил фильму не в восьми, а в тринадцати частях. Такие фильмы, например, как «Мечта» и «Жди меня», бывало, меня упрашивали прокручивать повторно по нескольку раз. И я соглашался, ведь им же было интересно.

Билет для взрослого стоил тогда 3 рубля, для ребёнка – рубль. Случалось, что по просьбе местных властей, крутил кино бесплатно, и такие сеансы засчитывались в мой план. А как же! Надо было собрать за месяц до трёхсот рублей. И с этим тогда не шутили.

Вообще-то по сёлам мы ездили только летом. А две зимы я крутил кино в городском кинотеатре «Заря». В Топках. Мне уже тогда присвоили первую категорию.

В 1951 году уже в Кемерово, подрабатывая в кинотеатре «Москва», окончил я в первой школе десятый класс. Меня хотели отправить учиться в Ленинградский институт кинематографии на факультет инженеров-киномехаников, но из-за болезни отца, я остался в Кемерово и поступил в горный институт. Он тогда находился в Рудничном районе, а новые корпуса на левом берегу ещё строились. Нам, студентам, тоже пришлось поучаствовать в строительстве...

За самостоятельность, наверное, выбрали меня членом комитета комсомола, до института-то успел отработать два года. «Понюхал» жизнь, как говорится, а таких ценили. Да и мало тогда нас, студентов, было – 300 человек всего. Это сейчас в КузПИ 28 тысяч учится.

И в физорги факультета выбрали неспроста: мы с другом жили на левом берегу, поэтому каждый день бежали с ним на учёбу на правый берег. А это выходило более десяти километров. И вот на какой-то праздник институт устроил спортивные состязания – забег на десять километров. Я всех опередил. Даже друга. Меня заметили – выбрали в физорги.

После каждого курса у нас была двухмесячная практика. Работали на шахтах и разрезах области и страны. Последнюю практику отбывал я на разрезе «Бачатский». По нему и диплом защищал. Думал, что и направят туда по окончании института. Но послали на шахту «Южная». Эти места давно мне полюбились. В каникулы летом с другом-однокурсником Александром Радзевским ездил бить шишки в барзасскую тайгу. Возьмёшь два килограмма солёного сала, мешок сухарей, крупы, соли и айда до Барзаса, а там по рекам Яя, Золотому Китату – места-то обширные! – бродили весь месяц. Ягоды,

грибы, орехи, рыба – наша еда. Не голодали мы в тайге, и домой привозили орехи мешками. Когда и грибочков с собою прихватишь.

В общем, приехал я по распределению на шахту «Южная». Начал работать в проходческом четвёртом участке горным мастером. В первый же месяц и повстречался со своею любимой. И не где-нибудь, а под землёй, – смеётся Владимир Мирович, обнимая Ирину Лаврентьевну, заглянувшую к нам в комнату.

Она же в ВТБ работала горным мастером. Заглянула в начале смены на мой участок. Видит: трубы вентиляционные не подключены. Их попросту не было в забое. Запретила приступать к работе. А я не знаю, где взять эти трубы. Иди, говорит, и принеси их с кверхшлага. А туда и обратно пройти – более пяти километров будет. И пошёл, куда денешься, смена-то не должна простаивать. Сходил, принёс 20 метров трубы. Наростили воздуховод. Тогда и разрешила приступать к работе. Сильно запомнилась этим. И так как-то у нас получилось, что при каждой новой встрече мы становились всё ближе. Женились на следующий год. Серёжа у нас появился, потом Миша.

— Вы, наверное, не только на работе, и дома Ирине Лаврентьевне подчиняетесь?

— А как же? В воспитании детей и внуков её первое слово. Да и в другом тоже. Только однажды я воспротивился её воле: уж очень она хотела, чтобы я в учёные выбился. В 1959 году приглашали меня в аспирантуру. И как она меня ни ломала, но я устоял, отказался! – не без гордости воскликнул мой собеседник.

Отработал я пару лет на этой шахте, а в 1959 году, в августе, как бы в помощь отстающей по проходке и добыче шахте «Большевик» соседнего района, был переведён туда главным инженером. Жена не хотела, да и я боялся: на «Южной» работал помощником начальника участка, а тут...

Но тогда не спрашивали твоего желания. Ознакомят с

приказом и действуй! Я и действовал. Через полгода положение на шахте изменилось в лучшую сторону. А в апреле В. И. Ткаченко, директор шахты «Южная», меня к себе забрал. Наш участок проходческий укрупнили: надо срочно осваивать большой объём подготовительных работ. На участке стало работать 11 бригад. Бригадирями были Г. Магасумов, В. Франц, С. Корчуганов, П. Пригорницкий и другие.

И вот в конце 1963 года, пробивая скат, мы за шесть дней декабря прошли 196 метров – рекорд области! Корреспондент газеты «Кузбасс» побывал на шахте и опубликовал заметку о наших достижениях, а меня в ней, молодого начальника участка произвёл по ошибке ещё и в молодые коммунисты. Я же только ещё думал вступать в партию. Чтобы исправить возникшее недоумение, меня на первом же заседании парткома, не колеблясь, единодушно приняли в партию без кандидатского стажа. А за рекорд я получил почётную грамоту от треста «Кемеровоуголь».

— А как рекорд ставили?

— Надо было быстрее кончать с этим скатом. Он сдерживал проведение других работ, вот я и дневал и ночевал под землёй все шесть суток. Жена в первую смену еду в термосах приносила. Всё, что надо было по производству, делал со всеми вместе. Словом, ни на минуту от коллектива не отходил.

В 1964 году меня направили в Кемеровское РГТИ инспектором работать. Обслуживал я шахты «имени Волкова», «Липичевскую», разрезы «Кедровский» и «Черниговский». Проверял соблюдение правил техники безопасности. Несчастных случаев было тогда не меньше, чем сейчас. Самого заваливало породой два раза.

В 1975 году меня пригласил к себе В. И. Ткаченко, работавший тогда уже директором новой шахты «Берёзовская». До конца 1980 года я был на этой шахте заместителем директора по производству.

— А помнишь, как ты рвался в Москву, да я не согласилась уезжать отсюда? – вмешивается в разговор Ирина Лаврентьевна.

— Как же, помню! Это ещё раз говорит о том, что я во всём тебя слушаюсь. В 1976 году меня пригласили в Министерство угольной промышленности работать главным горняком. Я, было, дал согласие, но жена отговорила.

19 декабря 1980 года был образован Барзасский разрез. И зарекомендовавший себя инициативным, разносторонним горным инженером, Шмудевич стал директором нового предприятия города Берёзовского. Он так сумел поставить дело, что план 11-й пятилетки коллектив разреза выполнил за четыре года и три месяца.

С 1987 года по 1998 год Шмудевич – начальник инспекции Берёзовского РГТИ. В 1998 году он переходит в Энергонадзор и до ухода на пенсию трудится инспектором.

Если сложить трудовой стаж жены, сыновей и внучат, то цифра эта превысит сто лет. Жена его отработала 25 лет на шахте, сын Сергей – 22 года, сын Михаил – 16 лет. Внучка окончила политехнический институт и уже год работает маркшейдером. Внук Володя – учится в КузГТУ.

Мой собеседник задумывается.

— Вот говорят некоторые о романтике труда под землёй. Какая же это романтика? Это труд. И труд каторжный. И надо, чтобы его ценили, как следует. Ведь он необходим людям. А у нас что происходит? Всю жизнь человек отработает под землёй, всего перенесёт сполна, а взамен получает только болезни и преждевременную, необеспеченную старость. Мне вот сейчас (и это бывшему директору, полвека отработавшему на шахтах) пенсии не хватает!

И тем пенсионерам, что продолжают трудиться, вовсе не романтики шахтёрских огоньков, а той же пенсии не хватает

на прожитие. Силютин, бывший директор шахты «Первомайская», вообще умер в нищете. Многие горняки не могут свести концы с концами в бюджетах своих семей...

Вот вроде бы и вся, вкратце изложенная трудовая биография кавалера «Шахтёрской славы» трёх степеней, ударника пятилеток Владимира Миновича Шмулевича, одного из замечательных людей нашего города. Впрочем, не вся ещё биография: в пору кризиса угольной отрасли, когда надо было спасать город, глава Берёзовского В. С. Шафранский обратился к Шмулевичу с предложением разработать программу перспективного развития угольной промышленности города Берёзовского и Кемеровского района. Именно Шмулевич, всю жизнь занятый разработкой угольных месторождений севера Кузбасса, обладал исчерпывающими сведениями о разведанных месторождениях. Шмулевич был назначен областной администрацией Председателем комитета по координации развития промышленных и строительных организаций Берёзовского.

В декабре 1997 года программа эта была разработана. По составленным на каждое месторождение бизнес-планам выходило, что угли района разрабатывать выгодно. Владимир Минович и возглавил одно из таких предприятий – разрез «Барзасский». Возглавил, как специалист высшей пробы, опытейший горный инженер отрасли и, как никто другой, способный организовать дело.

Программа перспективного развития, над которой работал Владимир Шмулевич, осуществляется. В 2005 году вступили в строй действующих шахты «Романовская» и «Владимирская», начато строительство участка «Южный».

12 августа 2005 года.

СОВРЕМЕННОК НАШИХ ОТЦОВ

Фёдор Иванович Адов второе десятилетие сотрудничает с городской газетой, являясь её внештатным корреспондентом. Нет, нет – да и подкинет злободневную тему, вокруг которой, как крути по воде, подолгу не утихают страсти. Интересная он личность, если судить по его выступлениям в газете. Выступления же эти – всего лишь одна из граней его образа жизни.

Давно газетчики обещали приехать к Адову. У Фёдора Ивановича, как он хвастался однажды нам, очень весёлый домик – своими руками его разукрасил: макеты известных русских церквей и храмов, крепостей изготовил и на столбики-поставцы укрепил и перед окнами выставил. Любопытствуйте люди и радуйтесь. Хотелось нам сфотографировать его чудо-домик и в газете снимок поместить. Ведь есть же деревянная резьба в Мариинске, почему бы и нам не похвалиться своими умельцами?

И ещё есть одно важное занятие у Фёдора Ивановича. Задолго до призывов наших вождей к гражданам претворять в жизнь Продовольственную программу своими руками Адов содержал полный двор живности: коров, свиней, кроликов, кур. И как ему рук хватало управляться с такой оравой удивительно и для многих начинающих обзаводиться хозяйством, небезынтересно.

Живёт Адов неподалеку от шахты «Южная» по улице Лесной, на самой окраине города. Давно поселился здесь, с 1954 года. Тогда ещё, как раз напротив, метрах в ста от его дома, располагался лагерь заключённых. И вокруг на многие километры росла, шумела тайга. Теперь не растёт. Спилили, раскорчевали её, понастроили домов на том месте люди, привлечённые правительством для разработки угольных месторождений.

Фёдор Иванович родился в 1927 году. Пацаном в войну пошёл работать на шахту. Была раньше такая профессия – лампонос. В шахте ведь тогда не применялись аккумулятор-

ные фонарики. Зальют в лампы керосин, разожгут их в ламповой и разносят по участкам. И хотя горящие фитили ламп защищены стеклом, они все-таки часто гасли от постоянного сквозняка и взрывов в забоях. Разжигать их на месте не полагалось, мог взорваться выделяющийся из горных пород метан. Соберёт Фёдор Иванович, тогда ещё Федька, потухшие лампы и тащит их во взрывобезопасную подземную ламповую. Заменил и бежит, спотыкается по тоннелю со светом к шахтёрам.

Расторопным быть надо – ругают, если замешкаешься: шахтёрам план выполнять нужно. Во время войны, да и после, были случаи, когда не выполнившую задание смену не поднимали на поверхность, заставляли работать до тех пор, пока она не выдавала на гора свой уголь. Не шутили.

Трудовая дисциплина была крепкая. При этом не так-то много и платили тогда. По старым расценкам за 35-46 рублей смену работать приходилось. И ничего – трудились. Возникла необходимость что-либо подготовить в лаве – прихватывали от чужой смены ещё пару часиков. Задерживались и считали это в порядке вещей. Тяжело, конечно, было, но понимали, что надо, и делали. На энтузиазме держались, на сознании – воспитали так. Сейчас, сетует Адов, не хотят так работать, бастуют. Может это и правильно, но...

В войну смена длилась 12 часов, сейчас шесть, и то, глядишь, до конца смены ещё час, а шахтёры уже в ходках столпились, ждут подъёмник. И начальство для них не начальство: приказы игнорируют, зачастую ведут работы с нарушением элементарной техники безопасности. Работают, как бог на душу положит. Слабая стала дисциплина. Оттого и число случаев травматизма не уменьшается, а увеличивается. И добыча угля падает. Не от одного этого падает, конечно. Не заинтересован рабочий повышать добычу – мало платят. Правительство подняло планы в два-три раза, а зарплату увеличить забыло. Как тут проживёшь?

— Вы только лампоносом в шахте работали? – интересуясь у Адова.

— Э-э, дружок, лампонос – это вначале. Детская это работа, а я ведь мужичком был. Пообвыкся, пообтёрся когда немного под землёй – коногоном поставили, а потом и лес подтаскивал, и уголь на рештаки сбрасывал. Против женщин, конечно, слабоват был, запыхивался кидать уголь-то. А ближе к восемнадцати годам заставили – боялся, не хотелось – освоить специальность взрывника. Потом уже, в 1952 году, кажется нас, нескольких человек, отправили от шахты на годичные курсы горных мастеров в Кемеровский горный техникум. Окончил – десять лет мастером работал, потом снова для хорошей пенсии на пару лет в рядовые шахтёры подался.

— Расскажите что-нибудь интересное из этого периода.

— Что интересного? Работа, как работа. Аварийные случаи если, так они все, почитай, со смертельным исходом. Об этом и вспоминать не хочется.

Да вот был случай в конце войны. Идём мы к шахте с парнями мимо общежития – туда вселили с Рязанщины мальчишек-подростков, работающих на шахте – стоит один дружок у дверей, в руках письмо держит, читает и плачет. Мы к нему: «Что такое, помер кто?». «Да нет, говорит, вот мамка пишет: у них корова отелилась, молоко теперь пьют, сметану с бульбой лопают. А здесь каждый день этой чёртовой капустой давишься».

Посмеялись мы здорово тогда. Хотя над чем смеялись-то? У всех нечего было есть. Всё на фронт отправляли. Для Победы. Удивляют меня сейчас льготы только для воевавших, ведь и нам не слаще было. Ну да ладно. Бог с ним. Всё равно тогда нам было весело, и паренёк с нами тоже от души посмеялся.

Горным мастером когда работал, придавило женщину. Взрывником она была. Выбрали тогда лаву и надо было её по-

садить. Пробурили шпуры, заложили взрывчатку, соединили заряды, а они не взрываются. Нас-то в укрытие попросили, а эта женщина пошла, проверять, в чём дело. Вернулась в лаву, разбирает схему соединений зарядов. В это время затрещали стойки, обвалилась порода. Спшибло женщину, придавило ей ноги. Мы пытались разобрать завал и выдернуть её, но снова затрещали стойки, обвалился грунт, рухнула кровля, накрыла женщину. Мы едва успели отскочить. Так и погибла на наших глазах. И сколько же их, горемычных шахтёров, под землёй свою смерть приняло, да и сейчас принимает. Не ласковая наша профессия. Но без неё не обойтись людям.

В 1985 году задумали мы в школе №2 создать музей. Хотелось показать нашим детям и внукам, в каких условиях жили люди, работали шахтёры в совсем недалёком прошлом. Я изготавил макет внутреннего устройства шахты. Чтобы наглядно было представить им нашу шахту изнутри. А сейчас вот я собираюсь делать убранство избы, русскую печь, мастерю собор Василия Блаженного. Раскрашу всё это и подарю музею.

Где-то в Барзасе проживает старичок, он умеет, говорят, плести лапти. Хочу разыскать его и заказать.

— Ходить в них?

— А почему бы и нет? – ходили же в них наши предки. Любого спроси сейчас: кто видел настоящие лапти? Вряд ли ответят утвердительно. А ведь это наша история, и если не на ногах, то в музее школы им будет самое место находиться.

Так вот – выделили нам в школе уголок для музея. Разыскали мы экспонаты: орудия труда шахтёров, их одежду, предметы быта. Интересно получилось. Но школа маленькая, а экспонатов натаскали дай боже. Ведь каждый из нас, стариков, хранит у себя в укромном уголочке что-то самое ценное из своего прошлого. А это прошлое для всех соединилось на шахте «Южная». И все понимают, что для создания музея

такими личными ценностями необходимо жертвовать. Помещения для музея стало не хватать, а тут ещё школе понадобилось помещение для вновь образовавшегося класса. Короче, свернули музей в 1987 году. Когда сдадут пристройку к школе, тогда снова музей заработает. Нужен он нашим детишкам.

Много усилий пришлось нам затратить на открытие памятника погибшим героям Отечественной войны 1941-45 годов, призванных из нашего посёлка. Памятник установлен у клуба шахты «Южная». И хотя он неказист и не особенно красив, но родственники погибших и просто жители посёлка благодарны тем, кто участвовал в увековечении памяти павших за правое дело.

— Фёдор Иванович, я слышал, вы ездили в Чехословакию, и чуть было, там не остались.

— В семидесятых годах была такая мода у школьников переписываться с ровесниками других стран. Моя дочка тоже переписывалась с девочкой из Чехословакии. Я ей и говорю однажды: «Что за дело эти письма, вот бы мы съездили к ней да пообщались. В разговорах ты её, а мы родителей узнали бы». Она возьми и напиши такое своей подруге. Приходит следующее письмо, а в нём уже родители девочки уведомляют, что если мы желаем приехать к ним, то они вышлют нам вызов. Мы согласились, и на следующий месяц нам пришёл вызов.

Летом могли поехать только дочь — она училась в медицинском училище — и я. Вот так мы очутились в Чехословакии, в деревне, где жила девочка. Каждый день нашего пребывания там был насыщен до предела. С утра родители девочки планировали, куда отвезти нас, что посмотреть. Мы многое увидели и poznali интересного из жизни другой страны и остались очень довольны своей поездкой.

Потом к нам её родители приезжали. Я постарался не ударить лицом в грязь: тоже свозил несколько раз их в Кемерово,

Белово, Мариинск, порывали в тайге, шишек набили. Похоже, и им радость доставила поездка в Россию.

— Что заставляет вас писать в газету? – вопросом вырываю Адова из цепких объятий нахлынувших воспоминаний.

— Прежде всего, тот факт, что газета для рядового гражданина – это последняя инстанция, куда обращаются за помощью, когда возможности достичь желаемого по конкретным жизненным вопросам исчерпаны. Публикация о противоправных действиях чиновников заставляет их изменить порой свои решения и остерегаться в дальнейшем поступать несообразно здравому смыслу. Выступление в газете подталкивает решение возникающих жизненных проблем. В этом понимании газета – оружие, которое не сбросишь со счетов. И потому, имея большой жизненный опыт, я пытаюсь рассуждать, делюсь своим мнением по всем событиям, происходящим в городе. Собственно, выступая в газете, я выражаю чаяния, если можно так сказать, окружающих меня, соприкасающихся со мной людей. И чем могу, помогаю им. Они очень привыкли к этому. И если назревает какой вопрос, обращаются непосредственно ко мне. Я пишу, встречаюсь с руководителями города, разговариваю с ними...

Искося поглядывая на крепкую фигуру Адова, прикидываю, что одного десятка лет, наверное, будет маловато, чтобы совсем пригнуть его, от дел, от забот и земли отторгнуть. Да и ни к чему это. Пусть на ней здравствует ещё много лет этот, в жизнь влюблённый мужчина.

2 июля 1991 года.

АРБУЗЫ НА БАХЧАХ БЕРЁЗОВСКОГО

Впитавшие в себя жар сибирского солнца, темно-зелёные плоды арбузов, притаившиеся в переплетениях лоз и листьев, привлекали мой взгляд не своими размерами: десять, двадцать сантиметров в диаметре – скорее самим фактом своего существования. У нас – и вдруг арбузы! Это же надо! Я видел арбузы, растущие на бахчах в Казахстане, на Волге, на Украине. В Сибири не видел. Здесь их по логике не должно быть, потому что арбуз – растение теплолюбивое. Для полного созревания ему не хватает солнечных дней нашего короткого лета. И этим арбузам тепла не хватало, а то, что они выросли, созрели и налились сладкой сочностью – заслуга человека, Архипа Андрияновича Богданова.

Он уже стар. Глубокие морщины, словно штрихи грубой маски, прорубили его лицо в разных направлениях. Этому человеку 87 лет. Он, можно сказать, ровесник этого века. Но несмотря на столь преклонный возраст, Архип Андриянович, как мужчина, ещё вполне смотрится: он подвижен, энергичен и задумок у него, связанных хотя бы с выращиванием арбузов, очень много. Лет на двадцать. Хватило бы жизни только.

— Три года назад, – рассказывает Архип Андриянович, – угостил меня сосед, Геннадий Васильев, арбузиком, величинной с большой помидор. Такие арбузы выращивают в Минусинске на открытом грунте. Сосед посадил их у себя для пробы. У нас же солнца летом поменьше будет, чем в Минусинске. Они и выросли такие маленькие. Но сладкие и вкусные получились! Мне очень понравились арбузики эти, и задался я целью увеличить их в размере хотя бы раз в десять. То есть, чтобы вместо одного помидора десять помидоров вмещалось в один арбуз. Опыт обращения с фруктовыми и овощными культурами у меня был: до 1975 года, перед тем, как переехать

на постоянное жительство в Берёзовский, я несколько лет жил на Кубани, имел дом, большую усадьбу.

Весной, ещё в апреле, посадил я дома в ящик с землёй минусинские семена. Оберегал их от холода, раз в неделю подкармливал замешанным на конском навозе раствором. Для здоровой рассады сбил в огороде грядку, подготовил компост: смешал с огородной землёй коровий навоз, добавил шесть вёдер песка. В такой грунт и высадил в конце мая арбузную рассаду. Совсем, как помидоры. А чтобы она не помёрзла – над грядкой установил полутораметровой вышины обручи и натянул поверх них полиэтиленовую плёнку. Арбузы выросли в тот год побольше объёмом, чем у соседа, но всё равно маленькие. Тогда я на следующую весну в одном торце грядки смастерил печку. Раз в сутки я её протапливаю. В солнечные дни арбузы мои стоят открытые. Каждый день поливаю их водой, но стараюсь не переусердствовать: от излишней влаги у них отсыхают хвостики.

От такого с ними обхождения, арбузы уже в прошлом году увеличились в размерах, а вкусовые качества при этом не потеряли. В это лето у меня на грядке растёт 16 арбузов. Среди них есть арбузы весом по два килограмма. Они уже больше прошлогодних, а им ещё две недели надо набирать вес до полного созревания. В общем, – подытоживает Архип Андриянович, чувствую я, что нахожусь на верном пути. В 1999 году собираюсь для арбузов поставить просторную теплицу, создам для них в огороде настоящую бахчу. Установлю в теплице хорошую печку, протяну вдоль стенок дымоход, и арбузы тогда будут получать достаточное количество тепла в любое время суток. Это должно повлиять на скорость созревания. И грунт ещё постараюсь создать для арбузов именно такой, в каком они растут на далёкой родине. Разговаривал как-то с одним овощеводом из Алма-Аты, присоветовал он мне кое-что.

— А если от внедрения ваших новшеств арбузы дадут необыкновенный, в три-пять тонн урожай, то что вы будете с ними делать? Повезёте на базар? — спрашиваю склонившегося над грядкой Богданова. Тот смеётся:

— это возможно, однако в ближайшем будущем на богатый урожай рассчитывать не приходится.

Но даже если и уродятся арбузы, то коммерческой деятельностью Архип Андриянович заниматься не хочет.

— Я их выращиваю не для этого: мне интересно увидеть, что получится из моей затеи. Мне от этих забот с грядкой веселее жить стало. А если же уродится много арбузов, то кто ж им не будет рад? И применение мы им найдём: что на зиму засолим, что людям раздадим для детишек. Ведь что ни говори, а арбуз — овощ для берёзовчан редкая. И каждому в охотку будет откусать его.

Неисповедимы пути и желания человеческие: Архип Андриянович вполне мог бы избрать для своего увлечения не арбуз, а предмет более значительный и изящный. Много путей и возможностей было у Богданова выразить себя по-другому. Но вот он, гвардии лейтенант в отставке, дважды орденоносец и инвалид второй группы, в прошлом он — художник-оформитель, живёт сейчас в Берёзовском и выращивает экзотические для наших краёв овощи. Похоже, его задумка удалась и очень скоро горожане, те, что из практичных, будут выращивать на своих грядках из его семян такие же сочные и сладкие арбузы от двух килограммов и более весом.

А может, именно в этом и было его предназначение и, как ни крути, от судьбы не уйдёшь ...

1997 год.

ВОЕННЫЕ ДОРОГИ

В этом году исполняется 52 года со дня Победы СССР над Германией в Великой Отечественной войне. Эта война оставила большой след в истории нашего государства. Многим людям она исковеркала жизнь. А воспоминания тех воинов, которым, несмотря ни на что, удалось остаться живыми, и сегодня продолжают тревожить наши сердца.

На военной фотографии – Василий Сафонович Черненко позирует у машины вместе с друзьями-однополчанами (стоит в центре). Выглядит он очень даже впечатляюще: увешанная многочисленными наградами грудь, начищенные до зеркального блеска сапоги, торжествующая улыбка на лице. Всё говорит о том, что снимок сделан в конце войны, в году сорок четвёртом, когда ничто уже не могло приостановить освободительное движение советских войск по Европе. Я так и подумал, наткнувшись на эту фотографию, когда перебирал семейный архив Василия Сафоновича.

— Нет, не в Европе мы тогда были, – опровергает моё предположение старый солдат, – это уже в Чаньчуне, в Китае, фотографировались, в 1946 году. Перед демобилизацией решили память оставить себе. Тут у меня где-то и полковник, которого я возил, – очень хороший человек.

Вот ведь как – и в Китай его судьба заносила... Вообще-то он с 1904 года рождения. Девяносто три года ему – мудрый возраст. О войне Василий Сафонович рассказывать не торопится. Ничего привлекательного в прошедшей полвека назад войне народов мира он не видит. От той поры и сейчас ещё в голове его и руках осколки разорвавшейся под ним мины присутствуют.

Черненко украинец. Родился в Винницкой области в селе Дмитренка, в состоятельной семье крестьянина. В тридцатых годах этого состоятельного крестьянина, владельца двух коров

и одной лошади, раскулачили, семью арестовали и собирались выслать из благодатного края. Двадцатишестилетнему Василию ничего не оставалось делать, кроме как бежать в большой город.

— В Донбассе я нашёл работу в карьере – камни тесать, - рассказывает Василий Сафонович.

— А в 1931 году отправился на Дальний Восток. Во Владивостоке в милицию устроился. Работал и вечерами учился на курсах судовых мотористов. В 1932 году их закончил – отправили меня тогда в составе экипажа рыболовецкого судна за Русский остров на промысел. Много рыбы в те годы водилось в Японском море, зарабатывал я хорошие деньги. Но вот плохо было то, что, как выяснилось, оказался я сухопутным человеком. Никак не мог привыкнуть к морской качке, штормов боялся, воды глубокой. Так что едва отработал положенный срок, на руки удостоверение моториста получил, рассчитался, снялся с судна и на материк устремился.

С 1933 по 1938 года мотористом на катере лес плотами сплавливал по Оби. А потом уехал в Красноярский край, на Саяны. В Аскизе устроился шофёром на рудник, баритовую руду возить. Вот она – благодарность, полученная в те годы за мой самоотверженный, как тогда считали, труд. Храню на всякий случай, да и похвалиться не зазорно, это – доказательство, что я всю жизнь трудился на совесть. Ценили меня на руднике, поэтому, когда война началась – на фронт первые три месяца не отпускали. И лишь когда подготовил себе замену, призвали в армию. 21 октября 1941 года я принял присягу.

В армии определили меня в 799-й отдельный автотранспортный батальон. Этот батальон обслуживал войска, удерживающие оборону Ленинграда, а потом, когда город совсем окружили немцы, по льду Ладожского озера – «Дороге жизни» – водители этого батальона на автомобилях доставляли в город всё необходимое для жизни и его обороны. В моём

распоряжении, уже когда на озеро передислоцировались, была летучка – машина с будкой, где верстак находился, тиски и разный слесарный инструмент для ремонта. Артобстрелы, бомбёжка и плохие дороги очень быстро выводили из строя наш подвижной состав. Запчастей для восстановления техники нам никто не давал. Как выходили из положения? Разбирали «безнадёжные» машины и использовали их годные узлы при ремонте других машин, более сохранившихся.

Я больше всего с радиаторами возился: любой пуле или осколку ничего не стоит пробить радиатор, а без охлаждения двигателя на машине далеко не проедешь. Бывало, до 20 радиаторов в сутки перебирал. А для этого нужно полностью их разъединить, извлечь повреждённую часть. Подобрать в другом радиаторе такую же секцию, выпилить, подогнать, склепать их вместе и снова собрать в одно целое с корпусом. Операция сложная, а для её проведения в твоём распоряжении – тиски, пила по металлу, молоток и пара моих рук. Маловато, правда, же? Но обходился и этим, куда ж денешься?

Нехватка автомашин заставляла работать сутками напролёт. От усталости падали. Ещё и на трассу приходилось выезжать, оказывать помощь водителям повреждённых врагами машин, из полынй их вытаскивать, от груза освободить, перекладывать его на исправные машины – «дорога жизни» всегда зимой находилась в движении. А сколько раз немцы пытались уничтожить её! В район Ладожского озера постоянно направлялись армады вражеских бомбардировщиков, ночами сбрасывались парашютисты-десантники. И тогда все мы, способные держать в руках оружие, давали отпор врагу, уничтожали и ловили этих диверсантов. И мне приходилось отбивать атаки немцев: гранаты кидал, из винтовки стрелял.

Случалось мне и в блокадном Ленинграде по улицам бродить. Зима. Город полупустой, громадный, красивый, но

обезображен войной: в небе аэростаты висят, внизу перерыто всё, мешками с землёй позаложено, вдоль домов позёмка крутит, Из сугробов то тут, то там ноги человеческие торчат. Без обуви, с голыми ступнями. Страшно! Только и хватало у людей сил из квартиры покойника вытащить...

За честную, самоотверженную работу на Ладожской дороге Советом Ленинградского фронта В. С. Черненко была объявлена благодарность, за образцовое выполнение боевых задач он был награждён медалями «За боевые заслуги» и «За оборону Ленинграда».

В октябре 1943 года Черненко переводят в 37-й отдельный автополк второго Украинского фронта. Назначают командиром отделения шоферов. Большая ответственность: он организовывал работу вверенного ему отделения и сам выполнял грузоперевозки. Водителям и здесь приходилось прикладывать массу усилий, чтобы поддерживать свои машины в исправном состоянии. В отделении Черненко полуторки давно уже были заменены на более мощные американские машины. Но американцы не торопились снабжать русских необходимыми для эксплуатации этих машин запчастями.

Порой вполне прозаическая работа превращалась в рискованную. Как-то у одного из «студобеккеров» отказало рулевое управление. Списывать машину не хотелось: нужна она была фронту. В нескольких километрах от стоянки автобатальона по подсказке разведчиков обнаружили кладбище немецких машин и среди них – две американские. Поехал Черненко с шоферами своего отделения туда, разыскал «студобеккера», взял ключи и полез под машину.

— Как сейчас помню, – продолжает свой рассказ Василий Сафонович, – под машиной той лежало огромное количество консервных банок. Приблизился я к передку машины и рукой нечаянно задел за проволочку, соединённую со взрывателем

мины. Она и рванула. Очнулся я уже в госпитале – тяжёлое ранение руки. От взрыва много осколков впилося мне в голову и руки. Осколки мелкие, незначительные. Самые крупные врачи удалили, а эти и сейчас во мне сидят. Вот посмотри рентген-снимок: видишь, светлые крапинки у костей? Это и есть мои осколки. Прижились...

Порой беспокоят. Но я смирился: если нельзя освободиться от них – терпеть надо.

Пролежал Черненко в эвакогоспитале три месяца. Подлечили, а после определили в гараж командования.

Ещё до ранения Василий Сафонович участвовал во всех операциях, проводимых фронтом. Он и Харьков освобождал, через Днепр переправлялся, через Дунай – тоже. Был награждён орденом Красной Звезды. За участие в боях по освобождению городов Плоешти, Дебрецен, Бухарест, Солчок, Будапешт ему объявлены благодарности. Есть у него медали «За взятие Вены», «За взятие Будапешта», «За победу над Германией».

В Китай же Василий Сафонович попал в декабре 1945 года. По окончании войны на Западе направили его в Чаньчунь, в распоряжение гвардии генерал-лейтенанта Зыкова. Уже оттуда в октябре 1946 года и демобилизовался он.

До пенсии жил и работал в Анжеро-Судженске. Благодарностями за самоотверженный труд вся трудовая книжка его исписана. С 1975 года живёт он в Берёзовском. С 1975 по 1985 год работал на шахте «Бирюлинская». Получил медаль «Ветеран труда».

Он – живой свидетель столетней истории нашей с вами страны. Вернее – он участник этой истории, он делал её своими руками. Таких, как он, не так и много в Берёзовском, но они есть и мы гордимся тем, что живём рядом с ними.

Апрель 1997 года.

ОДИН ИЗ ПЕРВЫХ

История каждого отдельно взятого человека неразрывно связана со временем, на которое выпадает счастье ему родиться. Сегодня наш рассказ об одном из них, счастливчике, принимавшем в зарождении нашего города самое непосредственное участие.

В 1957 году города Берёзовского ещё не было на картах России. Была шахта «Южная» – она действовала ещё с войны, достраивалась шахта «Берёзовская», намечалось строительство «Бирюлинской-1». На месте города, теперь растянувшегося на десятки километров, особнячком, скрытые тогда друг от друга непроходимой тайгой, стояли только два рабочих посёлка при шахтах «Южная» и «Берёзовская». Но угольное месторождение в районе будущего города считалось перспективным, и его торопились освоить. Обкомом ВЛКСМ шахта «Бирюлинская-1» была объявлена комсомольско-молодёжной стройкой, на которую съезжались юноши и девушки со всех концов страны. Для них в 1957 году в десяти километрах от шахты «Берёзовская» и двух – от будущего стройобъекта, началось строительство жилого посёлка Октябрьский.

— Судьба у меня для этого героического времени рядовая, – рассказывает о себе один из первых строителей посёлка Октябрьский Михаил Васильевич Малыгин.

— Родился я в деревушке Фрольцово Ярославской области в 1931 году. После смерти матери отец перевёз семью в Ленинград. Мне тогда было пять лет. В 1940 году за трату отца посадили, а меня определили в детдом. До армии работал в «Мостострое» Ленинграда. В армии служил во флоте: Черноморском, Балтийском, Северном, и на Тихоокеанском. Служил радистом – старшиной первой статьи. Во-

круг света не плавал, но по северно-морскому пути пройти довелось.

После демобилизации в 1956 году вернулся в Ленинград. Но устроиться с жильём не удалось. Махнул на Алтай к брату. Он там целину поднимал. Кузбасс был рядом, строился, в газетах о нём писали. Мы с братом молодые тогда были. Специальности наши больше к Кузбассу подходили – сорвались с места и подались в Сталинск. А оттуда нас и направили в Берёзовский на строительство посёлка Октябрьский.

— Так и живу в Берёзовском с 21 ноября 1957 года, почти 39 лет. Посёлок Октябрьский построил и здесь обосновался – продолжает рассказ Михаил Васильевич в своей темноватой, неухоженной двухкомнатной квартирке на первом этаже дома по улице Мира.

Вся мебель в комнате – старенький потёртый диван, да столы, с разложенными на них радио хламом и корпусами старых, обшарпанных радиоприёмников. Радист же он, хотя и бывший. Любимое это занятие для него было – копать с конденсаторами, сопротивлениями, лампами – собирать схемы, оживлять отслужившие свой век радиоприёмники. Он и телевизоры чёрно-белые ремонтировал одно время, за цветные телевизоры не брался. Сейчас не стало силы и ловкости в руках, дрожат они, паяльник не удерживают, да и видеть стал Михаил Васильевич плохо – вот и перестал подходить к приёмникам. Так, если глянет на них когда, освежит память свою. А выбрасывать, вроде и не нужное ему теперь в хозяйстве, жалко. Для него это ценности. Ценностями этими забита доверху и кладовка. Превратил всю квартиру в радиомастерскую. Собственно, прежде в ней располагался радиоузел. При нём и жил Михаил Васильевич. Потом уже радиоузел переместили в общежитие шахты «Бирюлинская», а квартиру отдали полностью ему.

Не одно радио было у Малыгина на уме в свободное от работы время – занимался ещё он и фотографией. Порыться если в его архивчике, то много интересного можно извлечь на свет из истории нашего города. Вот снимок карапузов, улетающих перловку за маленькими столиками в детсаду, который был когда-то в посёлке Октябрьский в бараке, стоявшем на месте здания нынешнего отдела внутренних дел. А вот кружится в вальсе с учительницей первая выпускница школы рабочей молодёжи. Кем она стала – мы не знаем, но, может быть, живёт и сейчас она в нашем городе.

А чем не историчен групповой снимок первых комсомольцев посёлка Октябрьский, организовавших воскресник для создания у себя в посёлке кинотеатра «Труд»? Это они после основной работы рыли траншеи, бетонировали фундамент и возводили стены кинотеатра, в котором и сейчас мы с удовольствием смотрим кинофильмы, того же «Чапаева», допустим. А вот мы видим снимок улицы Мира. Там, где сейчас расположены корпуса колбасной фабрики, дремлет на снимке ещё не тронутая топором тайга. На переднем плане этого снимка строители бетонируют фундамент под здание бойлерной, которая четвёртые десяток лет снабжает посёлок и город теплом.

Есть и личного характера у него снимки, такой, например: присевший на камень у сопки Любви серьёзный морячок Малыгин, запечатлевший себя в живописные окрестности Авачинской бухты на Камчатке.

— Как мы жили тогда рассказывать долго, – вспоминает Михаил Васильевич.

— Строил посёлок коллектив Фёдоровского участка Берёзовского шахтостроительного управления. Начальник участка – Филипп Петрович Гардаполов. Ещё до нас завезли из Кемерово железобетон и соскладировали его на Нижнем

Барзасе. Оттуда мы перевозили его на машинах и тракторах в посёлок и монтировали по месту.

В посёлке тогда было всего четыре домика. Строительная база отсутствовала. Я лично каменщиком не работал раньше, да и многие из нас, молодых, не имели никакой строительной специальности, но создали свою комсомольско-молодёжную бригаду. Меня выбрали комсоргом участка и бригадиром этой бригады. Поручили строить нам важный объект – бетоннорастворный узел и котельную с бойлерной. Подъездных путей не было – зима. Тайга обеспечивала только дровами. Нужны были кирпич, гвозди, камень, лес, керосин, кровати, табак, хлеб. С этим у нас всегда нехватка была. Шурап разольётся – все мосты поспшибает весной, а то зимой завалит дома снегом по самые крыши. А строить надо. И строили! Трудно было, не то слово – очень трудно! Но почему-то большинство объектов ухитрялись сдавать досрочно. Вот как работали. И развлекаться умели, не задумывались, чтобы со скуки что-то плохое сотворить.

Работая на растворном узле, я травмировался. Сделали операцию, после которой тяжёлый физический труд был мне противопоказан. Стал работать радистом в радиоузле посёлка. Пригодилась флотская специальность. Важная и ответственная была работа, но слишком уж мало платили за неё. И хотя я жил один (в 1958 году не удачно женился и быстро развёлся), денег мне не хватало. Поэтому в 1967 году я перешёл в трест «Шахтострой» слесарем на строящуюся шахту «Первомайская». Потом доработал подземный стаж на шахте «Бирюлинская». Перед пенсией два с половиной года работал в РСУ. С 1981 года сижу дома.

— У вас нет детей, вы так и не попытались создать вновь семью?

— Нет никого. Со второй семьёй не получилось сразу, а потом уж привык к одиночеству. Скучать за работой некогда

было. А в отпуск я всё время то к сестре в Ленинград ездил, то к брату на Волгу. Теперь никуда не езжу – не на что. Пенсию за июнь ещё не получил, живу в долг. Знакомых то много – перебиваюсь с их помощью. А вообще трудно жить стало, ослаб. Когда хватает сил сходить в магазин, а когда и так лежишь

— То есть голодаете? Вам бы нужно встать на учёт в социальную службу города. Ведь эта служба как раз и занимается обслуживанием одиноких пенсионеров. Может, они вами организуют ремонт квартиры – туда обратиться надо.

— В 1993 году от этой службы я месяц питался в столовой №3. И всё. Больше я туда не обращался. Не ходок я по таким инстанциям. Попрошайничать не люблю. У них старушки в почёте, а я мужчина. Уж как-нибудь сам проживу. Ещё пять лет в состоянии буду себя обслужить. А там видно будет...

Вот ведь как рассуждает! Бравый старикан! У самого руки трясутся, с усилием каждый шаг даётся, а ещё хорохорится! Это, может быть, и хорошо, что считает ниже своего достоинства обращаться за помощью к государству. Пенсию, мол заработанную всей жизнью, платили бы вовремя и то ладно.

Но надо подходить реально к тому факту, что Михаил Васильевич Малыгин – совсем одинокий человек. И в какой-то момент не сможет он подняться с кровати. И постучать даже соседу в стенку не сможет. Нужен присмотр за этим человеком, нужна ему наша помощь. Ненавязчивая, эпизодическая хотя бы. Немного человечности нужно проявить к его личности! Ведь он – живой сколок истории не только нашего города, но и всей страны. Нельзя ли побережнее быть с такими, как он? Заслужил внимание Михаил Васильевич, заслужил! Когда надо было, он в составе эскадры особого назначения пробивался к Владивостоку сквозь льды Северного Ледовитого океана. Когда надо было, он, преодолевая неизбежные трудности жизни первопроходцев, строил наш город. Не сетова

для него историей маленькую роль, жил и трудился на благо Родины. Работал беззаветно, самоотверженно, не считался ни с чем. А сейчас он вроде, как и не нужен никому стал.

6 октября 1996 года.

А ВЫ ПОМНИТЕ ЛЕОНИДА СТЕПАНОВИЧА РЕЗВЫХ?

Каждый житель нашего города должен знать земляка-героя Великой Отечественной войны Леонида Степановича Резвых. Громко сказано? – Нет. Он, единственный в нашем городе, кто получил высшую награду страны за подвиг, совершённый во время этой войны.

Леонид Степанович родился 24 июня 1920 года в деревне Хабызы Кировской области. В октябре 1940 года был призван в РККА. Советская армия перед войной коренным образом переоснащалась, поэтому испытывала потребность в кадрах различных специальностей. С ноября 1940 по июль 1941 года Л. С. Резвых обучался в полковой школе отдельного 27-го инженерного полка. С декабря 1941 года он уже участвует в боях под Москвой на первом Белорусском фронте в 537 отдельном минно-сапёрном батальоне.

На встрече Героев Советского Союза со своими боевыми товарищами в марте 1945 года Леонид Степанович вспоминает о своём ратном труде: «Немцы тогда старались прорваться к Москве. Наше подразделение получило приказ задержать вражеские танки. Вышли мы ставить мины. Засвистит снаряд, рванёт мина даже в ста шагах, – ложусь на землю. Страшно. А потом привык. Поначалу дело с установкой мин шло медленно. Через некоторое время освоился и

уже, не кланяясь каждому снаряду, тщательно устанавливал ловушки для вражеских танков. И как-то сноровка пришла. Больше 8 тысяч мин установили мы тогда на подступах к Москве. И какое же удовлетворение испытывал я, когда немецкие танки, попав на наше минное поле, стали подрываться один за другим. Здесь, на Наре, и получил я свою первую награду – медаль «За отвагу».

Наград же боевых у него за войну (а закончил он её в Берлине) было много. За отличные боевые действия Леонид Степанович Резвых от командования получил 9 благодарностей, а также был награждён орденом Боевого Красного Знамени, орденом Отечественной войны второй степени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией». А в феврале 1945 года за сопровождение танкового батальона через минные поля немецкой обороны, и за пройденный боевой путь от Подмосковья до Берлина, Л. С. Резвых присвоено было звание Героя Советского Союза с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

«Но, думается мне, – говорил Резвых – что настоящим сапёром стал я в боях 1943 года. Немцы отступали, и, чтобы задержать Красную армию, у каждого населённого пункта, на каждой дороге строили они инженерные сооружения, рыли противотанковые рвы, натягивали проволоку в несколько рядов, густо закладывали мины. Много тогда пришлось поработать сапёрам. И не только в преодолении этих сооружений и разминировании минных полей. Когда перед наступающими советскими войсками непреодолимой, казалось бы, преградой вставали широкие реки, первыми в гущу льдин с тросом, привязанным к поясу, и доской в руке устремлялись к весенней воде сапёры. Под обстрелом противника они наводили переправы, по которым безудержным

потоком шли наши бойцы, настигали и били врага, не давая ему передышки. Когда же не было времени разминировать всё минное поле, сапёры садились на головную машину впереди танковой колонны и ехали по минному полю. При возникновении подозрительной ситуации они останавливали колонну и с миноискателем шли впереди, очищая для своих товарищей дорогу».

Сапёры (и, конечно же, А. С. Резвых) обеспечивали стремительное продвижение наших войск через оккупированные фашистами страны вглубь Германии. И в возведении последнего моста на пути в Берлин тоже принимал участие герой нашего города.

С капитуляцией Германии не закончилась служба Леонида Степановича. Сапёрная часть, где он служил, была передислоцирована в город Ельня Смоленской области. Во время войны здесь проходили ожесточённые бои, и чтобы жители Смоленщины могли безопасно трудиться на своей земле, необходимо было очистить её от неразорвавшихся снарядов, помочь в возведении разрушенных мостов. Пришлось А. С. Резвых восстанавливать и Смоленск.

В Ельне он познакомился со своей будущей женой Екатериной Яковлевной, которая во время оккупации Смоленской области жила с родителями в разрушенной до основания родной деревне Пронино. Её отец из соседнего села перевёз на свою усадьбу амбарчик, установил его, и в нём они и прожили два года в фашистской неволе до прихода советских войск.

Встретилась Екатерина с Леонидом в 1946 году перед демобилизацией его из армии. Всего трёх дней хватило парню для того, чтобы уговорить девушку выйти за него замуж.

В 1946 году судьба забросила семью Резвых в Сибирь, в наши места. Леонид Степанович сразу же устроился работать

на шахту «Южная», трудился сначала проходчиком, потом, после окончания курсов, горным мастером. На людях он был скромный, в семье вспыльчивый: давала знать о себе война. Хотя он всю войну прошёл без ранений, однажды и его зацепило: от взорвавшегося рядом снаряда был контужен. Когда волновался, да и часто в обычном состоянии у него тряслись руки, и он не мог ничего поделывать с ними.

«Когда мы жили на Нижнем Барзасе у родственников, – вспоминает Екатерина Яковлевна, – Леонид любил мастерить. Умел обращаться с деревом. Он сделал себе станочек, на котором вытачивал ножки для столов, украшения для изготавливаемой им мебели. Тогда же в магазинах её не было. Он всю мебель в доме сделал своими руками. Потом и на продажу делал. Особым спросом у людей пользовались его табуретки. На работе его уважали. С ним считались».

«Легко работалось с ним. Умел понять человека, правильно рассудить, решить любой вопрос», – так отзывались о нём товарищи по работе. Умер Леонид Степанович Резвых в 1959 году скоропостижно: сердце подвело. На руках вдовы осталось трое маленьких детей, старшей дочери было всего 11 лет. Замуж Екатерина Яковлевна больше не выходила. С помощью государства она смогла вырастить и воспитать своих детей. Все они получили образование, работают и живут своими семьями. Одна дочь – под Новосибирском, другая – в нашем городе в соседнем доме, а сын с семьёй живёт у матери. Благо, позволяет просторная квартира, которую она получила после смерти мужа. Для старой женщины это хорошо: вроде как одной семьёй живёт она со своими детьми, и её не пугает будущее.

В честь Героя Советского Союза Л. С. Резвых названа одна из улиц нашего города. Пионерский отряд школы №2 носил его имя. В Берёзовском до 1986 года проводился турнир по вольной борьбе на приз Л. С. Резвых. На этот турнир приезжали

спортсмены из 20 регионов страны (бывшего СССР). На приз А С Резвых ежегодно до 1976 года проводился забег на длинную дистанцию от микрорайона до шахты «Южная». Городскими властями было санкционировано перенесение могилы Героя со старого кладбища в посёлке шахты «Южная» на новое кладбище с установкой памятника в целях воспитания патриотических чувств у подрастающего поколения...

Всё это было, кажется совсем недавно, но словно бы кануло в лету. У прежних властей так и не дошли руки оформить полностью могилу героя – так и стоит она, окружённая цепями, без подобающего надгробья. Не поддержанные финансами инициативы спортсменов погасли сами собой. Не слышно теперь о том, что в нашем городе когда-то жил Герой Советского Союза Леонид Степанович Резвых. Сохранилось только название улицы, но и то не каждый знает, где она находится.

А ведь это наша с вами история. Нельзя с нею так обращаться. Почему в том же Прокопьевске учреждены именно сейчас соревнования на призы трёх проживавших там Героев, разве у нас нельзя сделать то же самое? Да и не сделать, а восстановить ушедшее в забвение время действия этих соревнований в нашем городе? Ведь участники этих соревнований живут в Берёзовском, они помнят их проведение. Марафон, борьба, лыжи, туризм, да хотя бы отстрел медведей – мало ли какой вид спорта в городе можно подтолкнуть, активизировать, учредив приз Героя. И, без сомнения, снова к нам придут спортсмены из разных уголков России. И каждый горожанин, даже и тот, который не любит посещать краеведческие музеи, будет знать Леонида Степановича Резвых, а его заслуги перед Родиной останутся в народной памяти, укрепившись кубками побед организованных нами соревнований.

25 апреля 1995 года.

НАШ САФИУЛИН – ЧЕМПИОН МИРА!

Гиревой спорт доступен всем. Даже я могу им заниматься. Раньше культивировавшийся преимущественно на селе, он вскоре завоевал широкую популярность в большинстве регионов России, был включён даже в спортивную классификацию военно-прикладных видов спорта, распространился в союзных республиках, где вслед за Россией объявлен был национальным видом спорта. Официально самостоятельным видом гиревой спорт утверждён был в 1962 году, а в 1978 году по этому виду спорта был проведён первый чемпионат России. В 1985 году гиревой спорт выходит на всесоюзную арену – в Липецке проходит первый чемпионат СССР. В конце 1992 года в городе Талсы (Латвия) был успешно проведён чемпионат Европы. В том же году в Бресте состоялась учредительная конференция по созданию Международной федерации гиревого спорта. И вот 21 ноября 1993 года в Липецке прошёл первый чемпионат мира по этому виду спорта.

Чемпионат этот явился как бы ступенькой к включению гиревого спорта в программу летних Олимпийских Игр. И вполне вероятно, мы увидим русских гиревиков на предстоящей Олимпиаде...

На чемпионат мира съехались сборные команды Украины, Латвии, Казахстана, Татарстана, Белоруссии и России. Из стран дальнего зарубежья были только зрители: у спортсменов этих стран в гиревом спорте несколько иные правила, нежели утверждённые Международной федерацией. Но и шести команд теперь уже разных стран вполне было достаточно для проведения первого чемпионата мира.

В чемпионате мира по гиревому спорту принял участие и наш земляк Фёдор Сафиулин. Вот что он рассказывает об этом международном событии:

— Конец 1993 года для меня оказался сверх меры загруженным: в октябре – первенство России, в ноябре – чемпионат мира. Если бы не совпало по времени с отпуском. Наверное, не осилил бы. Физически. О финансах и говорить нечего. Хорошо, директор шахты «Берёзовская» П. Н. Васютинский помог – для этих целей от шахты мне выделили 300 тысяч рублей. Кроме того, от городской администрации я получил 100 тысяч премии за второе место в чемпионате России. С этим капиталом и поехал в Липецк.

А вот другому очень перспективному гиревик-березовчанину Александру Сердюченко не удалось выхлопотать на этот чемпионат денег. Поэтому он не смог принять участие в чемпионате мира. Жаль, конечно: сильный спортсмен и вполне бы мог показать там хорошие результаты.

— Почему же не выступали на чемпионате мира спортсмены дальнего зарубежья, чем же их правила отличаются от общепринятых?

— У них в Канаде уже проходил турнир, где они использовали только 24-килограммовые гири. А у нас – двухпудовки. Вся и разница. Им ещё надо осваивать этот вес. Так что сюда они вынуждены были приехать в качестве зрителей.

Параллельно с чемпионатом в Липецке проходил фестиваль гиревого спорта. В первый день состоялись показательные выступления и соревнования спортсменов среднего и наилегчайшего веса. Второй день был отведён среднему, полутяжёлому и тяжёлому весу. Чемпионат проходил в спорткомплексе «Юбилейный», обширные, вместительные помещения которого прекрасно приспособлены и оборудованы для проведения таких широкомасштабных соревнований. Выступления спортсменов стран-участниц проводились одновременно на шести помостах. Проходивший ранее чемпионат России был платным зрелищем, но и тогда на нём присутство-

вало очень много болельщиков. Здесь же, на чемпионате мира, вход был свободный, поэтому и народу было на нём очень много, как говорится, негде яблоку упасть. Это, конечно же, нас, спортсменов, хотя и отвлекало, но и очень воодушевляло. Липовчане своих гиревиков любят. Моральная поддержка землякам с их стороны была ощутима.

Подошла моя очередь – вышел на помост и приступил к выполнению упражнений. В толчке я сделал 131 подъём, столько же было у Фаниза Салахиева и Игоря Притупова, чемпиона России в 1993 году. Но мой вес оказался меньше, значит, я в этом упражнении занял в своей весовой категории (полутяжёлый вес) первое место. В следующем упражнении, поднятии гири в рывке, я одной рукой вырвал 85 раз, второй – 77. Результат мне засчитали в этом упражнении по наименьшим показателям. Поэтому-то я и получил на чемпионате мира только бронзу в сумме двоеборья.

— Ты с таким сожалением констатируешь этот факт, что возникает мысль: наверняка рассчитывал на более высокий результат?

— Конечно. Ведь на чемпионате России я выиграл у Салахиева. Он тогда толкнул 126 раз, а я – 136. Салахиев на том чемпионате занял четвёртое место. А на этом победил, рванув каждой рукой гирю по 88 раз. Александр же Ильин на чемпионате России занял третье место, а здесь – второе. Так что у меня были основания желать большего. Сейчас, анализируя свои действия на прошедшем чемпионате мира, я вижу и другие резервы для более успешных выступлений. К примеру, многие спортсмены приехали в Липецк в сопровождении тренеров, массажистов и даже врачей. Которые делали всё, чтобы претенденты на мировое первенство выступили как можно лучше. И это, конечно, не преминуло сказаться на результатах выступающих. Мне же, одиночке, провинциалу, приходилось

во всё и везде вникать самому. А ведь тренер, врач и массажист – это великое дело. У меня после толчка забились мышцы ног. Это очень затрудняет движение. Выручил массажист вологодской команды, помассировал мою ногу. Отошло. Мышцы восстановились. Хорошо ещё, что попался я на глаза человеку отзывчивому, а если бы нет? Вот был бы со мною массажист, то он бы и подготовил меня к выступлению, и снял стрессовые нагрузки потом. (Добавлю от себя, что и тренер не помешал бы: своим присутствием он оказал бы большую поддержку спортсмену и взял бы на себя обеспечение всех организационных моментов).

И ещё, я, – единственный, не фиктивный рабочий среди выступавших на чемпионате гиревиков оказался. Все спортсмены – давно профессионалы, официально числятся в армии или на предприятии, но спортом занимаются на профессиональной основе. У них гораздо больше времени было, чем у меня, заниматься подготовкой к чемпионату мира.

По национальности Сафиулин – татарин. Официально (в документах так пишется) его звать Фаадом, отчество у него Хайбрахманович. Трудно произносимое для русского человека, а живёт то он среди русских, так что имя Федя для нас звучнее. Так и привыкли звать его окружающие.

Родился Сафиулин в 1952 году в Вятке Кировской области. В Берёзовский приехал к родне после службы в армии уже в 1975 году. Понравилось. Остался здесь. Женат. Дочь учится в университете. Сын – школьник. Ему 11 лет, но он освоил с отцовской помощью подходы к гире и все упражнения с нею. Пудовую гирю поднимает почти как пёрышко, в состоянии толкнуть и 24-килограммовую. Он не равнодушен к увлечению родителя и сдаётся мне, что тот вылепит что-то стоящее из своего отпрыска. Вполне вероятно – ещё одного чемпиона, взамен себя как бы.

До 1979 года Фёдор работал горнорабочим очистного забоя, затем освоил профессию проходчика. Работу любит, как и свои гири. Трудится добросовестно. В 1982 году был награждён знаком «Шахтёрская слава» третьей степени, в 1985 – второй степени, в 1989 – первой. Теперь он полный кавалер знака «Шахтёрской славы».

Спортивные и трудовые успехи порой трудно совместить, а вот у него получается. Двужильный, значит. Особенный человек. Беречь таких надо. Вдумайтесь, горожане, ведь это он, наш земляк, представлял на чемпионате мира Россию, Кузбасс, Берёзовский! Среднего роста, остроскулый, ничем, казалось бы, особо не отличающийся от рядовых тружеников, живёт рядом с нами, спускается каждую смену под землю. Шахтёр как шахтёр. Но далеко не каждому человеку известно, что этот обыкновенный Сафиулин – чемпион Кузбасса, Сибири и Дальнего Востока, чемпион России, СССР и вот совсем недавно стал первым на чемпионате мира в толчке и бронзовым призёром в двоеборье. А знаете ли вы, что наш Фёдор Сафиулин установил три мировых рекорда? И один рекорд, когда он в 1990 году на чемпионате СССР в Улан-Удэ 144 раза толкнул две гири по 32 килограмма за 10 минут, до сих пор не побит! Никем в мире! В Липецке по итогам чемпионата мира Ф. Сафиулину было присвоено звание мастера международного класса.

Фёдор, скажи, почему тебя потянуло именно к гирям, а не к штанге, допустим?

— Гири доступнее. Я с детства к спорту равнодушен. У меня брат мастер спорта по боксу. Сам я увлекался долго самбо и татаро-башкирской национальной борьбой «Кураш». В 1985 году смотрели мы с другом Игорем Шабановым по телевизору чемпионат СССР по гиревому спорту – понравилось. Тогда и начали вдвоём создавать гиревую секцию. Городские

власти поддерживали, шахта «Берёзовская» помогла в приобретении спортивного инвентаря. Выделили нам в ДК шахтёров зал. Стали тренироваться. Свою методику разработали. Команда подобралась мощная, ребята серьёзные, все в основном работники шахты «Берёзовская». Это И. Шабанов, В. Черноплат, Х. Фаттахов, М. Пасталаки, а также А. Сердюченко («Раша Коул»), С. Новиков (ВГСЧ). В этом составе три года подряд наша команда выигрывала чемпионат Кузбасса. Дальше – больше. Самые результативных спортсменов из нашей команды стали приглашать для участия в региональных соревнованиях, затем начали ездить на чемпионаты России и СССР. В общем, получается, что лично я восемь лет уже занимаюсь гирями.

— Не тяжело после работы-то?

— Тяжеловато. Но привык уже. Это просто как хобби. Да и не хочется свободное время даром терять. Кто-то занимается рыбалкой, кто-то охотой, а у меня – гирями.

— Молодёжь имеет доступ в вашу секцию?

— Конечно. Мы не отказываем никому. Зал в ДК рассчитан на 12 человек, на занятиях же обычно присутствует не меньше 20 человек. Пять лет назад мы подготовили юношескую команду из парней СПТРУ-4. Они ездили в Ухту на чемпионат СССР, проводимый обществом «Трудовые резервы», где заняли все призовые места. Сейчас я снова буду вести в этом училище группу гиревиков. Ребята подобрались хорошие. Занимались и до меня. Хочу помочь им поставить технику толчка и рывка.

Ты говоришь, что на соревнованиях выступали одни профессионалы, а вот если бы тебе предложили заниматься чисто спортивной деятельностью, скажем, тренировать подростков и выступать на соревнованиях, то ты бы согласился уйти с шахты?

— Почему же нет? Конечно бы, согласился. Возраст — одно. Да и я ведь за эти годы освоил все тонкости гиревого спорта, являюсь тренером, Но только нереально это. Кто же мне будет за такую работу платить деньги, на которые я бы мог безбедно прожить? Дочь поступила в университет. Учёба в нём платная. Сын подрастает. Возможно, тоже учиться куда-то пойдёт. Расходы предстоят большие. Без шахты, как ни крути, сейчас мне не обойтись.

Действительно, ему не обойтись сейчас без шахты. А там, не успеешь оглянуться, и старость нагрянет, ведь не за горами же она у него. Фёдор — скромный мужик, не рвач и не любитель громкой славы. Просить и добиваться каких-то особых благ не будет. Нет шикарной формы — подумаешь, не беда, и в трико выступит. Для него главное не это, для него главное — показать, на что ты способен. Победить! Стать первым! Ведь все же спортсмены мечтают об этом. Но вот рассказывал он о чемпионате мира и упомянул вскользь о полной адидасовской экипировке команд из Казахстана и Татарстана, и у меня в душе вспыхнула досада: эх, ну что же мы не поднимем его на должный уровень?! Наш земляк на чемпионате мира показал один из наилучших результатов. И просто из-за каких-то организационных неувязок не стал абсолютным чемпионом мира! А был бы рядом кто-то — массажист, тот же Сердюченко (кстати, он тоже бы мог отличиться на этом чемпионате) или тренер какой — глядишь, и оплошности обошли бы стороной Сафиулина. Да и не в этом дело. И так ясно, что Сафиулин — один из сильнейших гиревиков на планете. И он чувствует в себе достаточно сил, чтобы претендовать на звание абсолютного чемпиона мира. Пока ещё чувствует. Почему бы не дать ему возможность проявить себя полностью сегодня, сейчас? Нам что, от этого будет хуже?

Достижениями своих спортсменов гордится любая страна. На Фёдора Сафиулина можно надеяться. Это не начинающий, не рядовой спортсмен, не «тёмная лошадка». Это уже закалённый в горниле побед и поражений состоявшийся спортсмен. Он – обладатель трёх мировых рекордов, он – единственный в городе, выполнивший норматив мастера спорта международного класса! Он может ещё долгое время прославлять имя нашего города, края, страны. За рубежом из таких людей национальных героев делают, именно делают, в хорошем смысле этого слова, то есть помогают, поддерживают как морально. Так и материально. И разве это не здорово будет, если на Олимпийских Играх над стадионом возникнет в рекламном ролике наш город с его шахтами и разрезами, добывающими коксующийся уголь? И только потому возникнет, что победителем Игр станет Сафиулин, Фаат, родиной которого является город Берёзовский?

1993 год.

НОЧЁВКА ПОД ЁЛОЧКОЙ

Ну, кто знал, что может случиться такое? В четверг, 3 марта, учитель физкультуры школы №15 Любовь Ивановна Колесникова днём для проведения практических занятий раздала ученикам шестого класса лыжи и отправилась с ними на лыжную базу. Обычно оттуда по хорошо наезженной лыжне ходили ученики в тайгу, с удовольствием осваивая этот доступный для большинства из нас вид зимнего спорта. Андрей Литвиненко, в прошлом году освобождённый по состоянию здоровья от занятий по физической подготовке, и в этом году уроки физкультуры систематически пропускал.

3 марта на урок он опоздал. Но одноклассники после окончания занятий видели его без лыж на лыжной базе. Заметила его и Колесникова, но, подумав, что он, добравшись на лыжную базу со стороны города, таким же путём и вернётся в школу, не обратила на него внимания.

Мальчишка же, выждав немного, отправился вслед за лыжниками-одноклассниками, которые возвращались в школу по лыжне в объезд города. На базе Литвиненко был в этом году всего один раз, лыжню знал плохо. Побежал по ней вдогонку за учениками и на развилке, где от основной трассы уходила в сторону реки Барзас хорошо утрамбованная лыжня, не сориентировался и двинулся по ней.

В течение дня никто из преподавателей в школе не задумался о причинах отсутствия мальчишки. Лишь когда он не пришёл домой, родители подняли тревогу и стали звонить в школу, больницу, милицию. Из расспросов школьников выяснилось, что его в последний раз видели на лыжной базе. С вечера отец Андрея и учителя школы №15 начали искать мальчика. Попробовали пройти с фонариком по трассе, но проводить поиски в тайге ночью было бессмысленно. А. И. Колесникова попросила организовать поиски пропавшего ученика в тайге и милицию. Однако исправного снегохода позаимствовать ни у кого не удалось, ходить же ночью по тайге на лыжах и искать заблудившегося Андрея (а, возможно, сидевшего в это время у кого-нибудь из друзей) милиция отказалась. Отказался проводить бессмысленные ночные поиски в тайге и В. Н. Гирсов, председатель горспорткомитета. Всеми было решено обследовать тайгу утром.

С утра искать мальчика пошли учащиеся СПТУ-18 со своим руководителем Пестеревым и преподаватель детского клуба физической подготовки Мелентьев со своими ребятами. Гирсов около 8 часов проехал по всей трассе и не нашёл следов ухода с неё в сторону.

— Да я тогда и не знал, собственно, что мальчишка ушёл в тайгу без лыж, – говорит Гирсов.

— Когда вернулся на базу и узнал от Чарухина это обстоятельство, то сразу понял, где он мог свернуть с трассы. Отправил шестерых старшеклассников на пасеку, а сам с Чарухиным побежал к реке. На свёртке мы обнаружили следы ног и по ним пошли в сторону посёлка Барзас. Поверху следов ног была проложена лыжня – значит, кто-то уже шёл за ним.

В ста метрах от пасеки следы спустились к реке, шли по ней, потом, полкилометра не доходя до посёлка, круто свернули в правую сторону и скрылись в тайге. Здесь нас догнал один из старшеклассников Старченков Миша и сообщил, что на пасеке никого нет.

По тайге мы прошли километров восемь. И выбрались на старую заброшенную, заметённую снегом дорогу. По следам было видно, что по этой дороге мальчишка шёл метров 800 и, свернув вправо, опять заплутал между деревьев. Пройдя по следам с километр, в густом ельнике мы и нашли мальчишку.

Вместе с ним уже была и Колесникова, опередившая нас. Она успела переодеть мальчишку в свою одежду и теперь стояла в его промёрзших сапожках на лыжне. Я заставил её забрать свои носки и ботинки и отправил вслед за Старченковым в посёлок за помощью. Отодрав от своей куртки рукава, я укутал Андрею ноги. Мы с Чарухиным подняли мальчишку и стали выносить из тайги. Он был без памяти. Нести его по глубокому снегу очень неудобно, поэтому за полтора часа удалось пройти всего два километра. Чувствуем, что сами не сумеем вовремя выбраться из тайги. Мальчик только постанывал, ничего не воспринимал. Ему как можно скорее надо было оказать медицинскую помощь. Чарухин остался с ним, а я побежал в посёлок. На входе в посёлок нагнал учительницу и Старченкова, из частного дома по улице Советской обзвонил

предприятия Барзаса, но нигде снегохода не смог добиться. Тогда попросил бухгалтера леспромхоза вызвать из города скорую помощь, указал, где нас можно найти в тайге, если вдруг подвернётся «Буран», и, попросив у хозяев дома покуривало и литр кофе, вернулся к Чарухину.

Тот уже из веток сделал настил Андрею, укутал его куртками, развёл костёр. Мы с большим усилием раздвинули ножом челюсти замёрзшего мальчика и сумели влить в него с полстакана кофе. В это время к нам приблизился снегоход с нартами. Молодой мужчина (очень жаль, что я в суматохе не узнал, как его зовут) помог нам уложить мальчика на нарты и повёз в посёлок. Когда мы с Чарухиным пришли в Барзас, Литвиненко уже внесли в дом и над ним колдовали врачи. Вернувшись на «Скорой помощи» в Берёзовский, мы около часа дня сдали мальчишку в санпропускник. Врачи сказали, что выживет. Возможна ампутация обеих ног. До сих пор удивляюсь: ну что заставило пацана уйти так далеко от города?

— Я очень переживала за Андрея, — рассказывает Колесникова.

— Преподаватели в школе укоряли меня: с твоего урока исчез. А почему с моего? Он ведь не был у меня. И я не знала, что он пойдёт за нами. Всю ночь не спала. Чуть рассвело едва, я, чтобы успеть обнаружить ещё не замечённые следы, отправилась в тайгу одна и нашла эти следы. Вышла к Барзасу. Потом следы стали слабеть, но тут я была уже уверена, что иду за Андреем, потому что ну кто ещё другой без лыж, проваливаясь по пояс в снег, мог брести по тайге этой ночью? В ельнике и нашла его. Съёжился под корневищем, что-то вроде пещерки соорудил себе и сидит замёрзший, а рядом — портфель с книгами. Всю ночь шёл с ним и не бросил. Сейчас смешно, а тогда я не знала, что делать. Он весь обледел. Обрадовался. Говорил. Был в сознании. Но очень слаб. Ничего объяснить

не мог. Я натянула ему взамен смёрзшейся свою одежду. Хотела, чтобы он обогрелся. Думала, что смогу вывести его, то есть, что он сам пойдёт, а я ему буду помогать. Тут и подъехали Гирсов с Чарухиным.

— В мою смену, — рассказывает врач-реаниматолог А. А. Бормотов, — и привезли Литвиненко. Был без сознания. Пришёл в себя в 10 часов вечера. Лежал трое суток в реанимации. Теперь — в травме. Ноги отошли. Кровообращение восстановилось. Вот только большие пальцы ног ещё чёрные. Подождём. Если не сможем ничего сделать, придётся их ампутировать.

Захожу в палату №12. Тринадцатилетний остролицый мальчишка с густой копной кучерявых, с золотистым отливом, волос смотрит на меня настороженно. Визитёр пришёл. Ещё один — надоели! Врач, склонившись над больным, показывает мне «покусанные» морозом до крови части его тела. Только внизу на ногах ещё остались повязки. Андрей почти здоров. Ждёт маму с передачкой. Путешественник. Поневоле. Кошмары блужданий в ночи им лично пережитые и прочувствованные не забыты, но уже позади. Почему, не подготовившись к физкультуре, в морозный день без рукавиц и шарфа, без лыж, не остался в школе, а отправился на лыжную базу и, мало того — побежал вслед школьникам? Почему забрёл в тайгу так далеко? Почему вовремя не вернулся назад? Почему не слышал собак в посёлке? Почему, наткнувшись на пасеку, резко забрал в сторону и чуть не сгинул в тайге? На это он не мог ответить. Да и так ли уж это важно для нас? Ведь вот он, живой, сидит и насуплено смотрит на тебя в обиде на оказываемое ему сейчас излишнее внимание. Подумаешь, переночевал в снегу под ёлочкой на морозе. Раскудахтались тут...

Март 1994 года.

КРЫЛЬЯ РАСТУТ ОТ ЛЮБВИ

Думается, мы все испытали на себе, что такое зубная боль. Ведь кузбасская питьевая вода содержит много фтора. И поэтому среди нашего населения очень высок уровень заболеваемости зубов. Стоматологи – врачи, лечащие людям зубы, – всегда пользовались в народе особым уважением. Нина Николаевна Полева, зубной врач Берёзовской стоматологической поликлиники, в семилетнем возрасте, конечно, не знала об этом. Попросту в ней пробудился интерес к этой профессии, когда она впервые попала на приём к зубному врачу.

— Я родилась в Барзасе, – рассказывает Нина Николаевна.

— До школы у меня иногда болели зубы, но мать за работой не обращала на это внимания, даст чесноку пожевать, утихнет боль – этим и ограничивалось моё лечение. При медосмотре перед поступлением в школу Юлия Степановна Беляева, работавшая тогда в Барзасской поликлинике зубным врачом, сказала маме, что мне надо лечить зубы. В течение недели я каждый день стала приходить в поликлинику, усаживалась на стул в коридоре и благоговейно ждала, когда меня вызовут в светлый кабинет с его кожаными подъёмными креслами, яркими лампами, стеклянными столиками, уставленными всевозможными пузырьками, к этой милой и ласковой женщине. Мне было до того интересно разглядывать сверкающие хромом инструменты врача, вслушиваться в гудение бормашины, что я уже после своего лечения стала частым гостем у Юлии Степановны. С её помощью и пристрастилась к медицине. К 15 годам у меня уже созрело твёрдое желание стать зубным врачом.

После школы Нина Николаевна поступила в Бийское медицинское училище на зубоврачебное отделение. С 1977 года работает в Берёзовском. Намеревалась по молодости продолжить своё образование, но не получилось – семья

отняла всё время. Сейчас, конечно, страдает от недостатка образования – в зароботке хотя бы. Мастерство у неё, как у зубного врача появилось к 32 годам.

— В становлении нас, молодых специалистов, – говорит она, – большое участие принимал сам ещё в то время молодой стоматолог поликлиники Виталий Николаевич Ульянов. Вот уж поистине талантливый и щедрый человек был. Всегда объяснял нам непонятное – очень просто и доходчиво. Обладал такими способностями. Недаром его хотели оставить на преподавательской работе в Кемеровском мединституте. Многие потеряли студенты, лишившись такого преподавателя. И мы очень многое потеряли, потому что он из-за низкого заработка вынужден был полгода назад уйти от нас работать на шахту.

В Берёзовской стоматологической поликлинике два отделения: лечебное – терапевтическое и зубопротезное-ортопедическое. Полева лечит зубы. В терапевтическом отделении всего 13 врачей, а должно быть 22. Низкие оклады, отсутствие жилья – всё это не особенно удерживает молодых специалистов. Многие из них, приезжая в Берёзовский по направлению, долго здесь не задерживаются. Остаются в основном те, кто родом из города либо из окрестных деревень. Оставшиеся врачи очень сильно загружены. На одного больного отводит-ся всего полчаса

— Но что я могу сделать за полчаса? – возмущается Нина Николаевна.

— Из-за этих ограничений мы затягиваем лечение больного на полмесяца, а порой и больше. Хотя по идее работы с ним всего на час-полтора. Страдают не только больные, теряющие время на посещения поликлиники, но и мы, врачи. Ведь нам идёт заработок от результата, результат же – полное излечение больного. Мало того. Что у нас нет в достатке хороше-го пломбирочного материала и нужного оборудования, нас

ещё и временем ущемляют. При таком количестве пациентов, какое тут может быть качество?.. В общем, не всегда и во всём я бываю, довольна любимой работой и однажды, когда меня пытались уговорить перейти на разрез «Черниговский», я серьёзно хотела оставить поликлинику...

— Ничего ты не хотела, — вмешивается в нашу беседу её задушевная подруга, заведующая терапевтическим отделением, Галина Леонидовна Иваненко, — ведь ты же плакала, когда говорила мне о своём намерении.

Конечно, разревёшься тут. Мне не хотелось от вас никуда уходить добровольно. Ну что я там, на разрезе, при хорошем заработке, приобрету? Отдельный кабинет вроде одиночной камеры. А я привыкла на виду работать, чтобы рядом подруги были, можно было перекинуться с ними словом, посоветоваться. Необходимость общения с людьми своей профессии, которые тебя всегда и во всём понимали, могли прийти на помощь, и остановила меня. Подумала, подумала тогда — и решила остаться. Деньги — это ещё не всё в жизни человека. Коллектив, в котором работаешь, тоже очень много значит.

— Полева в нашей поликлинике, — говорит Галина Леонидовна, — врач популярный. Больные считают, что у неё очень «лёгкая» рука. И я думаю, небезосновательно. Полева — врач, который работает творчески, не боится применять в работе новейшие достижения медицины. Значительная масса больных стремится попасть на приём именно к ней. Она настолько может расположить к себе пациента, что у него в конце концов если не исчезнет совсем, то намного снизится страх перед зубным кабинетом.

Вы думаете, за что мы все её ценим и уважаем? Она очень живая женщина, её энергии хватает на всех нас. Не зря её выбрали своим профоргом. Она неутомимый, в очень хорошем смысле, человек. Если что пообещала — обязательно выполнит.

Нас, стоматологов, исстари одолевает профессиональная болезнь – хандроз шейных позвонков. Он возникает оттого, что весь день лечащему врачу надо находиться перед пациентом, картинно изогнувшись в правую сторону. Поза довольно таки неудобная для организма и при длительном её воздействии начинают сильно болеть и спина и шея. Нина Николаевна, чтобы избавить врачей от таких последствий, организовала в поликлинике занятия аэробикой, и женщины наши с удовольствием занимаются ею. Вот только сейчас, в связи с отпусками, на два месяца прекратили, но скоро, думаю, возобновим. А как она умеет подготовить любой праздник! Смастерить, разукрасить, поздравить и стихи сочинить про кого-то – это всё её руки ума дело.

— Не надо обо мне так, – растрогавшись от таких оценок своей личности, в смущении произносит Нина Николаевна.

— У нас много хороших женщин. Это и Мастепанова Любовь Дмитриевна – детский зубной врач, и Нина Сергеевна Ковригина – медсестра, и Анна Ивановна Акинина – тоже медсестра. Пожалуй, весь коллектив можно перечислить. Все мы хорошо работаем. Да ведь и вы сами, Галина Леонидовна, мне стихи сочинять помогаете. И, если в чём другом у меня что получается, то только тогда, когда это находит отклик во всём коллективе.

Наш разговор состоялся накануне 8 марта. Я спросил: «Нина Николаевна, что бы вы могли пожелать женщинам к их празднику?»

— Здоровья, красивой улыбки и любви. Ведь когда человека любят, у него крылья вырастают в любом возрасте. А нам, женщинам, это так важно сейчас...

... «Будто и потом не важно» - вздыхаю я.

Март 1993 год.

МЕНЯ ОНА УБЕДИЛА

— Театр – это игра, а значит, дело несерьёзное – так считают у нас многие горожане, – говорит отработавшая уже 12 лет на театральном отделении школы искусств Лариса Юрьевна Копылова.

— Практичные горожане сомневаются в том, что наша школа может дать их детям зачатки театрального образования. Да и к чему оно, дескать, Березовчанам, жителям нетеатрального города? – так они рассуждают. И напрасно.

... Лариса Юрьевна по-молодому энергична, движения её мягки и пластичны, а речь изобилует такими восхитительными восклицаниями удивления, что, пообщавшись с нею минут, пять, сам удивляешься: и откуда у неё берётся эта способность открывать для себя мир каждый день наново?

Она может быть напористой, готова до конца отстаивать свои убеждения, но если надо, она вся – внимание. В школе уже начались занятия с теми детьми, которые записались на театральное отделение. Как раз сейчас идут занятия. Я наблюдаю за ними. Они с удовольствием выполняют физические упражнения: прыгают на одной и нескольких ножках, изгибаются вьющейся змейкой, усердно вертят своим «хвостиком». Выбатывая артикуляцию, с трудом и с ошибками склоняют вслед за мудрым учителем трёх – и четырёхзначные цифры...

— Лариса Юрьевна, – обращаюсь педагогу.

— Как же переубедить «закостеневших» родителей? Ведь наш город действительно нетеатральный, а сугубо шахтёрский.

— А вы не представляете? Так знайте: театр, как самое многогранное из искусств, требует от человека равного умения говорить, двигаться, танцевать, тонко чувствовать, понимать язык музыки и изобразительных искусств. Зачатки такого умения мы и закладываем здесь детям. Из неловкого, порой

закомплексованного малыша мы формируем здесь то, к чему человечество стремилось всегда: гармоничную, всесторонне развитую личность. Приобретаемые детьми навыки и знания позволяют им в дальнейшем правильно ориентироваться в различных сферах человеческой деятельности, в частности – в искусстве. Разве этого мало?

Кроме того, основной урок – «Актёрское мастерство» – это урок практической психологии поведения и общения. Все конфликтные ситуации, которые встречаются в жизни, дети проигрывают, переживают на сцене и выходят в реальность, уже вооружённые этим бесценным опытом, но без ссадин на душе.

А насколько это важно в наше время: умение подать себя в самом выгодном свете, умение свободно общаться и правильно вести себя в любой ситуации – это слишком хорошо понятно всем, кто хочет для своих детей лучшего будущего. А в каких прекрасных лебёдушек превращаются наши девочки! Невестами всем на загляденье и на зависть они у нас вырастают. Вполне серьёзно можно считать, что театральное отделение в городе – это эдакий филиал Института благородных девиц в миниатюре. Ведь наши ученики (в основном, конечно, девочки) получают не только внешний лоск, знание правил этикета, но и глубокие знания по истории искусств, навыки работы с литературным текстом и многое другое.

— Смогут ли ваши ученики воспользоваться полученными профессиональными знаниями на практике?

— Безусловно! По окончании пятилетнего курса обучения выпускники получают свидетельство о начальном театральном образовании, что может стать первой ступенькой в дальнейшей актёрской или режиссёрской карьере. Среди наших выпускниц уже есть два профессиональных режиссёра, ещё несколько человек учатся успешно в институте культуры

или готовятся к поступлению в него. Несколько выпускниц решили стать учителями, учатся в педвузах, колледжах. Это тоже, я считаю, наш профиль, потому что каждый учитель просто обязан быть приличным актёром и режиссёром для налаживания проникновенных контактов со своими подопечными. И даже те из выпускников, кто выбрал для себя другие специальности, не теряют своей духовной связи с искусством. Они участвуют и в студенческих театрах, и в командах КВН, один даже организовал молодёжную телепрограмму.

Мы это точно знаем, потому что наши выпускники, наши дети не теряют с нами связь: звонят, приезжают в гости. И приятно то, что, даже приехав в большой город из «глубинки» наши ребята не становятся «серыми мышками», у них просто не может развиваться «комплекс провинциала» – они сами поверили в свои способности, умеют доказать это другим. И в этой их вере – частичка и нашего труда. А те, кто остался в родных местах, тоже не потеряли в наших стенах времени даром. В их жизни будет всегда гореть зажжённый здесь лучик красоты. В наше время, припостоянно испытываемых бытовых трудностях, они сами становятся для своих близких своеобразными островками тепла, света и гармонии. Кстати, некоторые из наших выпускниц работают в детсадах города воспитателями.

— Всё это, конечно, очень хорошо, но вы сами сказали, что время сейчас трудное, а ведь обучение в школе платное...

— Да, платное, – 65 рублей в месяц. Но я думаю, что такая трата ради светлого будущего своего ребёнка – не слишком тяжёлая жертва.

— Много ребятишек поступило в этом году на ваше отделение?

— Всего 24. И, честно говоря, меня это удивляет. Мы много говорим о том, что дети наши безнадзорны и оттого

хулиганят, становятся наркоманами. Я могу, совершенно ответственно, заявить, что среди наших детей таких нет и быть не может! С первого дня они начинают понимать цену показного и истинного, отличать прекрасное от безобразного. Вкусившего истинную радость творчества не обмануть наркотическим суррогатом. Да и некогда нашим ребятам болтаться по подворотням и нюхать клей – они постоянно заняты, и заняты хорошим, нужным, добрым делом.

Многие родители побаиваются, что детям будет трудно-то совмещать учёбу в общеобразовательной школе с занятиями на нашем отделении. Не надо бояться! Лучший отдых – смена деятельности. Более того, многие дети слабенькие и болезненные именно потому, что им не хватает движения, физической нагрузки, большинство наших предметов предусматривает значительные, и притом хорошо сбалансированные двигательные нагрузки. И дети довольно быстро забывают про свои болячки. Так что можно рассматривать наши занятия и как оздоровительный курс, причём как физически, так и духовно. Ну, где ещё ваш ребёнок может получить всё, что предлагаем мы?

... Это, действительно, хороший вопрос, над которым стоит задуматься родителям, имеющим детей в возрасте 8-10 лет. Ведь каждый из нас хочет видеть своих детей умными, красивыми, счастливыми, покорившими те высоты, которых за неимением знаний не смогли достичь их родители. И, похоже, театральное отделение школы искусств даёт им для этого прекрасный шанс.

Конечно же, плата за обучение может пригасить родительский энтузиазм, но сами подумайте, родители: с одной стороны – стоимость двух бутылок растительного масла, а с другой – будущее самого дорогого и любимого существа! Меня, кстати, Лариса Юрьевна убедила, я свой выбор уже сде-

лал, записав на театральное отделение свою дочку. А может быть, и вы надумаете? Ещё запись ведётся, не опоздайте.

Октябрь 1998 год.

Я НЕ РОПЩУ.

В строительстве известного университета имени Патриса Лумумбы, расположенного на Ленинских горах в Москве, принимал участие и Новосибирский строительный батальон войск МВД, в котором довелось служить Александру Дмитриевичу Кацуку, бывшему директору Берёзовских городских электросетей. Но это, так сказать, к слову.

Родился Александр Дмитриевич в Барабинске в 1928 году. Не воевал: в армию подростка не взяли, хотя просился настойчиво, но вот в пастухи его «мобилизовали» на законном основании. С 1941 и до 1944 года он пас коров в степях под Барабинском. Коровы эти давали не только молоко бойцам фронта и работникам тыла. В то время в тылу не хватало лошадей, техники, и коров повсеместно использовали как тяговую силу. В колхозах, разбросанных вокруг Барабинска, на коровах днём поднимали зябь, вспахивали и боронили большие земельные массивы, а с 12 ночи до пяти утра коровы паслись. Таков был тогда у них лошадиный ритм жизни. И у людей он был таков же.

Подростки до 14 лет (старше – уже считались взрослыми) работали наравне со взрослыми по 12 часов в сутки. Не волинили, вкалывали на совесть, потому как знали для чего. Ответственна очень была работа у пастухов, ведь не только вверенная им на ночь корова должна была насытиться и отдохнуть, но и целёхонькой оказаться к утру: а волки, а любители поживиться дармовым мясом? И не было у пастухов иной раз

в руках ничего из оружия кроме кнута, либо палки потолще. Отбивались от хищников в основном ором, камнями, да огнём ярко разведённых костров. Благо и животные, чуя опасность, ночью старались кучно держаться недалеко от костров. Бывало, отобьется какая корова от стада и пропадает, но такое случалось редко.

В 1944 году Кацук устроился монтером на обслуживание правительственной связи «Москва-Хабаровск». Специальности монтера он тогда не имел, было лишь желание. Он оказался прилежным и понятливым учеником, поэтому быстро в ходе работы освоил её и к призыву в армию, в 1948 году стал уже классным монтером.

В сухопутных войсках служили раньше по 4 года. В 1952 году Кацук демобилизовался, возвратился в Барабинск, женился на Марии Ивановне, которая, как и он, работала монтером связи. Затем уехал в Мыски. В Мысках он осваивает специальность мастера по бурению скважин и принимает участие в разведке рудных месторождений железа в Горной Шории. Жить в Мысках по сравнению с Барабинском было намного лучше, поэтому к нему приезжают отец и шесть братьев.

Позже, через несколько лет, как один из лучших специалистов по бурению, он едет работать на север в трест «Печора-углегеология», которая вела разработку месторождений угля вблизи Воркуты. Там он жил и работал буровым мастером до 1957 года. Но когда месторождение было полностью оконтурировано, определены его запасы и геологические сложности, потребность в бурильщиках отпала, и Александр Дмитриевич уезжает в Мыски. Здесь он вновь возвращается к своей первой профессии и работает вначале мастером, а потом начальником участка в горэлектросети.

— По работам, связанным с обслуживанием электросетей, опыт у меня был большой – рассказывает Кацук.

— Этого опыта мне было бы достаточно, продолжай я работать рядовым электриком. Но заметили мои способности, стали постепенно выдвигать в начальники, и очень скоро я почувствовал, что без специального образования, без настоящего знакомства с теорией электричества мне уже не обойтись.

В 1965 закончил Мысковский энергостроительный техникум. Меня назначили директором Мысковской горэлектросети. На этом посту я работал до 1970 года, а затем меня перевели в «Алтайсельстрой» и назначили начальником участка по электрификации сельского хозяйства. Наш участок занимался электрификацией всех деревень и посёлков от Междуреченска до Белова. Проблем хватало, но мы справлялись и были на хорошем счету у начальства.

В 1973 году я возвратился в Кемеровское «Облкоммуэнерго» и встретил здесь Юрия Дмитриевича Торубарова, первого секретаря горкома партии, который предложил мне заняться созданием горэлектросети в городе Берёзовском. Я практик, сидеть за столом мне претит, поэтому я и согласился. Приехал в молодой ещё город не то чтобы на «голое» место. Здесь были разрозненные участки электроснабжения отдельных посёлков. Их пришлось объединять. Мы уже сами создали основную базу горэлектросети в посёлке шахты «Берёзовская». Там теперь располагаются управление, мастерские, гаражи и различные службы. А ведь в первые месяцы мы ютились под лестницей в горисполкоме со всеми своими отделами и службами на четырёх столах.

— Что можно вспомнить из той поры? – Очень много было тогда начинаний, но все они проводились в жизнь с большим трудом, потому что очень многого не хватало. Взять хотя бы освещение проспекта Ленина. Ведь это же главная улица города, а на ней не светились ночами ни одного фонаря. Не было фонарей потому что, не было столбов – ничего город не

мог дать нам для организации освещения проспекта. Тогда мы по собственной инициативе раздобыли светильники, сделали кронштейны и приспособили лампы на фасадах домов. Улица обрела праздничный вид и люди были нам благодарны за это. И вообще хочу сказать, что мы тогда работали с энтузиазмом, гордились своим делом. По 1988 год, тогда я ушёл на пенсию, мы всё время выполняли план по ремонту сетей и капитальному строительству. Мы даже представить тогда себе не могли, как это можно завалить государственную программу.

— И какими же наградами был отмечен ваш доблестный труд?

— Инфаркт и инсульт – вот всё, что я заслужил за такую работу. Но я не ропщу, ведь моя жизнь удалась. Я занимался любимой работой, а в личном плане – воспитал с любимой женой трёх сыновей. И каждый из них нашёл своё место в жизни: один служит в армии полковником, другой работает юристом, третий – в УКК и ТС Берёзовского. У меня пять внуков и одна внучка.

— А чем же ещё, кроме работы, вы «горели» и продолжаете «гореть» сейчас?

— Больше всего в свободное от работы время я люблю рыбачить.

— Вы удачливый рыбак или довольствуетесь только пользой общения с природой?

— Рыбачу везде, у меня три лодки, машина. В поисках рыбных местечек исколесил не только Кемеровскую область. И для души рыбалка даёт хорошее успокоение, и дома от этого увлечения свежая рыба никогда не переводится. Случается, даже свиней рыбой подкармливаю. В последнее время езжу на Обь. Язей, лещей, шук привожу оттуда.

— Сетью ловите?

— Нет, удочкой.

— И так много?— удивляюсь я.

— Уметь надо. Не признаю сеть. Для отдыха, для азарта самое лучшее – удочка.

— После ухода на пенсию вы больше нигде не работали?

— Нет, но в этом году попросил Бортников, директор горэлектросети, запустить восемь электрокотлов. Этим и занимаюсь сейчас. Да вот осенью делал отопление в диспетчерской. Но всё это не постоянная работа. Поработаю ещё какой месяц-два и хватит.

— Я интересовался, когда о вас в совете ветеранов города, то там пожаловались: совсем от общественной жизни вы отстранились.

— Работаю, некогда. Ведь совет не меньше, чем два раза в неделю заседает, я же прикреплён к бригаде, где обязательно нужно присутствие всех работающих. Да и какой я толк принесу обществу, занимаясь пустопорожними разговорами на советах? От меня пользы больше на производстве. Я ещё в состоянии что-то делать, мне не надо подачек, дай возможность трудиться, и я сам заработаю на себя. Это одно, а ещё у нас в бригаде есть и молодые работники, которым я могу передать что-то из своего опыта, научить ценному, где руками своими, где советом помочь им в их становлении. Я думаю, что именно на работе при общении с различными людьми с наибольшей отдачей может быть использован наш опыт ветеранов труда.

В этом отношении я полностью согласен с Александром Дмитриевичем, с которым захотелось мне встретиться, чтобы разузнать побольше об истории становления Берёзовских электросетей. Со своей семьёй он занимает полдома при подстанции на улице 40 лет Победы. Вторая половина дома – диспетчерская электросетей. С одной стороны никакой личной жизни: чуть что – бегут к нему за советом, но ведь с другой-то стороны и очень даже удобно получается – он ведь более кого

другого всегда был информирован о работе родного предприятия и попробуй, кто утаить от него что-либо. Не получится. Александр Дмитриевич по дому ходит в красивых белых валенках, так удобнее. Он среднего роста, плотного телосложения, приятный в общении человек. Слова его не расходятся с делом: когда провожал меня, показал стоящую во дворе лодку и припаркованную за оградой машину. Да и поплавок разноцветных от старых рыболовецких сетей я сколько ни смотрел, во дворе не заметил. На удочку, то есть, он ловит рыбку тоннами. Ну не тоннами, но всё равно так удачливо.

1998 год.

О ВОЙНЕ И О ЖИЗНИ

Призвали в армию Петра Семёновича Дубского осенью 1943 года: парень-то родился в 1926-м, первые годы войны он подрастал, учился, успел поработать с отцом в действовавшей тогда на Барзасе артели «Третья пятилетка», специализировавшейся в изготовлении бочек, окон и мебели. Некоторое время довелось ему потрудиться и учеником у сапожника.

Разговор о войне Пётр Семёнович вести не хочет: о чём говорить, если сейчас многие из молодых считают, что напрасно немцы не победили русских в 1945 году – дескать, порядка больше было бы на Руси. Да вот только Руси тогда бы не было. К тому же выполнение солдатских обязанностей – такой же труд, как у лесоруба или строителя, только ещё тяжелее и опаснее. Чего о нём говорить много? И всё же...

Из Кемеровской области призывников привезли под Красноярск в курсантский учебный стрелковый полк, расположившийся на станции Ключвенной. В течение шести ме-

сяцев побывавшие на войне командиры муштровали парней, развивая в них силу, выносливость, обучали методам и тактике ведения боя с противником. Потом их повезли к Ленинграду на помощь частям, прорывающим блокаду города. Но уже в дороге стало известно, что успешное взаимодействие двух фронтов позволило нашим войскам соединиться. Разгром немцев на Балтийском направлении стал очевиден. По-этому пополнение было переадресовано в распоряжение третьего Белорусского фронта.

На передовую под Шауляем в Литве бывших курсантов доставили ночью. Днём раздали винтовки, нуждающихся обеспечили недостающим обмундированием, всех распределили поротно. А ранним утром (первую ночь курсантам пришлось спать на дне траншей) мощные взрывы смешали землю с небом. Земля от этих взрывов гудела и дрожала под ногами притаившихся в узких щелях траншей молодых солдат. Внезапно артподготовка закончилась. Лавина советских солдат выплеснулась из траншей и окопов в сторону оборонительных сооружений противника. Вместе со всеми, как щелка, подхваченная быстрым течением своенравной реки, бежал и кричал Пётр Дубский. Навскидку во время боя стреляя из своей винтовки перед собой, он не видел убиваемых им врагов. Да и были они – убиваемые им люди? Вообще тогда он не желал чьей-либо конкретно смерти, а влекомый вперёд скопищем народа, он чувствовал себя неотрывной частью могучего действия, развернувшегося на поле.

Спротивление немцев в тот раз было незначительным. Их оборонный рубеж был очень быстро смят и опрокинут. Уцелевшие немцы в спешном порядке грузились в машины и удирали во все лопатки. Пешим русским воинам их было не догнать. Возбуждение солдат после боя притупилось усталостью. В этом первом бою кого-то недосчитались. Дубский

заменял свою винтовку на автомат убитого в бою бойца. С автоматом ведь удобнее воевать. Подоспевшие кухни привезли обед. Командиры отметили маршруты продвижения рот. Солдаты пополнили боеприпасы, построились в колонны и двинулись пешком за убегающим врагом.

Конечно, каждый населённый пункт: мост, железнодорожный узел или промышленный объект по пути следования части приходилось брать с боем. Ведь немцы не бежали сломя голову до самой Германии, они, убедившись в бесполезности дальнейшего сопротивления, отступали на заранее подготовленные позиции. «Умели воевать фрицы – говорит Пётр Семёнович – а мы до этих позиций по грязным дорогам пешком весь день топаем. На коротких привалах выберешь место посуше, а кто и прямо в грязь ложится, ноги кверху – и засыпаешь, стараешься урвать хотя бы минуточку для полноценного отдыха. А когда дойдёшь до немца, то с ходу в бой, обозлённые. Конечно, бывало и голодные, с матюгами кидались. И тут уж от нас не жди пощады.

В день наши войска проходили по 30-40 километров. Но от боя к бою таяли ряды солдат. Пополнение не поспевало за наступающими частями. И к тому времени, когда советские войска вынуждены были остановиться и занять оборону, в части, где служил Дубский, осталось 14 человек.

— Когда наступали, – вспоминает он – было трудно, опасно, но с питанием намного лучше, чем в обороне. Ведь часто приходилось отбивать продовольствие у немцев. Консервы мясные, шоколад, шнапс были у нас не в диковину. Да и когда мы продвигались вперёд, нас командование обеспечивало продовольствием тоже прекрасно. В обороне же солдат перевели на общеевойсковой паёк. Скудный. Приуныли мы. Радости мало сидеть в обороне. Это немцы оставят в траншеях дзорных, а сами отделениями в домах ночуют, под одеяльцем спят, а нас на ночь из окопов не выводили. Рыл там каждый

себе норку, сеном или тряпьем набивал, оборудовал подобие жилого угла и отсыпался в этой норе в перерывах между работой и дежурством.

Дубской провоевал полгода. Простояв какое-то время в обороне, войска Белорусского фронта подтянули тылы, пополнились новобранцами и залечившими свои раны солдатами, отдохнули, укомплектовались боеприпасами и техникой и вновь, прорвав оборону противника, повели крупномасштабное наступление. Погнали немцев за пределы СССР. Дубский за участие в этих наступательных боях, за проявленную при этом смелость, риск, смекалку и умение был награждён медалями «За отвагу». «За взятие Кенигсберга», «За победу над Германией». Потом уж, после войны посыпались на него юбилейные медали и даже орден «Отечественной войны» он получил. В феврале же 1945 года в девяти километрах от Балтийского моря в боях на косе Фрош-Гаф его ранило в левую руку. После госпиталя он попал в запасной стрелковый полк. Служил там командиром отделения. Затем его перевели на охрану складов МВС, а в мае 1946 года отправили в отдельный учебный танковый полк, находящийся под Березиной (да, той самой известной французам рекою). В октябре 1947 года курсанту Дубскому присвоили звание старший сержант и специальность механик-водитель САУ-76 (самоходная артиллерийская установка). Для дальнейшего прохождения службы, её общий срок у Дубского равен девяти годам, его направили на военную базу в Осиповичах под Минском. Служил до той поры, пока не прислали замену. Уволен в запас был в сентябре 1951 года.

Со службы приехал сразу в Барзас. До 1953 года работал заведующим Барзасским пунктом пчеловодства. С 1954 по 1984 год – трактористом в Барзасском лесхозе. Сейчас он на пенсии.

— Вот и вся моя жизнь. Как на ладошке лежит, ясная и понятная вроде бы. А так если, то всего в ней хватало. После

демобилизации погулял я немного и женился на Елене Степановне. Она – сирота. Жила в оккупированном немцами Краснодарском крае, к нам в район приехала по распределению после окончания сельскохозяйственного техникума. Работала в сельхозотделе. Тогда в Барзасском районе было сильное сельское хозяйство: в посёлке Невский – колхоз «Красный труд», в Барановке – «имени Ленина», в Романовке – «имени Молотова», в Арсентьевке – «имени Чапаева». И поля обширные обрабатывались. Люди в достатке жили от земли. Это сейчас поля заросли осинником и березняком.

Построить дом Дубскому помог отец. Хороший дом получился. Место видное. На высоте. Река Барзас под горою.

— В 1954 году родилась у нас первая дочка Люда, в 1956-м – Татьяна, в 57-м – Наташа, в 60-м – Вера, в 62 – наконец-то родился сын Сергей. В 1970 – снова дочка Ольга, в 77-м – Валя. Шесть дочек у меня получилось общей численностью и один только сын. По девкам мастером меня мужики называют.

— А в детстве «дуб-дерево» обзывали?

— Всяко случалось. Детишками обкидаться – большого ума не надо, но ведь их всех надо одеть и обуть, накормить и вырастить. Так и кружились мы всё время с Еленой на работе, да по хозяйству с утра до ночи.

Здесь у нас места красивые, но честно скажу: никогда не мог выбрать час просто посидеть и полюбоваться закатом солнца. Всегда чем-то голова и руки заняты были. Ведь чтобы такую компанию прокормить, одной коровы мало. Мы и держали их по нескольку. Да свиньи ещё, куры. Всю скотину каждый день кормить надо, на зиму корма заготавливать. Когда подросли первые дочери, хорошая подмога от них была. Да ведь недолго они продержались дома – разлетелись, создав свои семьи. И остальные тоже теперь определились. Хотя как определились? Последняя училась в институте в

Кемерово. Бесплатно. А сейчас потребовали от студентов плату за обучение. Откуда же у меня миллионы? И у неё их нет. Работать будет...

Одна дочь и сын живут в Новгородской области, остальные по Кузбассу рассыпались. Приезжают, но редко. Какая от них теперь помощь? Вот не отремонтирую нынче трактор (год назад списанный «Беларусь» приобрёл), не на чём тогда будет сено из тайги вывезти и, похоже, придётся свёртывать своё хозяйство.

Действительно, хлопотно теперь, получается, держать скотину. Постарел Дубский, да и люди совсем другие стали. У него в позапрошлом году с пастбища две тёлки не вернулись. Неужели для кого-то вырастить их старался? И в огород лезут без зазрения, совести. Знают: ружья нет – пугануть нечем. Он не халуга, своим трудом только живёт. Все бы так жили, как он. Листаю его трудовую книжку: в ней фигурируют только два предприятия, где он пчёлами заведовал и трактористом работал. С 1956 года по несколько раз в году его награждали за хорошую работу ценными подарками и денежными премиями. Сорок записей приказов о таких награждениях прочитал я. Трудовой книжки на них не хватило, так вкладыш заполнили этими благодарностями. Едва ли не десять лет подряд он был в лесхозе победителем социалистического соревнования. В 1970 году его наградили медалью «За доблестный труд». В 1981 году Пётр Семёнович на пенсию должен был пойти, но не пошёл и в этот год стал победителем соцсоревнования. В 1984 году, когда он совсем решился расстаться с работой, он тоже был признан в лесхозе победителем соцсоревнования. То есть хочется сказать, что не баклуши бил он на работе, а трудился всю жизнь.

— И нельзя было по-другому, — говорит Пётр Семёнович, — 25-30 кубометров леса за восемь часов бригада в пять человек

должна была повалить. Платили за это очень мало. И, чтобы перекрыть норму, заработать чуть больше, мы вынуждены были работать и в выходные дни.

Не вылезали из леса неделями. Дом оставлял на жену и детей. Елена Степановна ещё и учиться ухитрялась тогда. Кемеровский пединститут закончила. Теперь она уже давно на пенсии, а всё равно продолжает трудиться – учит детей в Барзасской школе литературе. За шестерых дочек и сына государство наградило её двумя медалями «Материнство» и орденом «Материнская слава 3-й степени». Но на наш взгляд, все эти награждения зряшные, не для медалей она детей рожала, а чтобы не остались они одинокими, поддерживали друг друга в трудную минуту. Родственные отношения – что может быть крепче их и надёжнее?

Жизнь у Петра Семёновича на закате. Он считает, что незачем писать о нём, ничем особенным он от других не отличился. Ну что интересного в его биографии? Лучше бы ответили начальники через газету, когда они перестанут задерживать зарплату и пенсию, когда построят в Барзасе школу, когда учителя посёлка, словно за милостыней, перестанут ходить в гороно и по другим школам в городе, выпрашивая для своих учеников недостающие школьные принадлежности.

Сентябрь 1995 год.

ОБДЕЛЁННАЯ УСПЕНКА

Через Успенку проходит автотрасса, соединяющая Мариинск и Кемерово. Это довольно оживлённая транспортная артерия. Дорога ныряет в посёлок и выбирается из него, преодолевая два крутых подъёма, которые десятки лет зимой являлись для водителей междугороднего транспорта опасным пре-

пятствием. В гололёды и пургу на эти подъёмы деревня всегда отряжает трактора, вытаскивающие тяжелогруженные машины из глубокой долины. Сейчас на этом участке проложена дорога, минующая эти подъёмы в объезд Успенки. Но что бы ни говорили про это место водители, первым поселенцам в начале тридцатых годов оно показалось удачным. По сведениям топонимического справочника посёлок этот основан в 1927 году. Тогда вокруг Успенки шумела тайга древняя, богатая и плодоносная. Людей было здесь мало, зато много лесных обитателей. Сейчас, пожалуй, наоборот. Разогнала зверьё деятельность человека.

В долине между горок течёт речка Кельбес. Она не внушительна с виду, однако весной по ней, принимающей талые воды с огромной территории и оттого во много раз увеличивающейся в размерах, можно сплавлять напиленный за зиму лес. Что и делали лесорубы до той поры, пока не обзавелись лесовозами.

Если посмотреть на крупномасштабную карту, то ближе к Мариинску расположена на склоне горы Успенка-1. На другой стороне долины, на склоне соседней горы – Успенка-2, а чуть ниже по течению реки Успенка-2 переходит в Успенку-3. Считается, что обосновали последнюю Успенку заключённые, обустранивая для себя на выселках лагерь. Между этими всеми Успенками раскинулась Малиновая поляна, где находится пойма реки. Не зря, вероятно, топографы нанесли на карту такое название – был здесь видать когда-то богатый малинник. Сейчас же поляна представляет собой пятаки намытой земли, поросшие мятой и другой травой. И только редкие кустарники и деревья разнообразят теперь её пейзаж.

Владимир Иванович Герасимов, председатель комитета по земельной реформе Берёзовской городской администрации, первый, к кому я обратился, выясняя, что из себя представляет Успенка в территориальном подчинении, объяснил, что Успенский сельсовет включает Успенку 1,2,3, Юго-Алек-

сандровку, Дмитриевку, Левую Вершину, Сухие и Благовещенку. В последних трёх деревнях народ не живёт уже давно. Сейчас эти земли используются дачниками.

Владимир Иванович охотник, рыболов и истинный ценитель природы, помимо работы часто встречается с людьми Успенки, и кое-что знает из её истории.

— Ещё в прошлом веке, — рассказывает он, — на этой территории было обнаружено золото. Повсюду народ, пришлый и местный бил шурфы и отмывал золото. Работали и прииски. В частности, налевой Вершине, управляющим прииска был Василий Петрович Фалалеев. В Успенке сейчас живёт его дочь Елизавета Васильевна Смирнова. С этого прииска намывалось очень много золота, которое свозили в Ново-Николаевский госбанк по начинающейся от Нижней Суеты «царской» дороге. Труд был адский, но тот, кто хотел, мог за год заработать себе средства на обзаведение личным хозяйством. Кормили старателей, может быть, и не особенно хорошо, но в каждую субботу управляющий прииском обязательно выкатывал народу после баньки бочку водки. Бесплатно. Вообще по тайге в том районе очень часто встречаются давно уже заброшенные, травой и кустарником заросшие и обвалившиеся ямы шурфов искателей золота. Порасспросите древних старичков в самой Успенке. Они вам расскажут.

Василий Петрович Бутенко, бывший житель Успенки, рассказывает:

— Родом я из Барзаса. Там я школу закончил, оттуда ушёл в армию. Отец мой работал в Барзасском леспромхозе, потом получил перевод в Успенку, переехал туда и остался жить. После армии я женился и подался к родителям. Успенка — это один из таёжных посёлков, относившихся к Мариинскому Сиблагу. В ней, чуть выше пекарни, располагалась колония для заключённых. Сейчас на том месте гараж. Заключённых

в лагере было много. Сидели в основном по статье 58(враги народа). Они заготавливали лес и сплавляли его по реке в Яю.

Поселились люди на этом месте ещё в прошлом веке. Жили, ведя натуральное хозяйство. Сами ткали себе полотно для одежды, шили обувь, выращивали овощи, выкармливали скотину. До появления в ней лагеря заключённых Успенка была маленьким населённым пунктом. А потом понадобилось расширение посёлка и создание в нём условий для проживания многочисленных семей военнослужащих гарнизона. Были открыты в Успенке школа, клуб, библиотека, медпункт и несколько магазинов.

Именно заключённые вырубили вокруг посёлка весь хороший лес. До того, лет 50 назад, когда валили дерево, то на срезе ствола древесины была всегда белая, как молоко. А сейчас все деревья с гнильцой растут. Больной лес. Да и откуда ему быть здоровому? Повал леса заключённые вели бесконтрольный. Тайгу попросту грабили. Трелёвочные трактора подхватят несколько сваленных лесин и тащат их к определённому месту, всю почву за собой гусеницами и сучьями сдирают. Грязь в тайгу занесли, захламили её.

В 1965 году лагерь закрылся, уровень жизни в посёлке понизился. Содержание дорог, соцкультбыт ухудшились. На базе лагеря был открыт лесопункт от Барзасского леспромпхоза. Я в этом лесопункте работал несколько лет мастером, потом был избран председателем сельсовета. О лесорубах могу с полным правом сказать, что это были люди труда. Ты им предоставь масло, бензин, цепи на пилы, трелёвочники – и больше ничего не надо. Они будут вкалывать безо всяких подталкиваний. А ведь очень трудно работать зимой целый день в тайге, ходить, проваливаясь по пояс в снег, от одного дерева к другому и ещё вдобавок волочить за собой пилу. Порой от мороза деревенеют щеки и руки, согреться есть где, но

надо же давать план, если хочешь заработать. И давали, а зачастую гнали сверх плана кубатуру привычные ко всему лесорубы. Крепкие натуры могли выдерживать долго такой ритм работы. И таких у меня на участке было много. Обратитесь к Ивану Филипповичу Жизневу. Он был лучшим бригадиром на лесопункте. И сейчас ещё живёт он в Успенке, расскажет и о работе своей, и о посёлке...

Вот что сообщил мне Владимир Анатольевич Жунёв, глава администрации посёлка Успенка:

— На 1 января 1994 года на подведомственной нам территории проживает 750 человек. Непосредственно в Успенке – 515. Предприятий здесь мало: госпромхоз (отделение от Кемеровской «Промохоты»), лесничество, лесопункт. Раньше в лесопункте по 7-8 бригад работало, теперь-1-2. Кельбесское ГРП, производившее с 80-х годов разведку месторождения золота, закончила свои работы. В Успенке разрабатывают месторождение артели «Алтай» и «Тайга». Артель «Россия» – в Нижней Суе.

В 80-х годах у посёлка были хорошие перспективы, нам предрекали большое будущее. Проектировщики из Кемерово разработали застройку посёлка, изготовили его макет. Так вот, этот макет на ВДНХ СССР занял первое место. А это значит, что успенцам предполагалось создать самые современные (в таёжном медвежьем уголке!) условия жизни. По этому проекту планировалось построить спорткомплекс с бассейном, жилые кварталы и много других социальных объектов. И разве не достойны были жители посёлка таких условий? В Успенке мы пытались заниматься разведением кроликов, песцов и лис – не получились. Создали пчелосовхоз, ведь у нас отличные условия для содержания пчелосемей. Но все они погибли от различных пчелиных болезней. Наверное, не хватило знаний нашим специалистам.

Раньше шло финансирование соцкультбыта, и от нас требовали отдачу в виде воска, мёда, мяса и других продуктов лесного хозяйства. Мы это предоставляли государству, а сейчас вот у нас ничего нет, но надо решать проблему энергоснабжения посёлка, строить новую ЛЭП, а на что? Телефонная связь работает отвратительно, если не сказать, что совсем не работает. На её переоборудование необходимо затратить не менее 30 миллионов рублей. Где их взять? Этим летом из-за отсутствия финансов не построен мост около пекарни, не проложено 30 метров водопровода, под вопросом строительство магазина и школы.

А ведь областная администрация может воздействовать на золотопромышленников, чтобы они помогли нам, – это же сейчас основная действующая в Успенке организация. Почему они противятся и не перечисляют нам деньги за использование природных ресурсов, не соблюдают экологических требований?

Никто сейчас не хочет заниматься Успенкой. Мы не можем поддерживать в должном порядке дороги и улицы. И что плохо – жители посёлка, чувствующие себя никому не нужными, сами теперь не заинтересованы в соблюдении чистоты и наведении порядка вблизи своего жилища. Раньше мы с каждого двора взимали по два рубля на содержание дорог. Надо вернуться к этому.

Трудно стало жить в посёлке. Родители после окончания школы отправляют своих детей в город. Молодёжь нечем сейчас удерживать здесь, она и покидает посёлок. Здесь нет для неё работы. Досуг – пьянка. Пенсионеров в посёлке сейчас более ста человек. В школе учится всего 85 детей. Не хватает учителей. Четыре преподавателя приезжают из Берёзовского учить наших детей. Было раньше два детсада, сейчас один, но и тот временно не работает. Так вот и живём. Чем-то по-

могает ещё посёлку артель «Алтай», держимся за счёт дотаций из городского бюджета. Администрация всегда идёт нам навстречу, но определённой суммы предварительно, на год вперёд, нам не отпускает, а как бы оплачивает выставленные счета. А ведь, сколько проблем, требующих моментального решения, всплывает ежедневно, а телефонной связи нет и по каждому случаю не наездишься.

Дочь бывшего управляющего золотым прииском Елизавета Васильевна Смирнова Не захотела беречь свою душу, сказала только, что родители уехали с нею из деревни Левая Вершина в Китай. Жили там недалеко от Пекина в городе Каугане, где осело большое количество русских беженцев, которые основали в этом городе свою колонию. Это был как бы вывезенный в Китай кусочек России. Китайцы к русским относились доброжелательно. Смирновой нравилось жить в Китае. Там у них был большой дом. Сама она научилась разговаривать и читать по-китайски. Но в 1947 году родителям разрешили вернуться в Россию. И они покинули чужую страну. Жили вначале в Кемерово, в Успенку переехали в 1965 году.

Сведения скудноваты, но что поделаешь, если человек не желает рассказывать о себе. Есть видно на то причины. По всей видимости, она не может простить родителям желание вернуться на пускai и обидевшую их родину.

Иван Филиппович Жизнев оказался более разговорчивым. Может в этом помог ему приехавший из Красноярска зять, с которым вместе по молодости они работали на лесоповале. В обычных-то условиях из него, по словам зятя, слова не вытянешь. Хотя, с другой стороны, что скрывать то ему – по заграницам не ездил, вся жизнь собственными руками скроена и на виду у всякого.

Родился Иван Филиппович в Гавриловке, деревне Ижморского района в 1936 году. Имеет три класса образования. В

1955 году женился и ушёл в армию. В 1960 году переехал с женой в Глухаринку, где проработал на лесоповале 10 лет. В Успенке живёт с 1970 года. Вырастил троих детей.

20 февраля 1991 года он был уволен с Кельбесского ЛЗУ Барзасского ЛПХ в связи с уходом на пенсию. В трудовой его книжке пестрят записи о награждениях за хорошую работу. Каждый год отмечен благодарностью. В 1971 году его наградили орденом Трудового Красного Знамени, в 1974 – знаком «Победитель социалистического соревнования», в 1975 году вынесли благодарность за досрочное выполнение годового плана. В 1970 году наградили медалью «За доблестный труд» в ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. В 1979 году фотографию Жизнева поместили на доску Почёта. Ко всему прочему, был он и ударником коммунистического труда. В Пихтовке, что за Мариинском, проводились соревнования между вальщиками Кузбасса. На этих соревнованиях Жизнёв был признан лучшим.

— Мы валили лес на Еденце, Черниговке, Сухих и в других местах. – рассказывает он.

— Где разрешали – там и рубили. Когда нам отводили новый участок, то мы пробивали к его центру дорогу, завозили вагончик с печкой, основывали временную базу. По утрам вахтовка доставляла нас туда из посёлка. К нашему приезду сторож разогревал воду, трактористы заводили свою технику и мы разъезжались по делянкам. От делянок трелёвщики вывозили хлысты на эту базу. Оттуда уже древесину лесовозами доставляли в посёлок, либо к месту сплава. Обедать мы съезжались к вагончику. Здесь же могли починить вышедшую из строя пилу, или заменить её. Вечером оставляли технику под присмотром сторожа, а сами уезжали в посёлок.

Для сплава лес свозили на берег реки, и, когда появлялась самая высокая вода, сбрасывали брёвна в реку. Сплаваемый

лес сопровождали до границ своего участка. Бригада лесорубов состояла из вальщика, чокеровщика, тракториста и двух обрубщиков. Маленький коллектив. Друг у друга на виду. В такой ячейке без дружбы и взаимовыручки нельзя. Вместе работали десятилетиями.

— Вы говорите, что сопровождали лес по реке до границ своего участка. Объясните, пожалуйста, как это «сопровождали»?

Каждая бригада на время сплава была наделена участком реки. При сплаве брёвен лесорубы следили за прохождением леса, устраняли образующиеся заторы, сбрасывали попавшие на берег брёвна. Так они следовали до границ своего участка, и когда лес проходил через их участок, они сдавали хвост (весь этот лес) другой бригаде, которая в свою очередь проводила брёвна по своему участку и передавала следующим за нею бригадам. Таким вот образом лес и сплавляли по реке до самой Яи.

— Ну, а помимо работы как вам жилось в Успенке, чем вы занимались в свободное время?

— Летом в огороде работали, зиме готовились, в тайге грибы, ягоду собирали, рыбачили. Зимой иногда охотились. В основном же работали. Скучать некогда было. А если гуляли, то весело гуляли. Друзей много, знакомых — ещё больше. От предприятия постоянно нас собирали, устраивали праздничные вечера. Интересно было. И сейчас вот живём, не скучаем. Тяжелее, конечно, стало, но особенно не жалуемся, потому что пока себя обеспечить в состоянии...

Пока. В состоянии. А что будет потом, когда эти люди превратятся в совсем немощных стариков, наглядно убеждает плачевная судьба Егора Ивановича Рыжикова, в одиночестве живущего по соседству. Я встретил его во дворе, где тот, тяжело дыша и побряхтывая, пытался совладать с напильными

для дров чурбаками пихты и осины. Расколол всего две чурки и уже устал. Руки трясутся, вспотел. Продвигаясь мелкими шажками и опираясь рукой о стену, он провёл меня в свою избушку. Мы уселись за стол на кухне, и он рассказал о себе.

— Я барнаульский, родился в 1928 году. В 1944 году в групповой драке мы ранили одного парня, который скончался в больнице. Суд установил меру наказания в 20 лет. Первые 10 лет срока отбывал на Урале, потом перевели в Кузбасс. В 1964 году меня освободили.

Жить я решил в Берёзовском. Но на покупку дома денег не хватило. Поэтому пришлось уехать на Сухой. Там я жил и работал на лесоповале. После окончания Мариинского лесотехнического техникума меня перевели из рабочих в мастера. Стал жить здесь. Была семья – разошёлся. Во втором браке детей не было. Теперь вот один. Жена умерла. Никому не нужен остался. Болею часто. Лечить врачи меня отказываются, признавая слишком старым. Сам себя уже не могу обслуживать, и если бы не добрые люди, давно богу душу отдал бы.

— Если вам так плохо, то почему же вы не подаёте заявление в дом престарелых?

Подавал, нет месс. Я, было, предложил одному другу бездомному пожить со мной, да сам же и отказался от него: уж очень беспокойный товарищ. Плох стал, совсем плох стал я. Привезли дрова, а я с ними не могу управиться. Уголь ещё должны подвезти. Вот только переживу ли я зиму.

Дом Лидии Александровны Крыгиной стоит на окраине Успенки. Метров за 150 ниже её дома начинается Малиновая поляна. Лидия Михайловна родилась в деревне Иверка Ижморского района в 1922 году. В Успенке живёт с 1950 года.

Знакома была с первыми поселенцами, которые утверждали, что Успенка существовала уже тогда, когда красные гнали в 1920 году по Мариинскому тракту колчаковцев.

В 50-х годах с этого края Малиновой поляны была построена драга. Для её работы брали грунт из долины до 6-8 метровой глубины и промывали его в Кельбесе. Драга прошла около 800 метров. В 1957 году её закрыли. На всех работах в Успенке тогда трудились в основном мужчины, женщины воспитывали детей и вели домашнее хозяйство. Не была исключением и Крыгина. Для пенсионного стажа она смогла отработать на разных работах в Успенке 16 лет. С 1964 года – на пенсии.

Дом Сергея Корнеевича Кожемяко стоит на самой первой улице посёлка. Родители Сергея Корнеевича приехали в Успенку с Украины в 1928 году, и родился он уже здесь в 1930 году.

— Тогда, – вспоминает он, – в Успенке было всего 4 дома. Одним из первых основателей Успенки был Иван Егорович Урасимов. Из Украины тогда приехало 28 семей. Осмотрелись, кому не понравилось, и у кого остались деньги на обратную дорогу, те вернулись. Из этой партии поселенцев 16 семей осело в Успенке. Они построили себе избы, купили скот, мужчины стали мыть золото.

До 1954 года золото в Успенке добывали подземным способом: рыли штольни, спускались вниз до 30 метров и потом вели горизонтальные разработки. По тоннелям высотой в два метра и шириной в полтора метра на тачках вывозили из забоев руду, ссыпали её в бады и воротом поднимали наверх, где её и промывали.

Когда в 1954 году запустили драгу, золоторудные шахты прикрыли. За день драгой добывали до 1 килограмма золота. Раз в неделю это золото отвозилось в Салаир. Драга отработала всего 4 сезона. Потом её стало неэффективно использовать. Ведь на сезон для неё надо было заготовить не менее полутора тысяч кубометров дров. Я до 1958 года работал золотодобытчиком. В 1958 году устроился работать конюхом в лесничество,

где отработал 13 лет, потом 12 лет работал возчиком в школе. Когда уходил на пенсию, то мне за хорошую работу дали шестилетнего коня. Сейчас держу корову, свиней, кур. Кто из золотодобытчиков не пил, работал, тот за год на хозяйство мог заработать денег. По труду плата была. По труду...

Выискивая сведения об Успенке в городском архиве Берёзовского, я натолкнулся на протоколы сельских Советов. В 1921 году председателем сельсовета был

Х. С. Назаренко. 16 апреля на своей сессии депутаты рассматривали итоги работы Кельбесского «Золотоснаба». Заместитель начальника этого учреждения Т. В. Александров докладывал собравшимся: «сейчас мы не можем получить ни одного литра керосина (в то время освещение посёлка осуществлялось керосиновыми лампами), также нет патефонов – рабочий тратит время на их поиски в Кемерово».

М. А. Терещенков, депутат сельсовета, ставит вопрос ребром: «Работники Кельбесского управления пешком не ходят, а ездят в контору на лошадях, рабочим же продукты на драгу не доставляются. Я предлагаю рассмотреть вопрос, как будет снабжаться драга 311. Рабочие сейчас носят на себе продукты за 10 километров.

И еще: работают все хорошо, но почему-то одеяла, поступающие в посёлок, продают по спискам. Это недопустимо. Также и с клеёнкой. Получается, кому много, а кому ничего».

Докладчик И. А. Рау говорил о необходимости принятия плана на издержки, о таре, которая ломается и всегда отсутствует, об отсутствии у продавцов политической подготовки. «Нужно вежливо торговать и культурно вести себя: культурно отвечать клиентам» – отмечал он.

Заведующий магазином Караваев объяснял невыполнение квартального плана тем, что рабочим уже три месяца не выдают заработную плату, им не на что покупать товар.

Выписка из этого протокола отображает (за исключением керосина) наши проблемы дней 1995 года. А ведь минуло с той поры 43 года, считай полвека.

В 1952 году депутаты требовали от предприятий и граждан Успенки к 35-летию Советской власти полностью погасить задолженности по налогообложению. Начальник лесспромхоза С. Ф. Стариков выяснял на сессии у присутствующих, на каком это основании гражданин Замышанский строит себе дом на территории, принадлежащей школе. Поднимался вопрос и о дисциплине среди депутатов, когда из-за неявки депутатов срывалось проведение сессии.

Много ли дал полувековой технический прогресс человечества нашей Успенке, обладательнице золота, леса и такой красивой местности? Хотя зачем плакаться? У живших раньше и живущих сейчас – схожие проблемы, но мы обитаем то не на Марсе, а на Земле и подчиняемся земным законам существования. Просто жизнь на ней продолжается уже нами. И мы должны делать то, что нам предназначено.

НЕ ЗАБЫВАЕТСЯ ТАКОЕ НИКОГДА

Когда над тобой, едва не задевая голову, с жутким свистом пролетают вражеские мины; а одна из них вдруг падает рядом, в щепы разнося соседнюю опору линии электропередач – удовольствие маленькое болтаться на пятиметровой высоте, и, вцепившись железными когтями в столб, одной рукой распутывать провода. Натягивать и скручивать их, восстанавливая нарушенную артобстрелами связь. Пункты связи расположены друг от друга на расстоянии 10-12 километров. И эти километры обслуживают 5-6 бойцов. В их обязанность входит поддерживать постоянную связь полков со штабами армий и фронтов.

Бомбардировщики противника и диверсанты направляли свой смертоносный груз не только на скопления техники и живой силы, связь – тоже очень важный объект военного назначения. И тому, что тебя, как кукушку, порой снимают со столба пуль или осколком снаряда – удивляться не приходится. На войне как на войне. Война – это кровь, смерть, страх, злоба. И долг перед Родиной. И трибунал за пренебрежение к своим обязанностям. А если тебе всего 18 лет и очень хочется жить? Сложная, очень сложная штука – война...

Владимир Фёдорович Титов, 1926 года рождения, был призван в армию в январе 1944 года из родной деревни Филимоново Брейтовского района Ярославской области. На Белорусском фронте воевал в составе 241 отдельного батальона правительственной связи. Участвовал в освобождении Белоруссии, Литвы и Латвии. За участие в боевых операциях при прорыве глубоко эшелонированной обороны противника юго-восточнее Риги (часть операции «Багратион») личному составу батальона объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего...

— В 1938 году умерла наша мать, – рассказывает Владимир Фёдорович, – кроме меня в семье было два брата. Отец женился на другой женщине. Но и мачеха от болезни умерла через год. По характеру своей деятельности отец часто менял место жительства. Оставшись с детьми один, он не решился жениться в третий раз, рассчитался и вернулся на свою родину, в Филимоновку.

Весной 1941 года я поступил в Рыбинское ремесленное училище при авиационном заводе. Хотелось освоить специальность слесаря-лекальщика, научиться выкраивать фюзеляжи и крылья краснозвёздных машин. Но начавшаяся война сорвала мои планы. Отца и старшего брата сразу же мобилизовали в армию. Другой брат был инвалид и остался в деревне работать завклубом. Мы же некоторое время продолжали

учиться. Но Рыбинск – большая узловая железнодорожная станция. В его окрестностях расположена плотина Рыбинского водохранилища. На этой плотине – гидроэлектростанция, питающая своей электроэнергией несколько военно-промышленных предприятий города. Поэтому с первых дней войны немецкие бомбардировщики и днём и ночью старались «достать» военные объекты. Наши зенитчики и авиация отбивали их атаки, и тогда немецкие лётчики, не достигнув своей цели, сбрасывали свои бомбы на жилые кварталы.

Однажды днём мы, ремесленники, рыли вручную траншею для водопровода. Вдруг завывли сирены противовоздушной обороны, мастера начали загонять нас в подвал. Но мы, несколько мальчишек, решили посмотреть на черырёмоторный громадный немецкий бомбардировщик, который плавно летел над городом в сопровождении наших истребителей, казалось, прямо на нас. Ему не дали отбомбиться, взяли в клещи и теперь выводили из города. Немецкие лётчики хотели жить (их было в самолёте 6 человек), поэтому они согласились сдаться. Сбросив бомбы в поле на окраине города, они были вынуждены сесть на аэродром охраняющей город авиачасти. Но мы об этом узнали потом, впечатление же от пролетающего над нами железного, несущего в себе смерть дракона было потрясающим.

Немцы приближались к Москве, Тихвину – возникла необходимость эвакуации военных заводов. И вот мы, пятнадцатилетние пацаны, вместе со стариками и женщинами начали разбирать оборудование авиационного завода и грузить его на платформы. В октябре это оборудование было размещено на большой барже, туда же посадили нас, и мы поплыли вниз по Волге. За Кинешмой, приблизительно в 300 километрах от Рыбинска, тянущий баржу колёсный буксир остановился, потому что Волга начала сковываться льдом. Причалили мы к безлюдному берегу. Продукты кончились. Два дня голодали.

Никто нас не ищет и никому мы не нужны. Ремесленники испугались. Взрослые убеждают потерпеть, кто-то из них двинулся за помощью в сторону ближайшего города. А мы вторым: Николай Мошков, татарин Абес и я, решили убежать от голода домой. Уже много ребят к тому времени разбежалось. Ночью мы снялись с баржи и отправились. Холодно, одежда не по сезону, без еды – несколько суток шли от деревни к деревне до станции. Добрались домой, не пропали. Но потом уже я своих друзей не увидел – оба погибли на фронте.

Вернувшись в деревню в конце ноября 1941 года, я до самого призыва работал в колхозе. Нас часто посылали на лесозаготовки, а также на Рыбинское водохранилище заготавливать дрова для пароходов. И в колхозе мы заготавливали чурки для газогенераторных машин. Я жил у деда с бабой. Старший брат погиб весной 1943 года. Отец вернулся домой больным и через неделю скончался у меня на руках. В январе 1944 года дед с бабушкой проводили меня в армию, вывели за околицу, и больше я их не увидел: бабушка умерла в марте 1944 года, дедушка – в апреле 1945 года, не дожив до Победы всего один месяц.

По окончании войны (тогда мы находились в Латвии) наш батальон расформировали. Старых солдат отпустили домой, а нас, молодёжь, небольшими группами отправляли в разные места дослуживать свой срок. Я попал в Польшу. В январе 1946 года окончил там полковое училище младших командиров и стал служить в качестве начальника поста связи.

Вроде бы мирное время наступило. Их полк обеспечивал ВЧ связью Северную группу войск с оккупационными войсками и охранял кабели верховой линии. Официально война была закончена, но то тут, то там её языки вспыхивали бандитскими налётами на малочисленные подразделения наших войск. Смерть предательски могла затаиться за каждым кустом, углом, подворотней. Особенно она подстерегала свою

добычу ночью и подленько нападала, оглашая окрестности автоматной стрельбой и разрывами гранат. Каждую минуту нашим солдатам там, на чужбине, приходилось быть начеку.

Однажды только сели связисты подразделения, в котором служил Титов, ужинать – окно прошла автоматная очередь. Зазвенели стёкла, пули ударили в стену. Солдаты от стола сразу же бросились на пол. Командир Жданович схватил ручной пулемёт и выскочил наружу. Бойцы – за ним и открыли огонь по убегающим бандитам. А те скрылись в двухэтажном доме на чердаке, и давай русских поливать очередями. Ждановича ранило. Он крикнул: «Титов, быстро! Постарайся попасть гранатой в слуховое окно. Мы отвлечём». Через некоторое время Титов добрался до этого дома, и оглушительный взрыв потряс здание. Бандиты замолкли. Навеки.

Вот так и пришлось служить до 20 декабря 1950 года В. Ф. Титову. В общей сложности он отдал армии 7 лет. После демобилизации поехал в Казахстан поднимать целину. Там встретил свою будущую жену и в 1956 году переехал жить в Кузбасс, на её родину, в Белово. До 1974 года работал на шахте «Южная» (потом её назвали «Новая») проходчиком второй руки (степень квалификации), а затем шесть лет проходчиком первой руки. А потом его перевели на другой участок работать ГРОЗ-ом, где и трудился до 1974 года. В том году он согласился переехать в Берёзовский, шёл набор опытных рабочих на шахту «Первомайская». С неё и ушёл на пенсию в 1993 году.

За свой доблестный труд в угольной промышленности Кузбасса Владимир Фёдорович Титов получил немало благодарностей, ценных подарков и почётных грамот. Был награждён орденом «Знак Почёта», медалью «За доблестный труд», «Ветеран труда», а также медалью ВДНХ, знаками «Шахтёрская слава» трёх степеней. Его имя занесено в книгу Почёта «Летопись борьбы трудящихся Кузбасса за коммунизм».

За участие в боевых операциях в годы Великой Отечественной войны он был награждён медалью «За победу над Германией» и орденом Отечественной войны второй степени. И в личной жизни следует отметить его можно сказать выдающиеся успехи. Ведь он вырастил хороших детей: сын по комсомольской путёвке в 1975 году поехал на БАМ, принял участие в его строительстве, да там и остался жить. Дочь Благополучно живёт в Белово. Владимир Фёдорович ещё сравнительно молод, но его по праву уже можно считать прадедушкой. У него четверо внуков и один правнук.

Много довелось испытать В. Ф. Титову за свою жизнь. Война ему, как и всем россиянам, доставила много горя. Но и ещё она закалила его как человека. Он счастлив, что несмотря ни на что, выбрался из этой мясорубки живым, на нём не закончился род Титовых – вон их уже, сколько живёт на свете! Сейчас же Владимир Фёдорович встречается иногда с бывшими однополчанами (разыскал некоторых), ездит к ним в гости. Старым друзьям есть что вспомнить. Такое ведь не забывается. И не забудется никогда.

Апрель 1996 года.

ЮБИЛЕЙ АЛЕКСЕЯ ПЕТРОВИЧА

10 января 1997 года исполнится 60 лет главному механику ЦОФ Берёзовская Алексею Петровичу Бадраку. Безжалостное время отметило сединою его голову, разбросало горсточку мелких морщин по кажущемуся крупным от залысин на висках лицу и затаилось в серовато-добрых глазах все понимающей мудростью. Твёрдая поступь, крепкое рукопожатие, уверенность движений и ясная речь – всё говорит о том, что

этот человек чувствует себя превосходно и бремена годов не замечает. Да и какое это бремя – 60 лет?

Работает на фабрике Алексей Петрович с пуска её в эксплуатацию в 1969 году, но родным предприятие это стало для него намного раньше – с 1965 года он принимал активное участие в возведении Берёзово-Бирюлинской ЦОФ (так она называлась раньше), работая в дирекции строящегося предприятия в должности главного механика по оборудованию. Принимал от строителей и наладчиков монтируемое оборудование.

По отзывам руководства и рабочих, на фабрике сейчас нет человека, равного Бадраку по знанию фабричного оборудования и способного «лечить» это оборудование. Алексей Петрович обладает энциклопедической памятью. В голове его навсегда отпечатались места расположения и типоразмеры узлов механизмов, находящихся в машзалах главного и вспомогательных цехов, и это, конечно же, очень помогает ему в работе. Вовремя сориентироваться в обстановке – это ли не гарантия предотвращения аварийных ситуаций? Как руководитель он хорош ещё и тем, что в любых экстремальных ситуациях никогда не позволяет себе необдуманных действий, не срывается на крик, не даёт волю своим эмоциям, а исследуя случай (порой для этого достаточно нескольких минут, чтобы определить «болезнь») без дёрганий доискивается первопричин, чтобы, устранив их, не допустить уже в будущем повторений происшедшего.

В обращении с подчинёнными Алексей Петрович прост. К нему в любое время, если надо, идут за помощью и советом как личного, так и производственного характера. И всё, что в его силах, он делает, никогда не отнекивается, не заслоняется сверхзанятостью. Хотя времени, конечно, не хватает, ведь он отвечает за всё производство, за все привода и действующие механизмы. Но если нужно разъяснить молодому инженеру

принцип действия того или иного механизма – он, не считаясь со временем, будет объяснять. Рабочему-погорельцу он без задержек будет содействовать в оказании эффективной материальной помощи.

Раньше он часто подключался к устраняющим аварии рабочим. Засучит рукава и давай крутить гайки. Выполнял любые слесарные работы, а если надо – и сварные. Ведь он же, ко всему прочему, ещё и квалифицированный сварщик.

Во вверенном ему коллективе Алексей Петрович всегда стремится к созданию тёплой, товарищеской атмосферы. За правило взял каждое утро поздравлять своих работников с праздником. С первым днём недели – куда ни шло, с пятницей – понятно, остальные-то рядовые дни, чем они хороши и замечательны? Но он рад, по-видимому, что они есть и он в них тоже есть. С этим и поздравляет. Кто-то на эту его причуду посмеивается, но всем приятно. А ещё он знает наперечёт дни рождения своих подчинённых и, бывает, что даже совсем неожиданно обращается с поздравлением к забывшему свой день ангела человеку.

Профессиональные способности своих работников (отзыв мастера производственного обучения Н Е Чащиной) на экзаменах выявляет Бадрак очень тщательно: ему с ними работать, не кому-нибудь. Но не по существу вопросами ставрется не заваливать. Объективен. Какого разряда работник работу может выполнять – такой разряд ему и присваивает. Справедливый, короче, начальник он. Правонарушителей не любит – наказывает строго. Но за это на него не обижаются.

У Алексея Петровича уже 40 лет трудового стажа. В 58 лет он стал получать пенсию. Раньше на два года дали пенсию ему потому, что во вредных условиях работал, сварщиком, обогатителем – таким людям льготный стаж полагается. Заслужил пенсию и продолжает работать «А чего – говорит – мне остаётся?

Единственное, что умею и могу хорошо сейчас делать – это хорошо работать. Знания есть, опыта предостаточно и здоровье ещё полностью не растратил. Буду трудиться, насколько сил хватит».

А трудиться он может. От него пользу большую фабрика получает. За 27 лет работы на ЦОФ он заслужил (если полистать трудовую книжку) 40 благодарностей с премиями и без них за высокие показатели в работе и поданные им рацпредложения. Он постоянно что-то выдумывает, усовершенствует, внедряет, для людей старается. Ум у него так устроен: на что не поглядит он – в любом из занятых в технологической цепочке обогащения угля механизме всегда отыщет ещё не доведённую до совершенства детальку. Посидит, поколдует над ней пару вечеров. Глядишь – и появилось рацпредложение, с внедрением которого производство получает экономический эффект, обслуживающий этот механизм рабочий – дополнительные удобства. Имеет Алексей Петрович за свой труд медаль «Ветеран труда», знак «Отличник соцсоревнования Министерства угольной промышленности». А за поданные и внедрённые в производство идеи усовершенствования оборудования он получил звание «Лучший рационализатор». В 1982 году ему присвоили звание «Заслуженный рационализатор Кузбасса».

Так что можно смело говорить, что выход ЦОФ Берёзовская в число передовых предприятий не только нашего города произошёл и благодаря самоотверженному труду А. П. Бадрак и его коллектива по совершенствованию технологии и технологическому перевооружению предприятия.

Родом Алексей Петрович из Прокопьевского района Кемеровской области. В семье у них было две сестры и три брата. Родители привили любовь к труду и знаниям в детстве ещё. В 1956 году он закончил в Новокузнецке Сталинский строи-

тельный техникум. С этого времени и работает. Женился еще, когда в техникуме учился. Дочь и сын у него уже взрослые. Обеспеченные.

Раньше Алексей Петрович, когда не был занят работой, любил по стране путешествовать, используя маршруты планового туризма: заехал в Москву – посетил Мавзолей, в Ленинград – Эрмитаж, в Казань – Кремль ханский. Ну а на Кавказе – так всё более, пока лечился, вокруг окрестности санаторные изучал. Когда машину заимел – автотуристом колесил по стране. Сейчас перестал путешествовать. К земле потянуло. Вот и коттедж построил и стал земледельцем. В следующем году планирует он из квартиры в коттедж переехать. А квартиру отдаст внукам. И то – что вырастет на огороде, – им тоже. А о ком ещё больше думать? Не на словах, а на деле нужно предоставлять детям всё лучшее. Да и кто им, как не мы, помочь сможет?

1997 год.

ДОЛГОЖИТЕЛЬНИЦА

17 января 1997 года для неё произошло великое событие: она прожила сто лет и ещё один год. Разменяла небрежно второй век! Это же надо – прожить столько! Такое удаётся не каждому, а вот ей, Варваре Алексеевне Дурновой, удалось. Завидно? Конечно! Кто же она, эта удивительная женщина, что выпало на её долгую жизнь и что помогало ей сохранять себя – об этом и пойдёт наш рассказ.

Родилась она в Новосибирской области в селе Верхний Майзас в семье зажиточного крестьянина в 1896 году. Трудом и собственным потом создавали семейное благополучие и счастье родители. Из Смоленской губернии в начале про-

шлого века за лучшей долей подались они вслед за ходоками в Сибирь и здесь нашли своё место. Детей в этой семье любили. Пять братьев и три сестры было у Варвары Алексеевны. Подрастали дети, обзаводились семьями, но из отчего дома не спешили уходить: проще и легче было тогда жить семейной общиной. А вот Варвара Алексеевна в 1912 году шестнадцатилетней девушкой выйдя замуж за Семёна Степановича, отважилась, посоветовавшись с мужем, начать создавать свой семейный очаг. Обзавестись собственным хозяйством им помогли родители. Сельских угодий в те времена хватало на каждого. Получай надел, вкладывай в него душу и пользуйся плодами своего труда. С малых лет приученные к тяжёлому крестьянскому труду они очень быстро стали вполне самостоятельны. Появился достаток в доме, родились дети. К 1929 году их у Варвары Алексеевны было уже шестеро. Как грибки росли они ладненькие да крепенькие.

— Дети не мешали мне во всём помогать мужу, – вспоминает Варвара Алексеевна, – жать пшеницу и рожь, косить траву, трепать лён, ухаживать за скотиной, да и много другой домашней работы переделывала я за день. А чтобы успеть всё сделать, вставала с петухами, спать ложилась после всех. Семён Степанович мой тоже был хваткий до работы. Любое дело кипело в его руках. Он мог выстроить хорошую избу, изготовить мебель, выделать шкуру и сшить сапоги или шапку. Понимал он и в механике, кузнечном деле. Умел ремонтировать сельхозинвентарь, пахал, сеял, убирал урожай. Трудолюбивый и рачительный был хозяин. К началу коллективизации в стране мы числились по селу одними из первых кулаков. Жили в достатке, имели много скота, на сезонные работы ввиду нехватки рабочих рук, нанимали людей. Старались, чтобы хозяйство наше процветало. И напрасно, как оказалось, трудились так рьяно, рвали жилы своей работой. Когда начали и у нас загонять народ в колхозы,

нашу семью бедняки-активисты подвергли раскулачиванию. Отобрали скот, нажитые вещи, сельхозинвентарь, и с шестью детьми выгнали из дому. Мужа арестовали и посадили в тюрьму на 10 лет. Только не в тюрьме он сидел, а отправили его вниз по Оби, в Колпашёво, строить на пристани лабазы для хранения продуктов и пушнины. Там он отличился на стройке как мастеровой человек. За хорошую работу ему убавили срок, и через три года он вернулся в родное село. А я, пока он отсиживал, без угла и средств существования ходила с детьми по людям, нищенствовала и перебивалась случайными заработками. Куску хлеба, брошенному сердобольной хозяйкой, рада была. Чего уж там. Мы ведь считались врагами народа. Прятали доброту свою люди при встрече с нами, опасно было жалость к врагам проявлять. Детей не иначе, как кулацким отродьем, величали и сверстники из бедноты постоянно их задирали и обижали.

— Не лучше и раньше было нам в гражданскую войну: белые заходят в село – им кланяться, красные – тем тоже неси бесплатно молоко, яйца, петухов, сало. Расписку дадут, что реквизируют у тебя продукт или лошадь для нужд защитников Отечества, а получать не с кого по ней. И те и эти, считалось, за правое дело убивали друг друга, нас защищали. А мы им за это обязаны были платить.

Когда вернулся в деревню муж, то в образовавшийся колхоз поступать не пожелал, уехал в Нарым. Присмотрел избушку в посёлке Новый Игл. Дог него от Васюгана сорок километров по болотам идти надо. Лошадьми проехать можно было только зимником, а по реке если плыть, то надо было покрыть расстояние в 600 километров. Глухомань – никакая сила, казалось, не потрясёт это сонное царство. Варваре Алексеевне не хотелось уезжать из Верхнего Майзаса – родина всё таки, но в Игл поехала. Купили они избушку, обустроились. Колхозы ещё туда не добрались. Крестьяне жили вольно. Но недолго и

они были вольными, уже через девять месяцев после приезда Дурновых в Игл пришла разнарядка о создании здесь колхоза. Дурновы, давно уже Советской властью обобранные, теперь к бедноте относились и были одними из первых кандидатов в члены колхоза. Своим отношением к труду и способностями Семён Степанович очень скоро был признан в колхозе ценным работником. Колхоз развивался бурно, содержал коров, лошадей, овец, засеивал большое количество лошадей, овец, засеивал большое количество площадей. Богатый был. С достатком и люди стали жить в Новом Игле. Семья Дурновых из избышки переселилась в отстроенный хозяином красивый и просторный дом – пятистенки.

К 1941 году было уже у Варвары и Семёна девять детей. Дети подросли, стали помощниками отцу с матерью. А как началась война, мужа и двух старших сыновей забрали в армию. Но вскоре демобилизовали Семёна Степановича по состоянию здоровья, сыновья же вернулись лишь после окончания войны.

В войну всё, что вырастет на полях, мясо, молоко на фронт отправлялось. Вязали шарфы, носки, варежки. Для победы над врагом последнее от себя отрывали и слали бойцам, отцам своим, мужьям и сыновьям. А сами питались, чем придётся. Несладко жили, детей растили, хозяйство поддерживали. Надо было так, и никто не задавался вопросом: почему надо?

С войны вернулись сыновья Варвары Алексеевны, один весь израненный и с наградами, другой лиха перенес в немецком плену. Не это важно. Важно было то, что живые вернулись к отцу с матерью.

В 1943 году Варваре Алексеевне было присвоено почётное звание «Мать-героиня» и награждена она тогда была за десятого ребёнка. Потом ещё двух родила.

Жить в Новом Игле после войны стало несподручно. Война всколыхнула и этот забытый богом уголок. Молодёжь на-

чала разъезжаться в разные города. школу за ненадобностью закрыли. Рабочих рук в колхозе не хватало – объединили три колхоза в один, но и этим не спасли хозяйство от угасания. Перестало приносить доход колхозникам сельское хозяйство. Народ подался в тайгу, на лесоповал. Тяжёлый и опасный труд, но куда же ещё тут устроишься?

Взрослые дети Дурновых разъехались из посёлка по Сибири. Подросли младшенькие и родители их отправили к старшим детям. Самый старший сын переехал после войны в Белый Яр, что на Оби и забрал в 1961 году к себе отца с матерью. Из закрывшегося посёлка Анпалык в 1962 году вместе с семьёй переехала в Берёзовский одна из старших дочерей Тая. Самая младшая дочь Маргарита, жившая в Краснодаре, в 1978 году, после смерти своего мужа, по просьбе родных вернулась в Сибирь. Приехала к сестре Тае. Родители помогли ей приобрести дом в Берёзовском и жить стали с ней.

В 1980 году Семён Степанович умер. Варвара Алексеевна же здравствует и по сей день. Конечно, годы берут своё. Немощной стала старушка, да и память ослабла. Лично ей уже ничего не надо. Вот только дочкам её хорошо бы было и внучкам, которых у неё 29, и правнукам тоже. Их у неё 36!

Многое повидала она за свой долгий век. Две войны пронеслось ураганом над нею. Политические преобразования в стране разорили её, раскидали, отобрали у неё собственным трудом нажитое добро, ввергло семью в нищету. Но выстояла она. Нашла в семье опору, в своих детях силу для жизни черпала. И добрые люди тоже помогали ей. Обиженный представителями власти, муж Варвары Алексеевны сумел побороть в себе неприязнь к новой власти, подчиниться ей. Плохо ли, хорошо ли, но он прожил отмеренное ему. И никто не сможет укорить его, в работе и только в ней видевшего весь смысл своей жизни. Что помогло выстоять Варваре Алексеевне в этой

жизненной круговерти, если не такая же жадность к работе, которая не позволила ей отвлекаться на праздные мысли и абсурдные пожелания. И не то что жадность, а необходимость эту работу делать своевременно и безостановочно. Как на конвейере – если отвлечёшься, то он поломаётся и остановится. И нельзя, поэтому отвлекаться, когда он движется, нельзя расслабляться. Надо было настраивать ритм своей жизни на ритм движения конвейера эпохи. И двигаться с этим конвейером пока хватит сил. Может быть, в этом и есть спасение и рецепт долголетия? Сто лет – это же очень много. Только вдумайтесь – сто лет жила она и ведь не только работой – детьми жила, согревая их своей любовью и заботой.

1997 год.

ЖИЛА ТОГДА РАДОСТЯМИ СЫНА, ТЕПЕРЬ – ВНУЧАТ

Петухи встают раньше всех. У них должность такая – славить наступление дня. И голоса соответствуют этой обязанности – пронзительные. Горластые птицы любого «достанут», разбудят и поставят на ноги. И петуха не ухватишь в досаде рукой, не засунешь, как будильник, под подушку. Петух – вольная птица, живой Хронограф нашего времени.

Евдокия Евменовна Формулевич пять лет как работает дворником, привыкла вставать с петухами. Чуть только забрезжит рассвет, а она уже с метёлкой своей, ведром и совком суетится вокруг многоквартирного дома, вдыхает утренний озон, впитывает в себя поэзию пробуждающегося города. Осенью сгребает она в кучки разноцветную листву с опавших тополей – зимой расчищает дорожки от снега, прокладывая

ет тропы для жильцов дома, чтобы чуть позже без помех они могли разбежаться в разные стороны по своим делам.

Евдокия Евменовна на пенсии, ветеран труда, инвалид второй группы. Живёт в однокомнатной квартирке, полученной ещё 30 лет назад. Родилась она в 1928 году в Новосибирске, потом родители переехали в Кемерово. Когда началась война, отца забрали в армию, а мать устроила её на Кемеровскую швейную фабрику. Здесь Евдокия Евменовна, или «маленькая» Дуся, (была в бригаде и большая Дуся) проработала всю войну. Шила вместе со взрослыми женщинами гимнастёрки, картузы, шинели для воюющих на фронте бойцов.

Большой цех, коллектив, работа была напряжённой. За смену надо было сделать определённое количество вещей, только тогда ты имела право получить к обеду ещё и 10-граммовый кусочек масла., вспоминает Евдокия Евменовна. А это было такое лакомство! Поэтому работаешь и всегда поглядываешь на соседние столики: упали у них флажки, значит, они уже выполнили план, заработали на масло, и ты торопишься догнать их и тоже стать обладательницей деликатеса.

Посмотри-ка, что сделалось с моими руками,— показывает Евдокия Евменовна свои руки. — От частых уколов иглы и нарывов суставы пальцев стали бесформенными и болят. Работали мы помногу. А после работы не отдыхали, нет. Нас, молодых девчат, заставляли учиться вязанию и плетению кружев. Свободного времени не было. Тогда не было учебных пособий, руководств по вязанию: что покажут тебе на занятиях, усваивай скорее и применяй, вяжи из шерсти вещи для фронта получше и побыстрее».

Отец Евдокии Евменовны немного повоевал — в 1942 году контуженный вернулся домой. В 1946 году он с матерью, решив заняться сельским хозяйством, переселяется в Барзасский район, в деревню Фёдоровка. Евдокия продолжает

трудиться и жить в Кемерово. В 1950 году она вышла замуж и переехала к родителям.

Незамысловатая судьба у неё получилась: в 1953 году родился сын Коля, жизнь с мужем, дебоширом и пьяницей, не сложилась, и она решила всю себя посвятить воспитанию сына. Думать о новом замужестве не хотела, потому как считала, что никогда не станет родным её сын для нового избранника.

В Берёзовском Евдокия Евменовна начала работать на растворном узле, строила шахту «Берёзовская». Через несколько лет её перевели на построенный завод железобетонных изделий. Она помнит молодыми парнишками сегодня «заматеревших» в строительстве, выросших из мастеров и прорабов в асов строительного дела Ермолу, Зверева, Кривчикова. Это они, когда поджимала производственная нужда, дневали и ночевали на растворных узлах, убеждали рабочих сверхурочно выдавать бетон и гнать, гнать его на задыхающуюся стройку.

Растить сына одной тяжело было Евдокии Евменовне. Помощи ждать было неоткуда, и она всегда старалась полагаться только на себя. Сверхурочная работа на растворном узле, ночные дежурства на производстве в качестве сторожики, мытьё полов – не перечислить всего того, чем она занималась, чтобы заработать для семьи лишний рубль. Жила она с сыном сначала на Фёдоровке, потом получила квартиру в городе, на улице Мира. Мальчишка рос умным, понятливым, не шkodливым. Конечно, всякая мать должна хвалить своего ребёнка, но так ли уж она была не права, с гордостью рассказывая, как он вместе с ней, а, бывало, и совсем ее, заменяя, сторожил, подметал территорию, помогал мыть полы. А то, что без всяких понуканий к приходу матери старался сварить ей, уставшей, покушать, сделать уборку в квартире, то есть всячески облегчить её долю, разве не свидетельство того, что мать воспитала сына как надо?

Она с удовольствием показывает мне снимки из семейного фото-альбома. Её, маминых, снимков в фотоальбоме мало – страницы его в основном занял сын со своими друзьями. Вот он маленький, вот на учёбе, на отдыхе.

— А что же это он ноги кверху задрал, йогой занимается? – спрашиваю женщину, запнувшись взглядом на одной из рассматриваемых фотографий.

— Это его на представлении сняли. Он еще, когда в школе учился, очень увлёкся цирком, ходил в секцию по акробатике, жонглировал. Цирковое искусство заочно как бы осваивал и очень часто ездил в Кемеровский цирк. Там при цирке он с мальчишками и получал необходимые навыки, а потом показывал артистам подготовленные номера. У него друзей много было: Толя Лотик, Саша Поперняк, Витя Прокопьев (теперь он начальником узла связи работает). С хорошими мальчишками хороводился. Придёшь, бывало, с работы, а он с кем-нибудь да возится: то конфеты шоколадные надумают изготовить, то блины испечь, а то брюки себе решил сшить – купил ткань, распорол старые брюки и по ним раскроил и сшил себе новые. Получились, да ещё какие модные!

— Что-то вы всё о сыне, да о сыне мне рассказываете, а о своей личной жизни и словечка не поведаете.

— Вся моя личная жизнь тогда в сыне одном и сосредоточилась. Им и для него я жила, и радовалась его радостям. Но я его не баловала, некогда было носиться с ним, как с кадиллом. Я ему всегда говорила: давай жить так, чтобы и тебе не было стыдно за свою мать, и я за тебя нигде бы не краснела. После училища его в армию взяли, а как отслужил – стал работать на сцене Новосибирского цирка. У Коли был свой номер: эквилибр на катушках. Но и клоунады он исполнял, и жонглировал, и прыжки разные делал. Он и петь умел, ещё здесь в оркестре играл.

С Новосибирским цирком сын ездил по Союзу, а потом попал в Якутию, стал служить механиком в Аэрофлоте. Он и сейчас с ребяташками занимается цирковым искусством, мечтает, как на пенсию выйдет, всё своё свободное время отдавать цирку. В Якутии он живёт на берегу озера. Я была у него уже не один раз. Внучонок на следующий год пойдёт в школу, так я для него уже ранец приобрела и все книжки для первого класса. Вот поеду и подарю ему. Внучка, она ещё маленькая, игрушки любит. Я ей повезу зимой куклу, которая под «Ламбаду» танцевать может.

— Заводная что ли?

— Ну да.

Евдокия Евменовна достаёт из коробочки пухленькую куклу, нажимает на груди у неё кнопочку, ставит на пол, и та начинает потешно раскачиваться под известную мелодию.

— Занятно, но ведь дорого, наверное?

— 20 тысяч, ну и что? Захотела внучке сделать хороший подарок – и купила. Кто мне запретит? Вывязала, погляди какие кружева. Продала их и купила. Пусть радуется. Для сына я пожила, хватит, теперь для внучат жить буду.

— Но ведь вам тяжело одной быть, да и скучновато, наверное. Почему к сыну то не поедете?

— Он меня к себе приглашает, да не хочу я. Привыкла здесь. Здесь и родители мои похоронены. И ещё пока в состоянии прокормить себя. Не хочу никому быть обузой. Рано меня ещё списывать. Посмотри, какие сувениры я для людей навязала – раскладывает передо мною на полу Евдокия Евменовна сплетённые из ниток салфетки и чашечки накрахмаленные и выкрашенные в разные цвета, кружева. Красиво-то как! Древнее рукоделие.

— И сбыт находите?

— Ещё какой! Только успевай – вяжи. Племянница из Ке-

мерово, у них там кооператив есть, привозит нитки. Я вяжу, и за нитки они у меня часть продукции забирают, а частью я здесь уже распоряжаюсь. Плохо только то, что сейчас у девчат нет интереса к вязанию, этому чисто женскому рукоделию. А как бы хотелось передать кому-то секреты обретенного мастерства...

1998 год.

НАДО, ЧТОБЫ ВСЯ РОССИЯ РАБОТАЛА В ТАКОМ РИТМЕ

Вячеслав Филимонович Налеп, когда бывает, не особенно занят, кажется человеком общительным и приятным. Но обычно он занят, даже слишком занят, и к нему тогда не подступись. Два дня я «гонялся» за ним. Добился встречи, прихожу – улыбается. По левую руку входящего в кабинет на полке шкафа покоится увесистый, оранжево-дырчатый кирпич. Настораживает. Показав на кирпич, спрашиваю робко:

— А это зачем здесь?

— Не для тебя, – отвечает Налеп шутя, – но есть люди, по ком давно этот кирпич плачет.

Как выяснилось из разговора, кирпич является образцом. Такие кирпичи выпускала бы ЦОФ «Берёзовская» на своём кирпичном заводе из транспортируемых в отвалы отходов производства. Налеп предполагал построить завод производительностью в три миллиона штук в год. Специалисты Ленинградского исследовательского института именно из породы фабричных отвалов выжгли образец кирпича, подвергли его испытаниям: по своим качествам кирпич превосходит кирпичи кузбасского производства. И ко всему прочему, он бы не из

глины обжигался, которую надо ещё найти, добыть и привезти, а из породы, безвозвратно заглатывающей сейчас огромные пространства плодородного гумуса природных земель. Была выгода фабрике и городу? Была. Но от этой затеи вышестоящее руководство отказалось. Умные головы сидели тогда в комбинате «Кузбассуголь». Масштабно мыслили: ну что эти три миллиона штук для города? Вот если бы на десять или скажем на 20 миллиончиков замахнулся Налеп, тогда бы ему материалы, деньги и всё остальное нашлось для строительства производства, полностью покрывающего потребности города. А так, для себя если, – пусть сам ищет. Искал директор, да не нашёл. Теперь от хорошей идеи один образец и остался, применение которому вряд ли предвидится. По назначению ...

— Но почему, разве устарела сама идея использования фабричных отходов, и разве сейчас, когда ЦОФ стала более свободной в распределении своих финансов, она не в состоянии выкроить часть средств, необходимых для постройки завода?

— Где они, эти средства? – вопросом на вопрос ответил директор. – Сейчас на счёте ЦОФ нет и рубля. Для выдачи зарплаты своим работникам мне пришлось занимать деньги у частных лиц.

— Но работники фабрики не жалуются на задержку зарплаты ...

— Потому и не жалуются, что выкручиваюсь пока.

Естественно, небезынтересно для газетчика после 12 декабря услышать мнение собеседника об итогах прошедших в стране выборов и о позиции, выбранной им. С подобным вопросом я и обращаюсь к Вячеславу Филимоновичу.

— Меня не удивляет выбор большинством россиян партии Жириновского. Он говорил в своих предвыборных выступлениях о том, чем болеет сейчас Россия, от чего страдает народ. И народ поверил в него: если видит и понимает – будет

бороться с этим. Решительный в высказываниях. Если и в действиях он такой – за год сделает Россию мировой державой, возвратит ей утерянный статус. С Жириновским как личностью надо считаться. Очень многое делается нынешним правительством реформистов против воли народа и в ущерб его благосостоянию. Поэтому он вправе не мириться с таким положением и проявлять своё недовольство верхами подобным образом. И Жириновского нам сейчас не надо бояться. Обливая его грязью, мы тем самым создаём ему популярность, работаем на него. Победил – ну и ладно. Нужно этот факт принять к сведению и серьёзно обратить внимание на Жириновского, как лидера, и программу его партии. Ведь явно есть же в ней что-то стоящее, нужное всем гражданам страны. Можно увлечь ложными тезисами десяток людей, ну тысячи – за ним же пошло гораздо больше.

Я сам голосовал за Российское движение демократических реформ, за Фёдорова. Побольше бы нам надо таких людей в правительстве, не крикунов, демагогов и бузотёров, а именно таких умниц, умеющих взвешивать, рассуждать и предлагать то, что именно сейчас нужно. Нами должны управлять ответственные, знающие, энергичные и серьёзные личности.

Голосовал я и за Малышева. Он от угля человек и более других знаком с проблемами горняков, поэтому его надо было делегировать в правительство представлять интересы шахтёров Кузбасса. Березовчане поняли это, но почему другие не отдали голоса за Малышева, я удивляюсь...

Ожидать эффективных действий народных избранников и коренных изменений к лучшему в нашей жизни сразу же – я думаю, это несерьёзно. На всё это нужно время, значительное время...

— То есть вы хотите сказать, что не особенно-то и верили в полезность для народа проводимого голосования?

— Ну почему же, польза есть: Конституция нужна нам, и хотя народ тяготеет к диктату власти, но он привык также решать дела общества через своих представителей в выборных органах. Ликвидация Советов поэтому вполне естественно должна была привести к возрождению Государственной Думы. Мы её создали вновь ...

— 1993 год. Тяжёлым и трудным он для всех нас оказался. Но его прожили и достигли каких-то результатов. А чего непосредственно коллектив ЦОФ добился в прошедшем году?

ЦОФ «Берёзовская» построена для переработки углей местных шахт. В апреле 1993 года шахты Берёзовского заключили договор с фабрикой на поставку ей 2 миллионов 51 тысячи тонн угля. Для нас этого мало. Но шахты сейчас дать больше не в состоянии. Для увеличения загрузки своего оборудования мы берём уголь со стороны. Заключили договоры на дополнительную поставку угля с четырьмя угольными предприятиями из других мест. Только за одиннадцать месяцев 1993 года мы уже переработали два миллиона 161 тысячу тонн угля. Могли бы и больше. Но качество наших углей хуже, чем у привозных со стороны. А потребление угля со стороны уже сейчас мы вынуждены ограничивать из-за возросшей платы за грузоперевозки.

Да и у людей наших нет заинтересованности в увеличении производительности. Ведь они стараются, работают круглосуточно, дают сверхплановый концентрат, а что получают взамен? Все деньги, что удаётся выручить от продажи угля, уходят на погашение долгов и выплату налогов.

Получается, мы перевыполняем задание, то есть, в принципе, должны быть лишние деньги, а у нас 12 миллиардов долга предприятиям, обслуживающим наши производства. И чем больше мы будем стараться переработать угля, тем больше миллиардов задолжаем своим клиентам. Такое явление,

конечно же, неестественно и долго продолжаться не может. Мы это понимаем и стараемся не сбавлять темпов работы и не уменьшать установившихся объёмов выпуска концентрата. Я думаю, для того, чтобы выбраться из образовавшегося прорыва, надо всей России работать хотя бы так, как мы.

— Какой у вас сейчас уровень использования производственных мощностей?

— Процентом 60-70, по другим предприятиям и вообще по России – и того меньше. Под плановое задание с начала 1993 года сократили производственный персонал. Если раньше во всех подразделениях производства ощущалась острая нехватка рабочих рук, то теперь с этим проблем нет. Коллективы за счёт сокращений укомплектованы полностью, от нарушителей трудовой и производственной дисциплины мы постарались избавиться, и теперь у нас очень сплочённый и способный на многое трудовой коллектив, на который в больших делах всегда можно положиться.

— Одна из светлых сторон рынка вами уже, получается, задействована и даёт положительные результаты.

— Да. Сейчас на фабрике работают только нужные производству люди, и мне бы не хотелось лишаться теперь этого с таким трудом созданного коллектива:

— А для этого ...

— ...А для этого мы стараемся предотвратить спад производства, на фабрике пока сокращений не предвидится, приём на работу приостановлен. Текучести кадров практически нет. Предприятие старается по возможности помочь своим рабочим в приобретении товаров повседневного спроса, создаёт и другие социальные гарантии, что несколько облегчает условия существования трудящихся в этот период.

— Вы оптимист, хотя кому как не вам знать, что потребление кокса повсюду в России значительно снизилось. У вас

стало меньше потребителей, тогда уж не для заграницы ли вы пытаетесь сохранить своё производство?

— Потребители, в принципе, остались прежние. Число их нисколько не уменьшилось. Другое дело, что они теперь заказывают для себя гораздо меньше угля. За него им нечем платить, и они сокращают свои потребности. Правительство обещало до выборов металлургам – а это наши основные клиенты – для выплаты задолженности шахтёрам выделить им льготные кредиты, но сделано этого не было. Отправлять же уголь без предоплаты и даже малейшей надежды на скорое её получение мы тоже не можем. И отказываемся делать это. Поэтому-то в Челябинске (туда мы отправляем значительную часть своих концентратов) из-за отсутствия кокса и денег на его получение уже останавливают три доменных печи. Схожая ситуация прослеживается в наших отношениях и с другими партнёрами.

Транспортировка угля по отечественным железным дорожным магистралям обходится нам очень дорого. Именно поэтому в последнее время мы, да и вся область, не отгрузили ни одной тонны угля на экспорт. В результате для Кузбасса потерял мировой рынок сбыта своей продукции. И мне лично непонятно, что выиграло правительство, способствуя такому вот развитию событий: ущербная политика в отношении шахтёров уже не преминула сказаться отрицательно на экономике России – во взвинчивании цен ведь нам определена не последняя роль.

— Вячеслав Филимонович, около управления в пустых глазницах стенда соцсоревнования уже не один год гуляет ветер. Стенд добротно сделан, красивый, на его изготовление ушло никак не меньше двух тонн железа, а теперь вот он бездействует. Предвидится ли в дальнейшем его использование?

— А разве нам не нужна сейчас наглядная агитация?

— За что агитировать-то?

— Плохо, что не знаем за что. А ведь как прекрасно совсем недавно было: пришёл человек за зарплатой и видит, что на сегодняшний день его цех, его фабрика переработала столько угля, область добыла столько-то, страна ещё больше! Считывает человек эти цифры и чувствует себя причастным к общему делу. Ведь и он своими руками этот уголь гребёт на производстве, и его тонны учитываются на этом, всесоюзного значения, стенде. Чем плоха она была, такая агитация?

Раньше на въездах в города, районы, республики обширные стенды вдоль дорог и на стенах вокзалов знакомили путешественников с достопримечательностями мест и достижениями живущих там людей. Посмотрел, бегло прочёл написанное – и ты уже знаком с обстановкой, в которую предстоит окунуться. Напрасно мы отказались от такой агитации. И я думаю, что нужно деятельность предприятия, лица его передовиков отражать на таких стендах, но если мода на них исчезла, то придётся и нам срезать эту ненужность. Чего металлу ржаветь без толку?

1994 год.

ТВОРЕЦ

Выражение своих мыслей и образов линиях стало привлекать Юрия Константиновича Мефодьева ещё в детском возрасте. Но тогда неуверенной рукой он наносил на лист бумаги отражавшуюся в его сознании жизнь до умопомрачения просто, как поётся в той песенке: «точка, точка, запятая – вышла рожица кривая...»

И выходило, до того забавно выходило, что предрекали взрослые мальчонке великое будущее. Этот же мальчонка бе-

гал по улицам со своими сверстниками, сшибал коленки на крутых виражах, подвизгивая, бросался с обрывистого бережка в холодную прозрачность таёжных речек, зубрил учебники, бегал за девчонками, а в 18 лет пошёл служить в армию.

Уже в 1973 году Хабаровск и Дальнереченск знавали его как бывалого артиллериста. Там и свела Мефодьева судьба с парнем родом с Камчатки, который до армии умудрился окончить художественное училище и который уже профессионально мог рассуждать об изобилии цветовых гамм, свете и тенях, тонах и полутонах необъятной Вселенной.

Их дружба, основанная на интересе к живописи, очень многое дала Юрию Константиновичу и заставила его серьёзно взглянуть на дарованные ему природой способности. В 1978 году он поступает на заочное отделение народного университета имени Крупской, а в 1984 году заканчивает его. Глубокое изучение тайн мастерства великих художников, а также практические навыки работы кистью и карандашом, встречи с преподавателями, да и общение с себе подобными – всё это неизмеримо обогатило палитру чувственного восприятия молодого живописца. Он много и плодотворно работает. К 1980 году у него накапливается достаточное для организации выставки количество выразительно исполненных картин. Тогда и была проведена его первая выставка в Берёзовском.

С 1980 по 1992 года он принял участие в 15 выставках картин. С живописью Ю К Мефодьева имели возможность познакомиться жители многих городов и посёлков Кузбасса. Его картина «Август. Горная Шория» экспонировалась даже на проводившейся в Оренбурге художественной выставке республиканского масштаба и была отмечена ценным призом – часами.

Благодарственные отклики посетителей выставок, показ картин по телевидению, признание мастерства художника ко-

рифеем живописи, конечно же, стимулировали творческую активность Юрия Константиновича. Однако любовь к искусству заслонила от него прелести семейной жизни. Он одинок. Ему 36 лет, ещё не всё потеряно и можно надеяться...

В настоящее время Юрий Константинович работает на разрезе «Барзасский» художником. Оформление колонн трудящихся транспарантами к проводимым раньше с таким апломбом политическим праздникам 1 Мая и 7 Ноября теперь необязательно. У него появилась масса времени. Вот и задумал Мефодьев сделать для кабинетов управления разреза хорошую мебель. Изготовил образцы – удались. Глубокие кресла с вензелями, богато отделанные деревянной резьбой шкафы покрыл тёмным лаком «под старину». Управленцам понравилось. Хотели поставить изготовление мебели на поток – не получилось: у директора забот с добычей угля и без того хватает... Предали забвению доброе дело.

В 1991 году увлёкся Юрий Константинович новой идеей. Как-то Шмидту, руководителю ансамбля «Дудари», понадобились глиняные свистульки. Юрий Константинович вместе с ним, прибегнув и к помощи кемеровского товарища, сделал их. Получились отличные музыкальные инструменты. Окарина называются. Шмидт и его ребята довольны. С использованием этих инструментов их концерты стали ещё впечатлительнее.

Мефодьев пошёл в этом направлении дальше. Слепил «дымковские» игрушки, обжёг и раскрасил их. Прелестные получились штучки. Заинтересовал директора разреза. Тот дал «добро» на организацию народного промысла по изготовлению керамических изделий. Ездил художник на Прокопьевский фарфоровый завод. Пытался у заводских специалистов почерпнуть знания по изготовлению изделий из фарфора. Ведь много чего надо усвоить для того, чтобы

своими руками из простой глины творить настоящее чудо. Но не очень-то щедрыми оказались Прокопчане. Секреты мастерства всегда были тайной, постигать которую суждено в одиночку.

— Но я хочу овладеть этой тайной, и овладею, — говорит Юрий Константинович, — она захватила меня. Вот только литературы по гончарному делу у меня нет никакой. Ищу. Выспрашиваю. Сам пробую что-то сделать: опытные образцы обжигаю. Трудновато, но уже что-то получается. Печка обжиговая у меня маленькая. Нашёл большую, добился, привёз и установил в своей мастерской. Теперь вот её надо оборудовать нагревательными элементами, подключить к высокому напряжению. С глиной решить вопрос надо, гончарный круг достать. Ведь я и керамическую посуду делаю. Запустить всё думаю в 1993 году. Это дело прибыльное: сейчас керамика в моде. И мне приработок будет, и предприятию выгода.

Почему я всё о материальном интересе говорю и его лишь затрагиваю? Да потому, что приучили народ любоваться живописью только на выставках. Картины относили к предметам роскоши. Поэтому их у художников и не покупают: без картин можно обойтись, тем более сейчас, когда многие порой обходятся без молока. Я понимаю людей. Конечно, плохо, что я пишу только для себя: всё, созданное мной осело в моей квартире, Но я ни на кого не в обиде. Эти мои творения, как бы мои дети. И я хочу, чтобы они всегда были рядом. Но когда-нибудь, я в это верю, отношение к живописи изменится.

Не гнушался Мефодьев и художественного оформления (отделки) кабинетов и других помещений административных и культурного назначения зданий. За такую работу хорошо платят. Этим занимаются все художники. Жить-то им надо. Из-за отсутствия самого насущного забываешь порой о главном в своей жизни.

— Лично я уже давно, можно мерить годами, не брал в руки кисть, – продолжает Юрий Константинович. – Вот поставлю «на ноги» керамику, тогда разгрузжусь. Соскучился я по живописи. Чтобы совсем ею не заниматься – это уж слишком. Писать маслом не пишу, но делаю пометки, замыслы фиксирую и откладываю на будущее. Совсем недавно закончил цикл графики в карандаше и ручкой. Кому показывал – нравится.

Кипу бумажных листов прекрасных, наполненных воздухом и пространством пейзажных акварелей сменили твёрдые картонки с изображением на них замысловатых рож смешных и страшных чудовищ, в которых при внимательном рассмотрении, сквозь нарочито усиленные комические и свирепые черты, без труда улавливаешь типичный облик людей обыкновенных. Жуть и смех вызывают картинки. Карандашом, как скальпелем, вскрывает в них человеческую сущность художник. Талантлив батюшка. Творец. Этого у него не отнимешь.

Юрий Константинович расставил и развешал свои картины в большой комнате. Включил свет. Стало совсем как в картинной галерее. Хожу, рассматриваю его работы. Никакой вычурности: тщательная отделка деталей изображаемых предметов. Как бы приглушённое буйство красок, суровость линий, сдержанность во всём. Но это не от неуверенности в своих силах. Это его стиль. Впечатляет.

Вот бы мне, мечтаю, какую из его картин принести домой, повесить в комнате и любоваться ею. А что – это возможно. Вот как разбогатею чуток, так и прибегу к нему. Неужели он мне не уступит за хорошую цену одно из своих творений?

1996 год.

ВОЛШЕБСТВО ПО ЗАКАЗУ

Много интересных людей живёт в Берёзовском. Собственно, судьба каждого человека по-своему занимательна. А я вот выбрал эту. Что же привлекло меня? Михаилу Ивановичу Валькову 65 лет. Но стариком его не назовёшь. Это высокий, стройный, спортивного склада мужчина. При разговоре несколько протягивает гласные, отчего кажется, что ему лень сотрясать воздух своей речью, и он бы помолчал. Но это обманчивое впечатление – рассказывать он любит. Обо всём. И особенно о работе. Работ же у него было несколько. В последнее время занимается он настройкой пианино. Не правда ли – несколько необычная профессия?

Родился Вальков в Новосибирской области. Отец его работал на железнодорожной станции стрелочником. Участвовал в войне с немцами. Был ранен разрывной пулей в грудь. Умер в 1947 году. Мальчишка поэтому смог закончить всего 9 классов школы, расположенной в 15 километрах от дома. Понадобилась помощь семье, и он пошёл работать в Завьяловскую геолого-разведочную партию. Там его выучили на машиниста парового локомотива, (это такая машина, приводимая в движение паром. Бурила скважины).

Очень скоро в партии организовали комсомольско-молодёжную бригаду. Члены этой бригады были все парни неженатые, романтики, легко мирившиеся с неудобствами кочевой жизни. Их и отправили за Новокузнецк проводить изыскания полезных ископаемых. Известное сейчас всему миру Ерунаковское месторождение угля как раз они и оконтуривали своими скважинами в начале пятидесятых годов.

Из партии и попал Вальков на службу в армию. Служил в Хабаровске радиолокаторщиком на зенитной батарее. В 1953 году демобилизовался и, приехав в Кемерово, устроился ра-

ботать на завод «Прогресс». Женился. Вместе с супругой работал в шахте «Бутовская» подземным электрослесарем-монтажником. А после окончания Кемеровского горного техникума получил направление на шахту «Берёзовская». Работал здесь горнорабочим, помощником начальника участка, горным мастером.

— В начальниках ходить я не любил, — вспоминает о том периоде своей деятельности Михаил Иванович — Стране нужен был уголь. Много угля. В этой гонке за объёмами добычи руководители шахты закрывали глаза на нарушения техники безопасности в работе шахтёров, а я горный мастер, в первую очередь отвечаю за безопасность производимых работ. И я строго придерживался правил безопасности. Ведь они написаны кровью шахтёров. Поэтому очень часто конфликтовал и с начальством, и с рабочими. Запрещал работать на своём участке, пока шахтёры не устраняли нарушения, не допускал в забой пьяных. Воевал, в общем.

Несколько раз пытался перевестись в рядовые рабочие. Ведь им проще работать, спокойнее, ставь крепь как следует над головой и можешь быть уверенным, что что тебя не завалит. Соблюдай всегда технику безопасности, не расслабляйся под землёй — тебя не заденет несчастье. Но директору шахты нужны были опытные мастера, и он меня не отпускал. «Проходчиков — говорил он — я найду, а вот инженерно-технических работников у нас мало. Тебя государство учило, тратилось. Ты должен работать по специальности».

В 1970 году травмировался.

— Не уберётся всё-таки?

— Попал в дорожно-транспортное происшествие: ехал на мотоцикле на рыбалку, задела машина, разбился. Сломал два шейных позвонка. Врачи думали, что я не выживу. Защемило нерв, руки не действовали. Выжил. По выходе из больницы

мне дали инвалидную группу. По путёвке на 56 дней съездил в Крым. Лечился грязями Сакского санатория. Выздоровел. Инвалидность сняли. После этого ещё 11 лет отработал в шахте. В 1980 году ушёл на пенсию. Немного отдохнули устроился работать мотористом в «Водоканал». Отработал 12 лет, хватит. Теперь работаю только настройщиком пианино.

— Прямо так, отмылись от угольной пыли забоя и принялись озвучивать рояльные струны?..

— Нет, почему же. Хотя и такое со мною бывало. Я с детства имею пристрастие к музыке. Ещё когда учился в Завьяловской школе, наш учитель по музыке Гурий Петрович Шкляр создал струнный оркестр из 15 балалаек. У меня был хороший слух. Учитель и завербовал меня в свой оркестр. Я уже тогда мог играть на гармошке, баяне, освоил и балалайку. Один раз как-то разучиваем серьёзную вещь, не получается, чья-то балалайка фальшивит, ломает весь ряд. Прекратил игру учитель. «У кого балалайка не настроена?» – спрашивает. А я давно уразумел, чей инструмент звучит неправильно, возьми и скажи ему: «Это у вас она фальшивит». Что тут было! «Как ты смеешь говорить такое – рассвирепел учитель – тебе медведь на ухо наступил! Вон отсюда!» Выгнал меня с репетиции. Пострадал я за правду.

Похоже, судьба подталкивала меня к тому, чтобы я стал настройщиком. В армии упал нечаянно батарейный аккордеон. Я взял его и собрал, подклеил что надо, подремонтировал – и зазвучал он. Офицеры всегда меня на свои пирушки приглашали. С этим аккордеоном и приходил.

После армии уже проживая в Берёзовском, захотел я приобрести пианино и именно на нём научиться хорошо, играть. А ведь тогда такие вещи очень редко поступали в продажу. В 1961 году я узнал, что в Кемеровский универмаг привезли пианино. Собрал деньги, приезжаю, а там оно одно всего, обступили его со всех сторон покупатели, волнуются. И напрасно. Оказалось,

оно уже продано. Разочаровался. Приуныл. Заметил мою печаль пожилой мужчина, пожалел меня и дал адресок, где можно было приобрести старенькое пианино». Бери – говорит – чуть-чуть подремонтируешь и запоёт как новое». Послушался я его, приобрёл эту рухлядь, привёз домой. Жена ругает, ведь совсем поломан инструмент. И большой – половину комнаты нашей занял. Почитал я литературу, руководство по игре на пианино и понял, что меня надули прежние хозяева: в этом пианино одна дуга была целой.

Поехал я на фабрику, где пианино изготавливали, – посмотреть захотел, осознать процесс создания музыкального инструмента.

Фабрика находилась в Кировском районе Кемерово. С помощью начальника управления лёгкой промышленности области договорился я с директором фабрики и стал ездить из Берёзовского, когда был свободен от работы в шахте, на эту фабрику. Узнал из чего и как детали для пианино делают. Два года обучался и работал там бесплатно.

С помощью полученных на фабрике знаний и навыков я отремонтировал самостоятельно своё пианино. Отшлифовал инструмент и покрыл политурой. К жизни его вернул. Вот уж как радовался и гордился потом собою!

А тут я прослышал, что у нас в магазине продаётся чехословацкое пианино. Прибежал в магазин, опробовал инструмент: не звук – а что-то божественное! На крышке пять медалей различных европейских фестивалей! Загорелись глаза у меня – именно о таком инструменте мечтал я. А денег-то в наличии нет, приобрести пианино не на что. Начал упраскивать я начальника Берёзовского ОРСа, что-бы отдали мне в кредит этот инструмент и сейчас же отдали, ведь если упущу его, потом всю жизнь буду каяться. А в кабинете у начальника в это время находилась женщина, которая знала о моём увлечении музыкой. На мою сторону она встала, и уговорил я начальника, отдал он в кредит

мне пианино. За два года с половиной рассчитался я с этим кредитом, оправдал доверие, не подвёл человека.

В 1963 году прочёл в газете «Кузбасс» о приёме в Кемеровское музыкальное училище. Решил поступить. Конкурс был большой. – 39 человек на 9 мест. Начал учиться на дирижёрском отделении заочно.

— Работать и учиться трудновато ...

— Ещё бы. Устанешь на работе, пришёл домой – отдохнуть бы надо, а тебя ожидает кипа контрольных заданий. Способным учеником я оказался. Учительница почувствовала это и в повышенном темпе стала заниматься со мною. Другие ученики ещё азы проходят, а она мне «Вот это изучи, с этим познакомясь, это попробуй ...». Я уже просвета с этой учёбой видеть не стал. Взмолился как-то: «Куда же вы гоните меня, другие ещё двухголосые партии не успели сдать, а вы уже готовы мне «Славься» из оперы Сусанина дать». «А что? И дам». – говорит. Хорошая женщина. С её помощью я постоянно впереди курса шёл. Усядешься после работы за пианино, разложишь перед собою ноты, одной рукой играешь, а другой дирижируешь сам себе. Устала правая рука – на левую переходишь. И так по два часа, а то и больше в день тренируешься.

У дирижёра слух должен быть обострённым, он мелодию в голове должен держать, с листа петь и на лист записывать. Этому нас и учили в училище. На экзаменах проиграют за 20 секунд незнакомую мелодию, ты её прослушаешь и должен безошибочно всю переложить в ноты. Или наоборот. Очень трудно это. Без интенсивных ежедневных тренировок никогда музыкант не добьётся успехов, будь он хоть семи пядей во лбу. Трудолюбие и постоянство – вот качества, присущие настоящему музыканту.

Поэтому меня всегда удивляло и обижало отношение общества к людям, посвятившим свою жизнь музыке. 90 рублей

в месяц платили раньше учителю музыки. Для сравнения: сторож или дворник получал тогда 120 рублей. Разве можно было прожить на такие деньги? Шабашки на свадьбах и похоронах присущи были многим из тех, кто связал себя с музыкой.

Чтобы получить диплом об окончании училища, мне оставалось только сдать экзамены. Но тут я попал в аварию. Перерыв в занятиях сказался на технике исполнения – руки стали «слесарными». Какая тут музыка. Но я её и сейчас люблю. Учителя хотели, чтобы я сдал последние экзамены, завершил своё музыкальное образование. Да к чему оно мне сейчас? Года не те. Умение же своё налаживать инструменты использую.

— Вы давно уже этим занимаетесь?

— После случившейся со мною травмы одному профессионалу-музыканту по его просьбе я настроил пианино «Блютнер». Ему понравилась моя работа. Ко мне начали обращаться его знакомые. Двум-трём сделал – пронёсся слух о моём умении, и отовсюду посыпались заказы. В Промышленную ездил настраивать инструмент, в Бутовке целую зиму работал, в Кедровке. В Кемеровской музыкальной школе, на Руднике, там 300 человек учащихся, и у каждого своё пианино. Езжу сейчас по ученикам и настраиваю их инструменты. Ведь по хорошему если, то пианино требуется настраивать раз в году. В Берёзовском я обслуживаю музыкальную школу, детсады, дворцы культуры. Обращаются ко мне и частные владельцы.

— Сколько таких инструментов в нашем городе?

— По-моему, около 500, не меньше.

— С какими марками пианино вам приходилось встречаться, и у кого из жителей в нашем городе самый лучший инструмент?

— Настраивал я концертный, самый большой рояль «Красный Октябрь», «Эстонию» – это салонный, тоже приходилось. Как я упоминал, «Блютнер» тоже настраивал. Но больше все-

го сталкивался с обыкновенными «Ода», «Кузбасс» и другие. Они доступны в цене, а возможности, если хорошо настроить и при отличной подготовке музыканта, огромные. Их поэтому и берут. Два года назад я настраивал в ДК Шахтостроителей фортепиано «Красный Октябрь». Рояль совсем был разломан, разохся, а теперь звучит. За него сейчас с удовольствием сядет играть исполнитель любого ранга. А в прошлом году в микро-районе у одной женщины, она работает врачом, я настраивал старое-престарое пианино – 1910 года изготовления. Как потом выяснилось, пианино принадлежало Кемеровской филармонии. У него дискантовые струны, к которым не подлезешь ни сверху, ни снизу. Настраивать его и ремонтировать было очень трудно. Наверное, поэтому настройщик филармонии и предложил администрации избавиться от неудобного и отжившего свой век инструмента. Недорого он хозяйке достался. А после моей реставрации, я думаю, ещё и внучка врача на этом инструменте сможет играть. Очень хорошая вещь. И я рад, что заставил её вновь приносить людям радость.

Вообще, сейчас для меня настройка пианино – это, в первую очередь, не деньги, а желание испытать себя ещё раз, убедиться в своих способностях. Взять в руки груды деталей, которые перед применением ещё надо отреставрировать и закрепить на разошедшемся остове инструмента, где мыши, пауки и тараканы давно уже определились на постоянное место жительства. Вдохнуть своим трудом полнозвучную жизнь в превратившийся уже в ненужный хлам ящик – разве это не волшебство? Правда, результаты этого волшебства мне очень тяжело даются. Деталей у пианино тысячи. Изготовлены они из ценных пород дерева. И все это надо достать, скомпоновать и поставить на место, да так, чтобы они правильно начали взаимодействовать друг с другом, и от этих слаженных действий зазвучала бы под руками искусного музыканта настоящая музыка.

— А у вас самого есть пианино?

— Было три инструмента. Последний продал после смерти жены. Она пять лет как умерла. Растёт сейчас внучка у меня. Но ей только 3,5 года. Когда определятся её способности, захочется ей заниматься музыкой – я приобрету у кого-нибудь старое пианино и налажу для неё.

Октябрь 1995 год.

ЖЕНЩИНА, КОТОРАЯ ПОЁТ.

Тамара Михайловна Хмиловская поёт. В нашем городе петь могут многие, и не только женщины. Но прозрачная звучность мощного и предельно выразительного сопрано Хмиловской производит потрясающее впечатление. В Берёзовском она запела ещё в 1970 году. По распределению попал в Берёзовский, она устроилась на работу в школу №16 и записалась в эстрадный коллектив при ДК Шахтёров. В то время там образовался прекрасный эстрадный оркестр, для которого Хмиловская оказалась удачной находкой. У неё музыканты оркестра обнаружили на удивление профессионально поставленный голос. Уже на следующий год березовчане с новой исполнительницей эстрадной песни побеждают на областном конкурсе, и Хмиловскую приглашают для участия в программе «Алло, мы ищем таланты», где она занимает первое место.

«Я вначале петь научилась, а потом уже говорить», – смеётся Тамара Михайловна. Наверное, так оно и было, ведь первые годы после рождения дочери родители её жили в радиорубке села Троицкое. Временно, за неимением иной жилой площади механику мельницы выделили в радиорубке одну комнатку. Находясь там, поневоле «пропиталась»

Тамара музыкой и по большей части серьёзной, в 50-х годах по радио в воспитательных целях сельскому населению транслировались в основном музыкальные произведения мировых классиков: Глинки, Мусоргского, Баха, Листа. Вот ими-то, да романсами и народными песнями вытягивала девочка свой чудный голосок на должную высоту, чтоб было у неё похоже на пение тех певиц, что исполняли арии классиков по радио с утра до ночи. И голосок её зазвенел, да ещё как! – когда к ним домой приходили гости, то они всегда просили маленькую Тому спеть что-нибудь. Четырёхлетнюю девочку ставили на табурет и она пела «Сронила колечко...», арии «Кармен» Верди и так далее в том же духе. В 1959 году Тома уже на равных со взрослыми участвовала в концертах художественной самодеятельности. А жила она на Алтае, в нескольких километрах от села Сростки, в котором родился Шукшин. На одном из проходивших там смотров девочку заметили специалисты, имеющие вес и значение в культуре страны, оценили её талант и предложили родителям отослать её учиться в Новосибирскую школу-интернат для одарённых детей. По их рекомендации и при наличии такой фактуры её туда возьмут с руками и ногами. Но отец Тома не захотел отрывать любимицу от семьи (себя – в первую очередь), рассудил по-своему: пением на хлеб не заработаешь.

«Если бы папа согласился, – задумчиво произносит Тамара Михайловна, – из меня бы сделали профессиональную певицу, и жизнь бы у меня совсем другая выстроилась».

Музыкального образования она так и не получила. Нотной грамоте не обучена, петь с листа не может. Никто её не обучал, как надо правильно дышать при пении, как ставить голос. Все-го этого она достигла самостоятельно. А не удалось ей стать профессиональной певицей ещё и потому, что с детства у неё была очень большая любовь не только к пению, но и к спорту:

«Наше село, – рассказывает Тамара Михайловна, – находится на берегу Большой речки. Она называлась только Большой, была же чуть побольше обыкновенного ручья, но зато какая в ней чистая и вкусная вода! И песок золотистый! Рядом – единственный в мире уникальный ленточный бор. Он тянется через весь Алтай до Казахстана. Полоса леса в несколько километров шириной заселена дикими птицами и зверями. Красота невыразимая! Отец всегда промышлял в этом бору пушного зверя, мы, школьники, устраивали в нём спортивные состязания. Я очень любила зимой ходить на лыжах, а летом петь. В соревнованиях по лыжным гонкам завоёвывала первые места. Отличалась и в других видах спорта. Когда мы переехали жить в Алма-Ату, я стала чемпионкой республиканской олимпиады «Снежинка» по конькам. Я была очень сильной и здоровой девчонкой. Любила побеждать. И пела. Вот эти две страсти тянули меня в разные стороны. Я не могла отдать предпочтение какой-то из них, так обе были нужны мне.

По окончании школы Хмиловская едет в Кемерово к старшей сестре для продолжения учёбы. Сестра советует поступать в техникум механизации учёта. А почему не в музыкальное училище? По мнению сестры, спорт и музыка – это для души, а для жизни нужна специальность. И тут Хмиловская не прислушалась к велению сердца, а внимая наставлениям старшей, поступили в техникум и закончила его. Даже год отработывает полученную специальность. И затем поступает в педагогический институт. Ну почему же именно туда? Физическое совершенство и сила, по мнению окружающих, – это реальность, а вот пение – вдруг не получится? По части музыки Тамару одолевали сомнения: художественная самодеятельность, пение на студенческих концертах и вечеринках, конечно, тоже обязывает соответствовать, но выйти на сцену профессиональной певицей – это уже совсем другое. Похо-

же, отец своей любовью, сестра – практичностью, да и другие посеяли в ней неверие в свои силы и возможности, не помогли ей разглядеть в себе главного стержня. Не хватило Тамаре смелости почувствовать в себе Софию Ротару, певицу, голосом которой тогда упивались все наши меломаны...

Когда Тамара победила на конкурсе «Алло, мы ищем таланты», главный дирижёр Кемеровского театра оперетты Лугов назначил ей встречу. «Я не пошла на эту встречу – вспоминает Хмиловская, – думаю, заберут в Кемерово и опять мне там мучиться, жить по квартирам. В Берёзовском то мне дали однокомнатную квартирку на Октябрьском. Я обустроилась. Уютненькое гнёздышко и рядышком с работой. Чего больше желать одинокой молодой женщине? В Берёзовском, короче, я уже обжилась и чувствовала себя своей в новом городе.

Несколько лет назад Хмиловская познакомилась с семьёй Беловых – солистами Кемеровского театра оперетты. Тамара Михайловна рассказывает:

— Я с ними подружилась и перепела у них все арии. Ольге очень понравился мой голос. Она в обиде на меня за то, что я так бездумно распорядилась своим талантом. Может, она и права, но так получилось, что я отдала предпочтение спорту.

Потом я вышла замуж за украинца, и он увёз меня на родину – в Крым. Жили мы в 20 километрах от Евпатории в курортном городке Саки. Я работать устроилась в санаторий инструктором по лечебной гимнастике и физкультуре. Пела в художественной самодеятельности клуба санатория. Моим аккомпаниатором был баянист В М Мельник. Он играл до пенсии в ансамбле военно-морского флота. Мы с ним выступали везде: в Севастополе, Киеве, Харькове. В 1984 году на Всесоюзном смотре заняла первое место. Привезла домой диплом первой степени. И в 1985 году тоже получила диплом первой степени за участие в этом смотре.

В 1985 году в честь 40-летия Победы в городе был парад и вот меня выбрали на роль женщины, изображающей нашу Победу. Я отнекивалась: выбрали бы кого потоньше. «Нет, говорят, Победа не должна быть худой». В общем, утвердили меня. Прихожу домой и хваюсь мужу: в твоём Крыму не нашлось женщины на роль Победы, из Берёзовского пришлось выписывать. Сшили мне белое платье, установили вроде статуи на открытой машине, и я проехала по всему городу в безмолвии и без движений. А мои дети в кабине сидели. Потом муж извёл меня, говоря, что у него не жена, а памятник.

В Крыму тоже я не смогла серьёзно заниматься музыкой. С жильём там очень тяжело. Жили вчетвером на девяти квадратах. У мужа специальность инженера-строителя, он всё время обитался на военных объектах в разных точках полуострова, а я одна воспитывала и растила детей. Времени свободного не было. Познакомилась с музыкальным регентом православного собора. Он восторгался моим пением и предлагал научить петь по нотам, но мне не с кем было оставлять детей, и я отказалась. В 1989 году мы возвратились в Кузбасс, некоторое время жили в Кемерово. Владимир Пепекин, руководитель ансамбля народных инструментов, пригласил меня петь в его ансамбле. Теперь живу здесь. Работаю в школе №15, веду школу «Здоровье» и лечебную гимнастику. Сама предложила создать такое в школе: жалко было терять опыт 12 лет работы в санатории.

Подытоживая прожитое, могу сказать, что особенных успехов в спорте я не достигла: во время учёбы в институте играла в сборной области по волейболу. Участвовала в соревнованиях по лыжам и плаванию. В 1976 году от Берёзовского заняла первое место по конькам среди угольщиков области. Сейчас передаю детям свои знания.

И продолжаю петь, потому что без этого не могу. Пою только для себя. Иногда приглашают выступать на городских концер-

тах и вечеринках, а чтобы послали куда защищать честь города – этого, сколько живу в Берёзовском, не было. Перед Новым, 2001 годом, были областные конкурсы, посвящённые памяти Дунаевского и Руслановой, я подготовила песню, но меня не взяли. «С твоим голосом, говорят, – только арии петь и сольные песни». Но на такие конкурсы разрядок из области ещё не поступало. А чтобы сольные петь, надо проводить репетиции. У меня их нет.

Поэтому побаиваюсь порой выходить на сцену. Но как бы то ни было, неудачницей себя не считаю. Стараюсь доставить людям радость своим пением. Но, что бы я ни говорила, глохнет меня сейчас чувство недовостребованности. Я могу людям дать больше, но не получается. Раньше на каждом предприятии создавали хоры, поддерживали самодеятельность. Это людей сплачивало, они общались, стремились к чему-то хорошему. Сейчас же таланты брошены на произвол судьбы. А к ним надо относиться бережно: чуть что не так, и нет полной реализации. Мы, в глубинке, должны сознавать это, со своими проблемами мы столице не нужны. Поэтому нам друг другу надо помогать проявлять свои таланты быстрее и полнее. Поэту что нужно? Чтобы его выслушали и поняли. Певцу – чтобы его послушали и оценили. Если хорошо – похвалили. И денег ему не надо: он уже удовлетворён признанием. Плохо, когда человек умеющий, не может найти себе применения, но настоящая драма, когда человек наделён талантом, который остаётся невостребованным людьми.

Нет пророка в своём Отечестве. Но ведь то, что мы делаем, мы делаем для людей. Искусство есть средство общения с людьми. Я песни разучиваю не для того, чтобы пропеть их на кухне своему Ване. И те, кто пишет стихи, пишут их не для того, чтобы в стол их укладывать стопочкой, а для того, чтобы поделиться с людьми своим мировосприятием. Отделу культуры нашего города надо побольше привлекать и отмечать та-

ких людей, помогать их становлению. У нас в Сибири – богатейшие кладези талантов. Они на поверхности, рядом, видны даже невооружённым взглядом. На них только вовремя надо обратить внимание, приободрить хотя бы.

2003 год.

РОДИЛАСЬ Я УЖЕ ЗДЕСЬ

Многое может рассказать о далёком прошлом и настоящем живая свидетельница истории возникновения Берёзовского Александра Ивановна Андреева. Родители её – переселенцы. В 1926 году они покинули родные места Смоленщины и подались от голода, несправедливостей и истощавшей земли в свободную, богатую и малолюдную Сибирь. Предварительно туда из их села, не одним Андреевым там жилось плоховато, направили ходоков, которым пришлось по душе щедрая земля и приволье Западно-сибирского округа. Сюда-то и приехали поначалу крестьяне.

— Брат тяти, – рассказывает Александра Ивановна, – так и остался там, возле Новосибирска, в Убинском районе, а родители мои поехали дальше в Щегловск. Оттуда уже отправились они на поиски своего места жительства и облюбовали деревню Нижний Барзас. Собственно, это и не деревня была – домика три стояло тогда здесь. Выбрали родители и несколько приехавших с ними семей переселенцев вот этот косогор, на вершине которого расположен сейчас бамовский посёлок работников мехколонны. Каждый отмерил себе делянку и начал валить лес. Тогда здесь тайга сплошняком стояла. Из срубленного леса переселенцы строили дома. За освоение новых земель им государство платило подъёмные. Кое-что для

хозяйства тятей было вывезено со Смоленщины, скотину и недостающий сельхозинвентарь закупили здесь.

Родилась я у них в 1927 году уже здесь. У меня ещё было два брата старших, но они после поселения здесь заболели тифом и умерли. Была ещё сестра, её уже тоже нет, умерла после войны. Тятя, как у него наладилось всё помаленьку с хозяйством, занялся разведением пчёл. Смастерил колодки, в огороде поставил. Круглый год ухаживал за ними. Благодаря его стараниям, у нас в доме всегда был мёд, и ещё продавали его, если много накачивалось.

На отвоёванной у леса земле сажали родители много картошки, сеяли овёс, пшеницу. При хлебе были, картошки одной по 700-1000 вёдер накапывали. Государству сдавали мяса по 40 килограммов в год, масла топлёного – по 12, кроме того шерсть сдавали, зерно.

В 1937 году всех нас – а на этом косогоре поселилось 10 семей – сагитировали создать колхоз. «Таёжным маяком» его назвали. Земли, занимаемые усадьбами, обобществили. Татаренко, Васильковых, Конопелько, Артемьевых и других, уже не помню всех, что жили на косогоре, переселили за речку Каменушку, поближе к Шурапу, Наш же дом, как самый крайний у дороги и потому что в нём жили уже немощные старики, решили не трогать. Так и оставались мы жить здесь одни. Родители работали в колхозе, туда тятя свою лошадь отвёл, пахали, засевали обобществлённые поля здесь и что на горке, где теперь Берёзовское ПАТП расположено. И на подступах к реке Барзас какие находили поляны, тоже распахивали. Лошадей у колхоза с десятков было, коров – около 20 голов. Худобедно, но жили. Освещение – лучины и лампы керосиновые, топливо – дрова. Воду из Каменушки на коромыслах носили. Тогда-то вода в ней прозрачная, ключевая была. Это сейчас её сбросами с автобазы и бамовского посёлка загрязнили так, что и полоскать бельё страшно в ней.

Магазинов здесь поначалу никаких не было – дома одни и пашни. Когда что купить надо было, те же спички или соль, либо продать что – ездили на лошадях в Щегловск. Когда очень нужны были деньги, тятя вместе с товарищами вручную напиливал плах из брёвен. Из одного бревна обычно выходили 3-4 плахи. Потом их в город отвозили и продавали или обменивали.

Деревня Нижний Барзас со временем разрослась. Люди поселились и на том месте, где ЦОФ стоит сейчас и расположена станция Бирюли. Почему-то, место, где железнодорожники жили, называли все конным двором, хотя никаких коней там и не думали содержать. Там же, на горке, где теперь находится ПАТП, была построена начальная школа. Я в ней училась. Тогда и магазин появился в деревне. От Щегловска начали прокладывать железную дорогу на Барзас. В 1935 году по ней пошли поезда товарные и один поезд в сутки – пассажирский. Детишками мы всё время бегали к железной дороге посмотреть, как её строят. А потом, когда пошли поезда, мы не пропускали ни одного. Встречать и провожать их, было, как бы нашей обязанностью.

А вообще обязанностей у детей, особенно летом, много было. За скотиной присматривали, в огороде помогали, иногда и на колхозные поля нас забирали, а ещё – грибы, ягоды. За ягодами далеко ходить не надо было – на месте Октябрьского района и дальше стояла непроходимая тайга. И в ней ягодников было видимо-невидимо! Ходили за ягодой и к Барзасу, и на Сергиевку. Но та сторона далёкой считалась, и если мы туда направлялись, то обыкновенно с ночёвкой. Там ведь у реки наши покосы были. Смородины, кислицы и клюквы по болотам там очень много было. Маленькие, конечно, мы с родителями ходили в такую даль – зверей боялись, хотя я за свою жизнь в лесу ни одного медведя или волка не повстречала. Но вот мать говорила мне, что в первые годы их жизни

здесь, медведи «в окна заглядывали». Потом мы стали одни ходить. Заблудиться в лесу не боялись, потому что невозможно было. В каждой стороне обязательно на какую-нибудь деревеньку наткнёшься. Сейчас- то их не стало, побросали люди дома свои и в города подались. Вымерли селения Сергиевка, Колбинка, Одиночная, Конюхта, Черниговка, Максимовка, Романовка, Красный городок – вон их сколько вокруг было!

Жители нашей деревни относились к сельсовету Красного городка. Какойлибо документ нужен, допустим, зарегистрировать молодожёнов – туда направлялись. А это далёко. До Романовки, что поближе, и то по прямой пять километров было, а Красный городок располагался там, где сейчас Черниговский разрез уголь добывает. Летом меня (я уже в начале войны семь классов кончила) частенько упрасивали туда за почтой сбежать. Идёшь по тайге одна, хотя и знакомо всё, а страшно и дороге конца и края не видно. Бывало, сумка тяжёлая – газеты, письма с фронта, извещения о смерти односельчан приносила. Понимала, что горе несё, ещё более тяжёлой ноша казалась.

Средняя школа была у нас тогда только на Кургановке, расположенной рядом с шахтой «Южная». Далёко от дома. Каждый день не находишься. Поэтому на время учёбы отец снял там мне квартиру и я жила неделю в Кургановке, а на выходные по железной дороге пешком в Нижний Барзас приходила. 1 сентября 1943 года, мне ещё 16 лет не исполнилось, по повестке из военкомата меня мобилизовали работать на шахте «Южная». Мужчин – то всех на фронт воевать забрали, совсем некому стало добывать уголь. Спустили нас под землю. По решёткам мы с девушками отгребали уголь из забоев к ленточным конвейерам, грузили в вагонетки. Эти вагонетки по рельсам транспортировали к скиповому подъёмнику лошади.

Работали мы до конца войны. Без выходных и отпусков. По 8 часов в смену. 10 выходов в одну смену, 10 – в другую

, 10 – в третью. Каждый день собирал нас начальник перед спуском в шахту и объявлял: сегодня повышенная добыча. А это значит – надо упираться и выдать угля больше установленной нормы, которая и без того была очень большая. Если же задание не выполнишь, жетоны мастер не даёт и на поверхность не выпускает. Можешь – не можешь, а добывай, сколько приказано.

На питание нам давали карточки. По ним можно было питаться в столовой, либо отоваривать их в «стахановском» – специально открытом для подземников магазине. За хорошую работу нас, бывало, награждали присылаемыми из Америки поношенными вещами. Я сама как-то получила в награду блузку, хорошенькую такую и рада была ей до безумия.

С начала войны «Таёжный маяк» объединили с колхозом «Победа Советов» из Романовки. Тот колхоз был более оснащён техникой и тягловой силой. Но и у них многих мужчин забрали на фронт, поэтому от такого объединения колхозникам легче не стало. Работы прибавилось. Теперь надо было не только землю своего колхоза обрабатывать, но и помогать романовцам. У тех ведь полей было намного больше. Но и из «Победы Советов» приезжали колхозники со своей техникой на Нижний Барзас заготавливать сено на наших угодьях. Так, помогая друг другу, и выживали крестьяне, внося свой вклад в снабжение армии и страны продовольствием. Ковали победу в самом прямом смысле.

В шахте я трудилась до 1 сентября 1946 года, пока замуж не вышла. Будущий мой муж работал начальником лесозаготовительного участка Кемеровского военного завода №519. Так как мои старики часто болели, и за ними нужен был постоянный присмотр, мы с мужем переехали к ним. В 1948 году родилась у нас дочь Катя, в 1950 – сын Толя. В тесноте жили и потому решились с мужем на строительство своего дома. За-

готовили стройматериалы и пониже отцовского дома поставили свой дом, в котором я и живу сейчас.

Лида, следующая наша дочь, родилась как раз за год до окончания строительства дома, сын Юра родился в 1964 году. Раньше детских садов не было, а мать всё время болела, так я, как первую дочь родила, сразу же и перестала работать. Управлялась по дому с хозяйством и детьми.

В 1965 году на Нижнем Барзасе «Водоканалом» был запущен второй водоподъём. Мой муж работал в этой организации машинистом, туда же устроилась и я. С тех пор там и работаю уже ровно 30 лет мотористкой. За работу меня награждали Почётными Грамотами и премиями. А вот нынче я включена в списки для получения наград правительственных в честь 50-летия Победы. Поздно, конечно, заметили, вспомнили о нас и оценили наши заслуги за труд во время войны, но всё равно – на душе приятно.

Вначале на втором водоподъёме действовало две скважины, стояла 25-кубовая накопительная ёмкость, а ютились мотористы за своим машзалом в маленькой избушке. Тогда, собственно, города, как такового и не было ещё, потребности жителей в воде удовлетворяли две скважины. Сейчас их восемь, накопительная ёмкость – 1000 кубометров, и всё равно воды не хватает. Удивительно, как быстро застроилось всё вокруг, и появился город. Ведь на моих глазах происходило это. В 1957 году появилась улица Дунайская, потом – Кочубея, Жигулёвского, Котовского. Как по мановению волшебной палочки разместились на освобождённой от леса обширной поляне финские домики и рубленые бараки для строителей ЦОФ и шахт «Берёзовская» и «Бирюлинская». В образовавшемся Октябрьском районе построили деревянный клуб (где сейчас магазин №43), магазин напротив милиции, школу №3. Дети мои уже учились в этой школе. Сейчас дети выросли.

Старшая дочь работает в типографии и живёт со мной. Младший сын получил квартиру в микрорайоне, трудится на ЦОФе. Младшая дочь живёт в Санкт-Петербурге. Старший сын окончил речное училище в Новосибирске, там и остался, плавает по Оби.

Александра Ивановна рада за своих детей: выучились, выросли – каждый нашёл своё место в жизни. Это ли не счастье для матери? Не напрасно, выходит, поехал её тятя в Сибирь за своим и её счастьем впридачу. Получилось так, как он замышлял. Может и не совсем так буквально, но нашёл он его и дочь нашла его в нашей Сибири. И вот 67 лет теперь ей. Продолжает работать потихонечку. На пенсии числится уже 12 лет. Но рассчитывать она пока не думает. Ей-то одной бы пенсии и хватило, но очень уж много у неё внучат. И всех она любит. Те же конфетки, платице в подарок, игрушку, какую разве купишь сейчас на пенсию? По хозяйству (корова, гуси, свиньи, огород) ей управляться помогает дочь, наездами – сын. Так и живут они большой, дружной семьёй. И, глядя на эту семью, хочется верить, что никакие «вихри враждебные» не в состоянии разметать, уничтожить и исковеркать то, что нам, людям, природой предназначено свыше – в своих детях продлевать род человеческий.

ЗА ЧТО ВОЕВАЛИ?

Я родился после Великой Отечественной войны 1941-45 годов. Кровь, нестерпимая боль утрат, блокадный голод и холод развороченных снарядами зданий обошли по времени меня стороной. Но я помню металлические взвизги подшипников самодельных тележек, на которых, как на постаментах, восседали многочисленные калеки – по пояс обрезанные войной солдаты.

Я слышал на развещающих ветром семенную шелуху кемеровских базарах заунывные напевы трофейных гармоней. Я видел заливающих своё горе дешёвым вином нищенствующих попрошаек, у которых война отобрала всё и которых жалели люди. В моих ушах и сейчас звенит зубовный скрежет контуженного войной отца. Но я помню также безграничное ликование народа в День Победы, энтузиазм послевоенных строек, перестук топоров по всем весям Союза. В мирном созидании люди старались поскорее освободиться от перенесённых в военные годы ужасов. Вера в себя, свои силы, возможности помогала бывшим солдатам забыться. Но полностью забыть, выбросить из своей памяти напрочь исковеркавшую их душу и изломавшую многих войну невозможно. Она ещё и сейчас, через полвека после происшедшего с ними, ярко, выпукло, зримо гонит и гонит из опалённых войною мозгов уцелевших бедолаг обрывки видений, эпизоды – в каждом из которых страшным оскалом воскрешается в памяти укрощённая смерть.

Кузбасс. Город Берёзовский. Музей, созданный участником Курской битвы В Плотниковым. Август 1993 года. Празднование юбилея этой битвы его участниками, которых на данный момент осталось очень мало. В тесном зале музея собрались старички и старушки. Груды, украшенные боевыми наградами, трясущиеся руки, немощь – вот что представляют сейчас собой солдаты, победившие врага в этой, переломившей весь ход войны битве. Поздравления, слова благодарности, банкет и концерт, устроенные по этому случаю, как будто влили в их вены живительную, свежую кровь. Родина помнит их подвиг и, хотя не может сейчас предоставить им спокойную старость, они довольны и таким вот знаком внимания. Лица их стали одухотворёнными, преобразились. Непрерывным потоком полились воспоминания, каждому хочется высказать сокровенное, пережитое только им. Все слушатели и все рассказчики. Гомон стоит над столами.

Чтобы лучше слышать, придвинувшись поближе, разговорился я с одним из участников Курской битвы Михаилом Александровичем Акифьевым. Он 1924 года рождения. Призван был в армию из Беловского района 19 августа 1942 года. Три месяца обучения на водителя танка Т-34 в Нижнем Тагиле – и вот он под Москвой. Город Белёв. Немцы, остервенело огрызаясь, отступают под натиском советских войск. Танковый полк №36. Первый бой. Холодно. Страшно. Пространство, видимое перед собой через прорезь в броне, не позволяет определить, куда надо ехать. Сидящий в башне командир тычками ног передаёт команду, когда и в какую сторону надо поворачивать. Немцы дупят снарядами по наступающим. Взрывы спереди, по бокам и сзади оглушающее давят на барабанные перепонки. Осколки снарядов с ужасающим звуком скользят по броне, заставляя втягивать голову в шею. Но ничего, обошлось. В первом же бою видны результаты – освободили часть русской земли. Воспрянул.

С этим полком дошёл Михаил до Курско-Орловской дуги. В городе Карачи 13 августа немцы подбили танк. Тогда-то и ранило первый раз Акифьева в правую руку. Полгода лежал в госпитале Горького. После ранения попал в ту же танковую часть, но уже в другой полк – №16. Переправлялся через Днепр, участвовал в освобождении Киева. В мае 1944 года в местечке Дача-Буца ранен во второй раз, но уже в ногу. Ещё и взрывом контузило. Попал в госпиталь Воронежской области. Потом увезли на Украину. В Днепропетровске лежал в госпитале год и два месяца. Демобилизовали по ранению в августе 1945 года. Инвалид войны второй группы. После войны трудился и жил в посёлке Мохово. Осколок, метка войны, вышел из тела в 1957 году.

Михаил Александрович приехал в Берёзовский в 1963 году – пригласил товарищ, который давно уже здесь жил и работал, и которому очень полюбились эти места. Полюби-

лись они и Акифьеву. Работал в ШМУ-7 трактористом. Последнее время – на К-700. Теперь вот на пенсии. Пенсия, как участнику войны и инвалиду войны, ему начисляется приличная. Есть квартира, машина, дети и внуки. Но нет только уверенности в завтрашнем дне. Не для себя, чего уж там осталось им, старикам, жить, а вот что будут делать после них внуки – не понять. А и за что воевали – не ясно. Весь мир перевернулся вверх ногами. Нравственные ценности подмечены сексом и мордобоем. На этом далеко не уедешь. Чуждо это простому человеку, а значит и временно. Вот только как долго продержится эта «временщина» – неизвестно. Так рассуждает старый солдат. И закликает нас, молодых, беречь мир, не дать сполуху войны объять нашу Родину.

Август 1993 года.

ЗАЧЕМ ГУБИТЬ НЕВИННУЮ ДУШУ?

В июле 1993 года в редакцию обратилась за помощью пенсионерка Надежда Дмитриевна Рубцова. Суть её просьбы: помочь бывшему питомцу детдома Берёзовского Юрию Владимировичу Махиору. Не получилось совместной жизни у родителей Юры, и сразу после его рождения 7 декабря 1974 года они сдали его в новокузнецкий Дом малютки, откуда он, здоровый и подвижный малыш, был направлен в Берёзовский детдом для слаборазвитых детишек. Здесь его научили считать, писать, вязать шерстяные вещи, плести макраме и абажуры. Когда мальчишка подрос, он год работал в свинарнике детдома, а потом четыре месяца грузчиком при конюшне.

По достижении совершеннолетия нормальных детишек из детдома направляли в училище Новокузнецка для приобретения

строительной специальности, с которой и выходили они в жизнь. Попасть в училище мечтал и Юра. Но мечте его не суждено было сбыться. Вместо училища его документы направили в Краснинский психоинтернат, находящийся в Прокопьевске, росчерком пера определив дальнейшее его проживание там на всю жизнь.

Самостоятельный и чуткий к справедливости, юноша не мог смириться с тем. Что его обрекли всю жизнь жить в замкнутом пространстве, и из Краснинского интерната убежал.

История подростка, как видите, не проста. Лишённый родительской любви и заботы с младенческих лет, он, тем не менее, вырос человеком трудолюбивым, не без способностей. Под руководством воспитательницы Зои Григорьевны Степановой очень быстро научился плести цветы и абажуры. Выходило у него красиво. Женщины, работающие в детдоме, стали просить его сделать что-нибудь для них. И мальчишка с радостью делал, ведь интересно видеть сделанные твоими руками красивые вещи. Людям нравилась его работа, но те, кто заказывал, за поделки не платили. А в группе Зоя Григорьевна завела книжку, на которую откладывала деньги, заработанные ребятами. Они тратились на кино, сладости. Конечно же, Юре было неудобно, что он не вносит свою лепту в общественную копилку. Да и мальчишки стали настаивать, чтобы он бесплатно никому поделки не делал. Это не понравилось обслуживающему персоналу, и на мальчишку стали косо смотреть.

Запомнился Юре такой случай несправедливого отношения к себе: перетаскав как-то все ящики с яблоками, привезёнными в интернат, он взял для себя и ребят, носивших с ним ящики, три яблока. Обычно за подобную работу взрослые его всегда чем-нибудь угощали. Но тут, увидев у него яблоки, их отобрали. А вечером он стал свидетелем, как воспитатели и завуч понесли домой полные сумки яблок. Он, естественно, не мог смолчать и сказал, что они поступают нехорошо.

После этого за всё, что бы ни случилось в группе, завуч, даже не разобравшись, винила Махиора. Однажды его обвинили в воровстве сыра, и хотя выяснилось, что это сделал не он, Юра всё равно понёс наказание. Чтоб неповадно было. Были и абсурдные обвинения в поджоге детдомовского сена.

— Но как я мог сжечь сено. Если я сам знаю, как оно тяжело достаётся. Нас от детдома к себе на косьбу часто забирала Нина Ивановна Оплачко, и мы знаем, что это такое. Уничтожить свой труд – да у кого рука на такое поднимется? По мнению завуча Масловой, я стал ответным человеком, способным на что угодно. Она даже грозилась привести своего сына, чтобы он «набил мне морду» и вообще угрожала, что упечёт меня не в училище, а туда, откуда я никогда не выйду. И действительно упекла. Зоя Григорьевна, наш воспитатель, постоянно говорила мне, чтобы я, если хочу быть хорошим, никогда не пререкался со взрослыми. Но как молчать, если знаю, что я прав, а взрослые несправедливы к нам? Психоинтернат – результат моих пререканий – с горечью подытоживает свой рассказ Махиор.

— А как ты попал к Надежде Дмитриевне?

— Наша нянечка, Любовь Григорьевна Красавина, когда узнала, что меня увозят в Прокопьевск, сказала, чтобы я лучше переезжал жить к ней. Она жила тогда со своими детишками. Дала свой адрес и телефон. А когда я приехал, то её муж (она успела выйти замуж) завозмущался и начал гнать меня из дому. Я хотел уехать куда-нибудь, но Любовь Григорьевна уговорила меня, и я прожил в их семье две недели. Красавина хотела забрать мои документы и устроить меня на работу. Но ей их не дали. Тогда она написала записку Надежде Дмитриевне, что уезжает на несколько недель в Кемерово и просила присмотреть за мной. Я приехал сюда. Бабу Надю я давно знаю. Она меня и приютила.

Так Юра Махиор попал в дом к Надежде Дмитриевне Рубцовой. Раньше она в детдоме работала. Живёт одна. Сама была

сиротой, поэтому хорошо понимает Юру. Понимает и сочувствует. Она и раньше не раз приглашала его со своими друзьями в гости. Мальчишки приходили, помогали по хозяйству, за что она им хоть немного (по два-три рубля), но всегда платила.

— Тогда ведь деньги-то в цене были. Кормила их, баньку натапливала. Привечала, как могла, ведь дети же, — с улыбкой вспоминает Надежда Дмитриевна и тут же переводит разговор на Юру:

— Он у меня уже теперь три месяца живёт. Я к нему всё время присматривалась и вижу, как он хочет уцепиться за жизнь. Берётся за любую работу, всему хочет научиться и попробовать сделать сам. Что не может — спрашивает, как надо сделать. Верю, что он встанет на ноги. Только нужно направить его на правильный путь. Решила помочь ему. Стала добиваться выдачи документов, да всё без толку. В последний раз он пришёл и говорит: «Я у них в кабинете вскрыю себе вены или в подвале повешусь, но пожизненно в доме престарелых мучиться не буду». Нельзя этого допустить. Работать он может. Но для устройства на работу ему нужны документы. Красавина устроила его на свои документы работать на ЦОФе. Отработал пять дней в апреле и 20 в мае, пока его не сбила машина. Три дня пролежал в больнице, а потом я и решила: незачем ему работать на кого-то, надо получить свои документы и тогда уже устраиваться. Обращалась я к Н К Трушиной, заведующей детдомами области. Она обещала выдать Юре документы. Он ездил в Прокопьевск, но их ему не дали. Может быть, вы сможете помочь определиться парню? Пока он будет жить у меня, устроится на работу, то может быть, общежитие или квартиру получит, и будет жить как человек. Ведь здоровый же он, способный.

После разговора с Юрой и Надеждой Дмитриевной я отправился к директору Берёзовского детдома А Г Данилину. Тот, в принципе, не отказывался выдать Махиору документы, но ока-

залось, что они уже отправлены в Прокопьевск и только Махиор их может получить. Удалось заручиться и согласием областного начальства. И Юра поехал сначала в Кемерово, а затем в Прокопьевск. Приехал оттуда с одними метриками: паспорт попридержали, потребовав сдать всю полученную в детдоме одежду. И это несмотря на то, что есть положение, согласно которому выпускников из детдома обязано государство снабжать одеждой. Но для Прокопьевска Закон, похоже, не писан, или заведующая этим детдомом является близкой родственницей завуча детдома Берёзовского и потому так близко к сердцу воспринимает неудавшуюся попытку коллеги испортить жизнь молодому человеку.

Вернувшись Берёзовский Юра, сгрёб всю детдомовскую одежду, вплоть до майки и трусов, и отвёз их в Прокопьевск. Благо, у него была уже другая, цивильная одежда, а то ведь совсем бы голышом остался. Но главное – на руках у Юры теперь есть паспорт. Директор детдома в Прокопьевске, войдя в положение Юры, заставил кладовщицу взамен старого тряпья выдать парню лёгкий костюм и ботинки. С тем и приехал Юра в Берёзовский.

Решается вопрос о трудоустройстве Юры. Главный инженер горэлектросети А. И. Горшков не против принять Махиора к себе на работу. Значит, дело за малым. Возможно, что к моменту опубликования написанного всё и устроится у Юры.

Ну что же, пожелаем ему счастливо трудиться и жить, как все люди. Доброты Л. Г. Красавиной, настойчивости пенсионерки Н. Д. Рубцовой и её душевной щедрости можно только позавидовать. И вообще – это ведь очень хорошо, что нашлись в нашем городе люди, не позволившие напрасно загубить невинную душу.

Кстати, много позже я узнал, что Махиор живёт и работает в Новокузнецке, занимается спортом и уже стал перворазрядником в борьбе, какой – не помню.

Июль 1993 год.

ЛАУРЕАТ ПРЕМИИ КУЗБАССА

Именно он был тем радистом-разведчиком, который в 1961 году перехватил в эфире телеграмму – «молнию» о выходе американской седьмой полевой армии на исходные позиции. Эта информация для советского правительства была очень важной. Тогда Берлин был поделён союзниками на четыре зоны. И по меже раздела ствол в ствол стояли русские, американские, французские и английские танки. Мир на планете в то время балансировал на грани срыва в пропасть третьей мировой войны.

Иван Растегаев три года отслужил в разведке радиотехнических войск СССР, дислоцировавшихся в Германии. Демобилизовавшись, он 5 декабря 1962 года вернулся на родину – в село Малопесчанку Мариинского района. Его друзья и двоюродные братья учились в Мариинском лесотехническом техникуме. Обратился к директору техникума с просьбой принять его на учёбу и Растегаев.

— Очень хочешь учиться?

— Хочу!

— Что ж, принимаю, а вы, друзья, – сказал директор обступившим его студентам, – помогайте ему...

Таким-то образом и поступил бывший солдат в техникум на дневное отделение по специальности «техобслуживание и ремонт автомобилей». В новогоднюю сессию студенты сдавали экзамены по курсу, а он – вступительные и те, что сдавали студенты. Как губка, впитывал в себя знания, действительно хотел учиться и учился, досконально изучая каждый предмет. К концу учебного года по объёму приобретённых знаний он выровнялся со студентами своей группы. И в 1965 году он закончил этот техникум на «отлично» и вступил в ряды КПСС.

По окончании техникума Ивана Секутовича направили в Берёзовское АТП. Работал механиком, старшим механиком,

начальником отдела эксплуатации. В 1968 году он был переведён в аппарат Берёзовского горкома КПСС. Но через два месяца вернулся в АТП.

В 1973 году Иван Секутович Растегаев был назначен заместителем директора предприятия по эксплуатации. В 1982 году закончил Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. С 1991 года – директор Берёзовского ПАТП. Такова краткая биография человека, которого в нашем городе знают все.

Вот строки из характеристики, представленной для награждения: «Профессионал, руководитель современного типа». Это основные черты директора пассажирского автотранспортного предприятия Ивана Секутовича Растегаева. Основные, но есть ещё чёрточки, блики, полутона, из которых и сложился облик Растегаева как руководителя и как человека.

В. И. Циммерман, заместитель директора БШСМУ, – сказал о Растегаеве:

— Это один из руководителей, которому удалось сохранить предприятие. Все автобазы в городе «потухли», а Берёзовское ПАТП работает и считается одним из лучших в Кузбассе. Он заботится о коллективе: люди вовремя получают зарплату, своевременно лечат зубы, потому что у них есть свой зубной врач, купаются в собственном бассейне и в собственной столовой хорошо питаются. У них есть свой магазинчик, мини-пекарня. Директор живёт не одним днём. Довольно требовательный. Создал стабильный коллектив. Уважает трудовые династии, старается, чтобы их в ПАТП было больше. Не любит, когда пьянствуют на рабочем месте. С этим делом он борется: предупреждает, переводит, увольняет. Приёма на работу в ПАТП сейчас нет, но я хотел бы работать с таким руководителем.

Растегаев не равнодушен к тому, что происходит в городе. Весь город к нему обращается за помощью: идут за

бензином, он не отказывает. Помогает и в ремонте машин. На посадку и копку картофеля старается обеспечить всех горожан транспортом. Безвозмездно помогает детскому дому. Для транспортировки к местам соревнований всегда выделяет спортсменам города, тоже безвозмездно, автобусы. Приветлив, доброжелателен, всегда находит время для обращающегося к нему человека. Думаю, что премию Кузбасса Растегаев своим трудом, отношением к делу заслужил стопроцентно.

— Иван Секutowич не выстроил себе трёхэтажный коттедж, не приобрёл «Форд» или «Лендкрузер» — может, поэтому всё у него и получается, — говорит давно знающая Растегаева Заведующая Берёзовским домом быта Светлана Ивановна Прилепа.

— Но ведь его же дотирует государство?

— Дотируют многих, но только другие совсем на иное деньги тратят...

— Я очень давно с ним работаю, — говорит сотрудница управления ПАТП.

— И заметила: какой бы неприятный осадок не оставил у него на душе предыдущий разговор, он с новым собеседником не повышает тон, не старается сорвать на нём своё раздражение. Перестраивается мгновенно. Выдержанный человек, вежливый. Женщин конторы всегда поздравляет с днём рождения. Никого не забывает!

— Как можно не уважать этого человека, ведь как бы он ни был расстроен состоянием каких-то дел, он никогда не выплёскивает свои чувства на окружающих, — отзывается о Растегаеве ещё одна работница. — Он не требует от своих сотрудников непосильной работы, но почему-то все на предприятии стараются выкладываться до конца. А ещё он всегда готов поддержать человека в трудную минуту.

— Растегаев — руководитель, который о нас думает, делает то, что надо. — говорят работники ПАТП. — Поэтому он нам нужен.

Руководимое И. С. Растегаевым предприятие за последние 5 лет оснащено современным технологическим оборудованием, производственная база высоко механизирована, что позволяет из года в год повышать производительность труда, стабильно работать коллективу. ПАТП — единственное в городе предприятие, которое теперь может проводить проверку автомобилей на токсичность (содержание примесей) выбрасываемых в атмосферу выхлопных газов.

В 1995 году был закончен перевод предприятия на автоматизированный расчёт заработной платы, обработку путевых листов водителей, закончено строительство сварочно-кузовного цеха. У трудящихся нет к директору вопросов по выплате отпускных и пособий на детей. В 1994 году работники ПАТП получили 6 квартир. За последние три года выполнены мероприятия по охране окружающей среды: в котельной установлены циклоны для очистки выбросов газов в атмосферу, построен угольный склад, введена дополнительная очистка сбросов хозяйственно-бытовых вод после хлорирования, после мойки автомобилей установлены дополнительные фильтры для очистки сбрасываемых вод. В экологический фонд перечислено более 50 миллионов рублей.

— А разве не в самом красивом месте расположено наше предприятие? — спрашивает горделиво Иван Секутович. — У кого ещё в городе вы видели такие электронные часы или застывших у фонтана каменных лосей?

Действительно, не у каждого предприятия на фасаде здания АБК выставлены электронные часы с термометром, не каждое предприятие находит средства для создания в полисадничке фонтана, да ещё к ним заставлять скульптора ваять

вымирающих в барзасской тайге лосей. И пусть термометр порой два градуса прибавит (вверху теплее, наверное), а фонтан водою брызгает лишь в периоды вдохновения, но всё это в ПАТП было запущено, в какие-то года радовало глаз, наличествует и сейчас, и его у него не отнимешь!..

Разговариваем с Растегаевым в его просторном, светлом, официальном и в то же время по-домашнему уютном кабинете. Солидное помещение – в нём впору принимать не только рядового работника местной газеты, но и кого-нибудь из Министерства автотранспорта России. По всей видимости, и принимали уже не раз: предприятие то одно из лучших в области. А с чем знакомятся в первую очередь посещающие Кузбасс московские гости? Как-то услышал: «Кабинет директора – лицо предприятия». Что ж, лицо у предприятия хорошее – ничего лишнего. Продумана каждая мелочь. Ничто не мешает работе, не отвлекает от дела. Чувствуется во всём: Иван Секутович здесь хозяин.

— Когда меня выбрали директором, – делится своими воспоминаниями Иван Секутович, – я начал свою деятельность на новом для меня поприще с того, что взял лист ДВП, разрезал его пополам и крупными буквами написал на нём свой первый приказ. Содержание приказа приблизительно такое: «Кто склонен к пьянке и прогулам, прошу добровольно покинуть предприятие». Этот приказ висел на стене около диспетчерской целый месяц. Времени хватило всем с ним ознакомиться. И, между прочим, большинство рабочих поняли меня. Ведь из-за пьянства и прогулов порой нельзя было организовать регулярное движение на автобусных маршрутах, вовремя произвести ремонт автомобиля и выпустить его на линию. Эти и масса других, создаваемых пьяницами и прогульщиками проблем ухудшали наше и без того неустойчивое экономическое положение. Кто-то из злостных прогульщиков уволился сам, кого-то

пришлось уволить в принудительном порядке, но теперь трудовую дисциплину в ПАТП если и нарушают (полностью это явление ещё ни одно предприятие не ликвидировало), то только вновь принятые. То есть в первую очередь я взялся за создание работоспособного и единого коллектива.

В 1991 году встал на реконструкцию «ЛИАЗ» – Ликинский автобусный завод. Я предвидел, что автобусов мы теперь отсюда не получим. И действительно: завод долго реконструировали, а потом развалили полностью. В любых условиях можно отремонтировать моторы и другие узлы машины, а салон автобуса – только в специальном кузовном цехе. Поэтому, чтобы продлить срок эксплуатации своего автобусного парка, состоящего в основном из автобусов марки «ЛИАЗ», я поставил перед коллективом ПАТП задачу: любой ценой в ближайшем будущем построить для себя кузовной цех. Мы приступили к его строительству в 1991 году, в эксплуатацию сдали в 1995-м. Теперь полностью можем произвести капитальный ремонт автобуса и ещё отработать на нём как минимум 5 лет. Для нас это хорошо, но требует больших материальных затрат: капремонт мы производим за счёт собственных средств, а для восстановления одного автобуса необходимо затратить от 30 до 45 миллионов рублей.

— На старой технике много не поездишь, даже имея кузовной цех и другие богато оснащённые ремонтным оборудованием помещения. Есть ли возможность у ПАТП приобрести новые автобусы?

— В России кроме Ликинского изготовлением автобусов занимается ещё Павловский автозавод. Но он выпускает только маломестные автобусы марки «ПАЗ-3205». То есть необходимых нам автобусов в России никто сейчас не производит. Приобретать «Икарусы» нам не по карману. Германия даже за своё б/у затребовала такие денёжки, что мы вынуждены

были отказаться. Так что сейчас наша задача состоит в увеличении сроков использования старого парка автобусов. То есть можно утверждать, что мы со своим кузовным цехом попали в нужную нам струю. Любое мероприятие, новшество, от внедрения которого угадывалась польза всему производству, помогали мне осуществлять Сергей Степанович Богданов, мой заместитель по перевозкам, а также главный инженер Александр Иванович Пригорницкий, начальник отдела снабжения Сергей Иванович Кротов, начальник мастерских Андрей Андреевич Бахман и многие другие как инженерно-технические работники, так и рядовые рабочие – водители, слесаря, кочегары.

— Взять хотя бы ту же заправку – большого ума не надо было предвидеть нестабильность поставок ГСМ. Прежняя заправка была у нас на 200 кубометров. Решили, что она для нас недостаточна. Начали её расширять. В 1996 году сделали и запустили бензозаправку уже на 500 кубометров. Конечно, такого количества ГСМ для ПАТП многовато, но мы взяли на себя хранение горючего сторонних организаций города. Заключение договора с некоторыми шахтами, мелкими организациями, администрацией города по хранению, приёмке и выдаче их горючего. За счёт оплаты наших услуг и наличия в ёмкостях бензозаправки чужого бензина мы всегда выходили из критических положений.

До 1992 года в ПАТП была только одна тёплая стоянка на 100 автобусов. Её не хватало для размещения всего автопарка: грузовых автомобилей на предприятии числилось 66, автобусов – 130. Поэтому была построена и принята в эксплуатацию в 1992 году вторая стоянка на 100 автобусов. Строили с размахом, потому что никто не думал, что очень скоро последует такой обвал в экономике страны. Потребность в автотранспорте предприятия резко сократилась. Уменьшилось количество грузовых авто-

мобилей до 24 единиц, автобусов – до 82. Появились свободные производственные площади. Что же с ними делать? – Растегаев нашёл им применение: для того, чтобы они приносили доход, предприятие предложило владельцам личного транспорта за незначительную плату – 50 тысяч рублей в месяц – содержать автомобили на этой стоянке. Предложение пользуется спросом.

В декабре 1997 года предприятие приобрело оборудование для монтажа и демонтажа резины, ремонта и регулировки передних колёс. Здесь создаётся отдельный участок, где уже оказываются платные услуги населению города до ремонту и наладке личного автотранспорта. Насколько хорошо здесь ремонтируют автомобили, свидетельствует тот факт, что сюда обращаются не только Березовчане, но и автолюбители других городов Кузбасса. В недалёком будущем доходы от деятельности нового цеха могут значительно пополнить казну предприятия.

Умение считать деньги и мыслить глобально, вовремя «развиться» нужной идеей, увлечь за собой – способности, позволяющие И. С. Растегаеву действовать с дальним прицелом. В то же время он и решение текущих дел старается не упускать из виду. Котельная ПАТП за отопительный сезон сжигает до 2000 тонн угля. Два месяца в прошлом и январь в этом году Растегаев оказывал некоторым угольным предприятиям транспортные услуги, выделяя в день на эти цели 2-3 автобуса. Водителями автобусов за это время наработано средств, эквивалентных стоимости 1500 тонн угля, которым и хотят расплатиться с ПАТП разрезы и шахты за автоуслуги.

— Уголь нам нужен, и мы вывезем его на закрытый склад. – говорит Растегаев. – Проблема обеспечения предприятия топливом на следующий отопительный сезон уже, можно сказать, решена. Посылая работать водителей в долг, я рисковал, но риск этот в конечном итоге для всех нас обернулся выгодой.

А выгоду во всём Ивана Секутовича вынуждают искать об-

стоятельства: производственная деятельность ПАТП убыточна и должна дотироваться государством. Она и дотируется, но как? За 1997 год государство должно было выделить 10 миллиардов рублей. На счёт предприятия не поступило и половины дотации. С 28 декабря прошлого года по 6 февраля нынешнего ПАТП получило от «Кузбассавтотранса» 25 тонн бензина, а сожгло за этот период 150 тонн. Вот куда уходит наличная выручка от продажи билетов. На эту же выручку приходится приобретать запчасти и необходимые на производстве материалы. И помимо этого появились новые статьи расходов: за аттестацию руководителей надо платить, за лицензию, за техосмотр, сертификаты, за проведение анализов по газу, воде, вибрации – всё это выливается ежемесячно в порядочные суммы, которые надо откуда-то брать, выискивать источники пополнения, либо ужесточать контроль за деятельностью предприятия. Например, 30 января по городу была организована бесплатная перевозка пассажиров. Чтобы не оставить без работы кондукторов, Растегаев направил их на обслуживание междугородных маршрутов, и выяснилось, что выручка, которую собирают водители на промежуточных остановках, увеличилась в полтора-два раза. По-этому руководитель предприятия обращается к пассажирам: отдал деньги – требуй билет.

Не так давно «Кузбассобувьбыт» продавал лишний автобус за 42 миллиона рублей. Реальная цена ему 290 миллионов. И, конечно же, Берёзовское ПАТП не упустило возможности приобрести для себя такой «дешёвый» автобус. В Плотново воинская часть продавала «Камаз», и его тоже забрал ПАТП (за 25 миллионов рублей) Растегаев. Стоимость одного колеса «Камаза» – 1,2 миллиона, таких колёс у него 10. Выгодная покупка? Конечно.

— Нельзя заикливаться на том, что всё плохо и всё кругом рушится. Надо действовать, – говорит Иван Секutowич. – Я

считаю, поступил правильно, взявшись три года назад за реализацию угля, который мы получали по взаимозачёту. Это позволяло предотвратить простои из-за отсутствия бензина, задержки по зарплате. За уголь мы покупали автобусы, «хлебные» машины, бытовую технику. Но не это всё-таки самое главное. Любой руководитель мог догадаться вести расчёты тем, что ему предлагали, и так делали, собственно, многие. Кто раньше, кто позже. Главное, наверное, в том, что за период моего директорства удалось сколотить трезвый, работоспособный, ответственный перед пассажирами коллектив.

В 1988 году звание «Заслуженный работник автотранспорта России» получил работник ПАТП Геннадий Павлович Пряхин, в 1995 году – Александр Алексеевич Дементьев, в 1997 – Иван Секутович Растегаев. Помимо этого звания за достигнутые трудовые успехи предприятия ему присвоено и звание лауреата премии Кузбасса. В нашем городе он с таким званием единственный.

1997 год.

ЧТО МОЖЕТ БЫТЬ СЛАЩЕ МЁДА?

Каждый ли из нас знает, что со 2 по 10 октября когда-то справляли пчелиную девятину? Праздник такой был. В это время ставили ульи в омшаники, готовили пчёл к зиме, последний мёд собирали. А молодёжь в это время устраивала «Трифоновские вечеринки», на которых выбирала себе женихов и невест... Всю девятину стар и млад пил медовуху – кисленькое такое, как квас (сам пробовал!) пивцо, разящее при большом употреблении наповал, и заедали его медовыми пряниками. Хороший был праздник, и именно сейчас, когда всё чаще обраща-

ются россияне к своим первоначальным истокам, нам надо хотя бы в памяти освежить то доброе, что было у нас в прошлом.

Медоносные пчёлы – древнейшие обитатели нашей планеты, появились они на Земле 60-80 миллионов лет назад. До человека, то есть. Так вот, уже тогда Природа запрограммировала их появление специально для нас – они производят уникальную для человека продукцию: мёд, воск, прополис, пчелиный яд и другое. Кроме того важнейшая их функция – перекрёстное опыление растений. Без пчёл нельзя получить высокие урожаи садовых, огородных и кормовых культур. Предприимчивые председатели колхозов и иные хозяева сельхозугодий даже платят деньги пчеловодам-любителям за установку ульев на период медосбора поближе к полям.

Мёд и воск играли чрезвычайно важную роль в жизни русских удельных княжеств и Московского государства. Мёд и воск служили предметами дани, а также в исключительно больших количествах шли на экспорт в Византию, Западную Европу и на Восток. В 16 веке в России производилось около миллиона тонн мёда в год.

Русский пчеловод П. И. Прокопович в 1914 году впервые в мире изобрёл рамочный улей. Потом он организовал у себя на родине пчеловодческую школу, где в течение 50 лет обучал пчеловодов рациональным приёмам ухода за пчёлами. У него было пчеловодческое хозяйство в 12 тысяч пчелосемей.

В 1919 году советская власть издала декрет «Об охране пчеловодства», по которому владельцев пасек не ограничивали в размерах земельных участков. Сколько хочешь ульев – столько и ставь!

В 1941 году в результате такого отношения власти к пчеловодам (помимо земли для них были открыты заводы по изготовлению пчеловодческого инвентаря) ульи-колоды, дуплянки и сапетки, плетённые из соломы ульи полностью

были вытеснены с пасек и заменены современными рамочными ульями. Тогда СССР по развитию пчеловодства занимал первое место в мире. Третью всего количества медоносных пчёл, населяющих земной шар, приходилось на нашу страну! Пчеловодство встало на промышленный путь развития. И у пчеловодов-любителей с каждым годом усиливается интерес к занятию пчеловодством.

В Берёзовском и его окрестностях живёт очень много пчеловодов-любителей. В Успенке одно время даже действовал пчелосовхоз. Сегодняшний рассказ будет о берёзовчанах, влюблённых в пчёл, этих крылатых, маленьких тружениц.

Семидесятирёхлетняя Ульяна Харлампиевна Симонова со своим мужем Иваном Афанасьевичем живёт в посёлке Арсентьевка с 1959 года. Держат пчёл. Занимаются ими много лет. Сейчас Иван Афанасьевич лежит в областной больнице. Всем хозяйством и пчёлами понемножечку, с помощью сына, тоже живущего в посёлке, заправляет сейчас Ульяна Харлампиевна – дородная, симпатичная женщина.

— У меня ещё отец,— вспоминает она — начал держать пчёл. В 1922 году мы жили в Глушинке, отец работал в колхозе «Красный боец». Как-то отец с мамой пошли в лес, и мама увидела подлетающих к дуплу пчёл, подозвала отца. Так вот они обнаружили гнездо. Отец заткнул дупло, аккуратно свалил дерево, отрезал от ствола чурбак с пчёлами и принёс домой. Эти пчёлы прижились у нас. Отец наделал ульев и скоро отроившиеся семьи стал переселять в новые ульи. А потом он пчеловодом в колхозе стал работать.

Когда я выросла и вышла замуж, Иван Афанасьевич тоже стал держать пчёл. С ними ведь легче жить. У нас в семье было шестеро детей: четыре сына и две дочки. Сейчас уже девять внуков и шесть правнуков. И все любят сладкое. А что ещё может быть слаще мёда? Из Глушинки в 1959 году мы переехали

в Арсентьевку. Перевезли своё хозяйство и пчёл, конечно, — тех, от первой семьи, что мама ещё в лесу с отцом нашла.

Не могу сказать, какой породы эти пчёлы, русские, наверное. Всегда они серые были, но несколько лет назад кто-то поблизости завёз другую породу. Похоже, наши пчелиные матки облетались с чужими трутнями, и теперь половина пчёл у нас стала желтоватого окраса.

Я с пчёлами знаю, как обращаться, но главный по пчёлам у меня муж. Он постоянно выписывает журнал «Сельская жизнь» и прочитывает материала, касающиеся пчёл. Да и не только в этом журнале — всё, что о пчёлах пишут и ему в руки попадает, он обязательно прочитает и для себя выпишет. Знает он и способы борьбы со всеми пчелиными болезнями. Поэтому за 38 лет у нас от болезней не пропало ни одной пчелосемьи.

Когда у нас стало 23 улья, муж перевёз их в Ломовое, и за четыре года до сорока пчелосемей у нас расплодилось. Уж как он любит с ними возиться! Во всё вникнет: какой семье мёда добавить, расплод увеличить, если слабенькая семья — соединить с другою, чтобы покрепше стала и не погибла. На зиму мёда в ульях по 16-20 килограммов оставляет на корм и еще, потом подкармливает их сахарным сиропом литра по три на улей.

Зимой пчёлы у нас в подполе находятся, в отдельном помещении. 6 апреля им первый облёт делаем, а если тепло, то и 28 марта. В июне, когда пчёл народится в улье слишком много, они начинают роиться и в один из дней, обычно с одной маткой, вылетают на поиски свободного места. Тут надо следить за ними, и как только рой сядет на привой — куст, под крышку улья или уцепится за изгородь — его сразу же нужно собрать в роевник, поставить в прохладное местечко, чтобы пчёлы успокоились. А потом уже, вечером (они обычно в середине дня вылетают) и заселять их в приготовленный пустой улей.

А чтобы рой не улетел из нового места, туда помимо рамок с вощиной, необходимой для строительства сотов, ещё надо установить и пару рамок, засеянных маткой и приплодом. Пчёлы попадают в такой улей и успокаиваются, Но обязательно нужно определить у них в это время наличие матки. Если её нет, то посадить свободную, либо создать пчёлам условия для выращивания собственной. Иначе они не приживутся.

На следующий же день, если всё у них нормально, они начинают строить соты. К зиме успевают отстроить их полностью и создать запас на зиму, а также дать товарный мёд. У них ведь очень высокая продуктивность.

Они не все летают за мёдом. Роли между ними распределены строго: одни охраняют улей, другие прибирают его, создают необходимую температуру (34 градуса) и влажность, третьи ухаживают за приплодом, маткой и трутнями – этими второстепенными, с нашей точки зрения, работами занимается около половины пчёл. И только вторая половина их летает за взятком.

Дед с пчёлами аккуратен, старается их не раздражать, но всё равно они кусают его каждый год. Он привык к этому. Любит пчёл, да и я тоже. Устали мы, правда. Хотели в этом году продать оставшиеся 20 ульев, но не находится покупателей. Жалко, правда с ними расставаться, и не подумайте, что от выгоды – привыкли мы к ним. Не старость бы, так и продолжала бы жить с ними...

Ульяна Харлампиевна очень огорчилась, что не оказалось в этот момент дома её хозяина: уж он-то бы мне всё объяснил, рассказал. Хотя пчёлки и в её жизни не меньше места занимают. Пчёлки, пчёлки – чем-то сродни их суетная, до края заполненная работой жизнь с женскою долей...

Следующая наша встреча – тоже с жителем Арсентьевки Иваном Алексеевичем Проваловым. Родился он в 1930 году в

Горьковской области. В 1949 году после ФЗО попал в Ленинск-Кузнецкий. Работал там до 1969 года на шахте «7 ноября».

— Заинтересовался я пчёлами, – рассказывает Иван Алексеевич, – прочитав о них статью. Начал разговаривать с пчеловодами, узнавать всё о жизни пчёл. Очень хотелось самому их развести. Познакомился с Игнатом Юлькиным, он тоже увлёкся пчёлами – мы вместе с ним обошли несколько деревень вокруг города и приобрели по две пчелосемьи.

Привезли ульи домой, поставили на усадьбе. Пчёлы летают. У меня же ни инструментов, ни навыка общения с пчёлами нет. Что делать с пчёлами этими? Когда слушал, вроде бы всё ясно было, а на практике и не понять. Ходим друг к другу и чешем затылки от заботы, что сами на себя взвалили такую ношу. Мне в первый же день пчёлы укусили всё лицо. Покусали так, что глаз даже видно не было. Но ничего, со временем научился управлять этим «народом». Вначале, когда ульев мало было, пчёл держал в огороде, а потом стал вывозить в поле на цветение трав люцерны, донника, одуванчика и других. Не только я так делал. Днём деда ульи охраняли, на ночь сам приезжал. Пчёлы с разнотравья хороший взятки брали. Выгодно было держать их в поле.

В это время я поступил заочно в пчеловодческое училище в Липецкой области, а в 1970 году закончил его на «отлично». Потом решил поменять профессию, рассчитался и уехал из Ленинска в пчелосовхоз «Таштагольский». Два года там пчеловодом проработал. В 1972 году переехал в Арсентьевку. Места здесь богатые. С 1972 года по 1975-й работал в «Шахтострое», до 1980 – на шахте «Первомайская» проходчиком. Теперь на пенсии.

Оглядываю его усадьбу – дом как игрушка, украшен резьбой. Красивый – загляденье! Двор под одной крышей, чтобы снег не мешал зимой. Два трактора и мотоцикл в ограде. Ко-

рова, свиньи, полтора десятка ульев. Всё своим трудом, своими руками создано.

Иван Алексеевич признаётся, что он не очень сильный пасечник, вот если бы мне обратиться к дедушке, что живёт в Сосновке, тот лучше бы всё объяснил про пчёл. Но и из этого разговора с ним я понял, что знает этот человек своё дело досконально. Интерес его к пчёлам – на всю жизнь.

Подвёл он меня к стоящему вдоль ограды ряду ульев, приподнял крышку одного из них: ульи уже упакованы двумя ватными одеяльцами и холстиной. Отвернул края, вижу – сверху сидят сбившиеся в клубок пчёлы, пахло на них свежим воздухом – заползали, потревоженные.

— Так они и зимой сидят, – поясняет Иван Алексеевич, – друг друга греют. Едят мёд и выделяют тепло. Клубком ползают по сотам всю зиму. Мёд кончится, не будет чем поддерживать температуру внутри улья – замёрзнут. Поэтому всегда запаса мёда должно хватать на зиму. Держу пчёл снаружи, потому что надеюсь на хорошую погоду, облетаются пусть перед зимовкой. Вот от соседей сделал забор двухметровой высоты, чтобы пчёлы их не жалили. Жаловались на меня соседи в поссовет. Вдоль забора деревья ещё посадил. Выросли. Теперь пчёлы с летков срываются, набирают высоту и в тайгу устремляются.

— А почему только с одной стороны забор такой высокий?

— В эту сторону они всегда летают за взятком. Тайга отсюда ближе к дому...

Омшаник, место, где зимуют пчёлы, он построил в огороде у этой ограды. Большой, вместительный омшаник, бомбоубежище целое. Когда я спустился вовнутрь, то и не понял сразу, что это за помещение, потому что оно очень похоже на вентштрек в глубине шахты: тоже гнутые полукругом швеллера, бетонные плиты, полумрак и капли застывшей на ржавчине влаги.

— Здесь им тепло зимой, – говорит спустившийся следом Иван Алексеевич, – Температура постоянно 12-14 градусов держится. А сырость эту я уберу – перед установкой ульев прожарю омшаник переносной печкой. А из бетона сделал, потому что за пять лет сгнил бревенчатый.

— Доходная статья – пчёлы – размышляю я. В Сибири отдельные пчелосемьи дают мёда по 20-33 килограмма в день. За сезон до 420 килограммов получается.

— Не у всех. А вообще каждый человек стремится от своего дела получить прибыль. Но не только этим привлекают меня пчёлы. Смотрю я на них и удивляюсь трудолюбию этих насекомых: день-деньской таскают нектар в улей, ночью его испаряют, расплод кормят, соты строят, дырки-щели в своём доме прополисом заклеивают, а утром снова за взятком летят. У них трудовая сознательность много выше, чем у человека.

— А что за это получают – не полных три месяца жизни?

— Ничего, по нашим понятиям. Но в любой год, в любой ситуации пчела всегда прокормит себя. Если же хочешь от неё прибыль иметь, дай ей возможность развиваться, и она отблагодарит тебя.

Да, трудолюбию пчёл мы всегда будем удивляться. Во время медосбора максимальная продолжительность лёта пчёл в течение суток, по наблюдениям учёных составляет 17 часов 30 минут. За свой рабочий день пчела делает от трёх до 26 вылетов в зависимости от погодных условий и наличия медосбора. Чтобы собрать один килограмм мёда, пчеле надо сделать 150 тысяч вылетов, налетать 300 тысяч километров и посетить до 10 миллионов цветков. И это хорошо, что трудолюбие пчёл и выгоды их содержания привлекают всё больше людей: медоносные ресурсы в нашей стране позволяют увеличить число пчелосемей только в Сибири в 8-14 раз. Так что на всех пчеловодов-любителей места в Сибири ещё надолго хватит.

А рецепт приготовления медовухи автору удалось-таки узнать. Вот он: корпусные рамки, в которых выводятся пчёлки, через три года зарастают воском и засахарившимся мёдом. И их надо менять. Чтобы не терять мёд и воск, рамки опускают в кипящую воду. Соты с первой – это так называется пыльца с мёдом, расплавляются в кипятке. Затем кипятки охлаждают. Воск снимают, жидкость сливают в посуду (10-литровые банки). На 10 литров медовухи надо выварить две сотовых рамки. В жидкость эту затем кладётся столовая ложка дрожжей. Можно по вкусу добавить хмеля. На третий день, если медовуха недостаточно сладкая, кислит, надо добавить мёда по вкусу. На четвёртый день она готова к употреблению. При желании медовуху можно хранить в закупоренной таре по многу лет. Как коньяк.

Сегодня конец пчелиной девятины – поднимите стакан медовухи или бокал чая с мёдом за пчёлку и пчеловодов. Да и за выбор прекрасной невесты тоже не помешает.

10 октября 1996 года.

КОНЬ ЮРКА

Участнику Великой Отечественной войны Михаилу Ефимовичу Михайлову 79 лет, но выглядит он боеспособным мужчиной. Он всегда такой был, говорит.

— Родом я из Марьевки. Она в 12 километрах от Яи находится. Красивое село, луга заливные и дали с косогора на десятки километров проглядываются. Знаменито оно ещё и тем, что в нём родился известный на всю Россию кузбасский поэт Василий Фёдоров. Кстати, мне сподобилось с ним начальные классы осваивать. Нормальный тот парень, Фёдоров, был. Задиристый,

но в меру. Мальчишка вечно с цыпками на руках и вдруг – поэт. Удивительно! Хотя, что тут такого? – Брат моего отца, бывший младший офицер царской армии, во время революции перешёл на сторону большевиков. В 1918 году он был расстрелян в Томске белыми. Теперь ему с его соратниками в Марьевке памятник установлен, и цветы в благодарность к подножию люди приносят. А моего отца, за то, что он хорошо трудился, в 1930 году раскулачили и сослали с семьёй в Нарым.

Через несколько месяцев, правда. Я с попутчиками сумел вернуться в Марьевку и стал там жить у деда с бабушкой, помогал им вести домашнее хозяйство, а потом работал в колхозе. Учиться больше не мог – так что в 12 лет стал вполне самостоятельным человеком. Всё решал за себя сам. В восемнадцать лет взял да и женился и переехал в посёлок Невский Барзасского района. Кончил курсы буровиков, стал работать в геологоразведочной партии буровым мастером. В 1939 году меня забрали в армию. Дома остались двухлетняя дочь и шестимесячный сын. Служил я во Владивостоке. Когда началась война с Германией, мы стали проситься на фронт. Долго не отпускали. Думали, что Япония на нас нападёт. И только в 1942 году, в июле, я оказался на фронте. 2 августа прибыли мы под Ростов. Определили нас в 362-ой пехотный полк 126-ой артиллерийской дивизии. Я получил должность ездового и к ней – лошадей. Поступило сообщение, что враг форсирует Дон. Наша часть была загружена в эшелон и направлена в Котельников.

При подъезде к Котельникову ночью неожиданно состав был остановлен. Мы разгрузились и только отошли от станции, как нас обстрелял наступающий немец... В полку не у всех солдат было оружие. Командование предполагало нас полностью вооружить на передовой. До неё же мы не добрались. В артдивизионе на пушку всего было четыре снаряда. К тому же, в настоящих боях из нас мало кто участвовал. Грохот,

огонь, взрывы, крики, стоны первых раненых, свистящая во-круг осколками и пулями смерть ...

Первый бой в моей жизни. Не забыть такое, сколько не живи, я всегда буду помнить, как кусал руки от бессилия, от невозможности ответить очередь из автомата в ответ на их выстрелы. Разметали нас немцы тогда по степи. Что там говорить – страшно было и спрятаться совершенно негде. Но опытные командиры быстро восстановили порядок в своих подразделениях. Рассредоточились мы, развернули пушки и вступили в бой с наступающими под прикрытием танков немцами. 12 танков их сожгли. Притих враг – отпор почувствовал. Ночь ведь – не знают они, что мы из себя представляем. А наша часть, используя передышку, снялась и на запасные рубежи скорым маршем отходить начала. Двенадцать человек, в том числе и я, остались для прикрытия отхода. На вооружении у нас десятка два бутылок с зажигательной смесью, да по паре обойм к винтовкам. Думали, сомнут и не подавятся.

Только немцы и не думали на нас нападать. Обошли стороной по степи. Видя, что от нашего стояния толку мало, решили мы к своим пробиваться. Двадцать дней к ним выходили по безводным Сальским и Калмыцким степям. Шли по ночам, чтобы не обнаружили немецкие самолёты. Пару раз нас здорово потрепали. По дороге к нам примыкали отбившиеся при отступлении солдаты, офицеры других частей. Чем питались? Галетами – по три на сутки приходилось.

От многочисленных врагов мы отстреливались и уходили в сторону, мелкие отряды уничтожали. За счёт стычек пополняли своё вооружение, забирали провиант у убитых. К войне привыкли, смирились с её тяготами за несколько первых дней. Смерти не то чтобы перестали бояться, скорее, надеялись, что она обойдёт стороной. Да и с врагом надо было биться. Другого если не дано. За первый год войны мы слышали

о зверствах фашистов, пропитались к ним ненавистью и мечтали об одном – побольше их уничтожить. И на фронт то рвались с единственной целью – добраться до них.

На двадцатые сутки мы достигли передовой. К Волге вышли под Чёрным Яром. Нашли брешь в линии окопавшихся войск противника и ночью благополучно пересекли её. Когда к своим приблизились, то нас встретили огнём. Но бог миловал – никого не зацепило. Нас пропустили через линию фронта и доложили в ставку главнокомандующего фронта. Оттуда пришло распоряжение отправить окруженцев в штрафной батальон.

Нас опросили, чтобы установить личности, и повели в сторону города Красноармейска. На подходе к нему колонну встретил генерал на «Эмке». Спросил, что за люди. А мы-то артиллеристы в основном были. Вы спросил он нас в ставке. Однако в расположении его части мы пробыли всего сутки. Командир нашего родного полка узнал о нас, не поленился приехать из Сталинграда и забрал всех с собой. В составе 126-го полка артиллерийской дивизии и находился я до конца войны и своей службы.

Когда после окружения я попал в свой полк, то из ездových артиллерии был переведён в кавалеристы батальона связи. На коне развозил пакеты с донесениями и приказами командирам батальонов, полков, рот. Риск был большой: всадник – цель заметная. Обстреливали меня часто.

Со временем у меня обнаружилась хорошая зрительная память: стоило мне внимательно всмотреться в карту, как в мозгу надолго запечатлевались названия и места расположения нужных частей, схемы подъездов к их штабам. Поэтому никогда я не плутал и вовремя доставлял донесения. Такая способность начальством высоко ценилась.

Ко всему прочему меня избрали комсоргом батальона. Если выкраивалось свободное время, обязательно встречался с комсомольцами, помогал в организации их быта и досуга,

выходил с их проблемами на командиров полка и дивизии. То есть находился я в самой гуще событий дивизии. Позднее, в 1943 году меня приняли в партию.

Обороняли мы в Сталинграде Мамаев курган, за сад Лапшиных дрались. Немцев очень прельщали эти стратегические пункты. Они ежедневно делали неоднократные попытки выбить нас с этих позиций. Жарко нам приходилось. То, что оставшиеся в городе люди верили, что мы не сдадим город, что дальше Волги враг не пройдёт, являлось, мне кажется, одним из немаловажных факторов упорной борьбы за Сталинград.

В декабре 1942 года под Сталинградом началось наступление наших войск. Мы действовали в Южном направлении. Освобождали Ворошиловградскую область, Донбасс, Запорожье. Зиму 1943 года просидели на Турецком валу, у Сиваша, на Перекопском перешейке. Во время наступательных боёв очень часто нам, кавалеристам, приходилось ездить в разведку, уточнять местоположение убегающего от нас врага... Для этого нужно было объезжать и населённые пункты. Тоже, я скажу вам, задание, при выполнении которого не всегда можно в живых остаться.

Однажды послали нас втроём в такую разведку. Подъехали мы к одному селу, там немцы. Не успели они убраться – загрузили свой транспорт. Залегли мы, и давай стрелять по ним. Такой тарарам подняли! Они в грузовики свои мигом заскочили – и ходу из деревни. Одного замешкавшегося немца нам удалось пленить. Обрадовались мы такой лёгкой победе, отправили своего командира, молодого лейтенантика, с пленным в штаб обо всём доложить, а сами дальше поехали.

Достигли следующего села дворов в пятьдесят. С огородов прокрались к одному из домов, постучались в окошко. Открыл нам мужчина средних лет. Сразу понял, кто мы, обрадовался. Он нам поведал о том, что в селе проживают в виде родственников десятка два бежавших из плена бойцов и окру-

женцев. У каждого из них есть припрятанное оружие. Мы наказали мужчине собрать их во дворе дома. Через полчаса, объяснив собравшимся, как надо действовать, разбившись на группки, рассредоточились мы по деревне. Открыли стрельбу одновременно. В селе стояла малая линейная часть и хозяйственный обоз с обслугой. Обезумевшие от страха немцы начали отходить. Линейную часть мы пропустили, а обозникам преградили дорогу и предложили сдаться. И те, здраво рассудив, предпочли не сопротивляться.

Ночью шёл дождь, а под утро ударил мороз. Полушубок мой так заledenел, что у него отломились рукава. Мы повели колонну пленённых нами немцев, человек в сто, с их груженым на повозки снаряжением в свой штаб. В штабе нас похвалили за проявленное героизм и пообещали меня представить к ордену Красного Знамени, а тех «добровольцев», что нам помогли захватить обозников, командующий армии влил, как и нас когда-то, в штрафроту и отправил воевать с фрицами. Они же были рады тому, что наконец-то определились. Большинство из них отличились потом в боях, кого-то убили, но двое из этих «добровольцев» ещё живы. После войны мы встречались. А я за тот случай получил бы тогда заслуженный орден, да только когда с наградными листами начальник нашего штаба поехал в штаб армии, по дороге в машину попала бомба...

Разведка не всегда заканчивалась для нас удачей. В одну из вылазок, нас было четверо, коней наших побили под нами, и мы вернулись к своему командиру с сёдлами на загривках. Полковник Мыльников дал распоряжение выделить нам лошадей из числа захваченных на конезаводе. Приезжаем мы в хозчасть, а в загоне голов тридцать разных мастей гарцует. Солдаты хозчасти разрешили брать нам лошадей, какие понравятся. Приглянулся мне рыжий, крупный и статный жеребец, я и оседлал его. И парни себе выбрали по лошадке.

Уехали мы. Но оказывается на моего Юрку, так я называл жеребца, успел положить глаз командир хозчасти. Узнав об этом, я отогнал лошадь пастись подальше и тем самым сохранил её. Правильно сделал, как оказалось впоследствии.

Ох, и умная была животное! Как обстрел начинается – найдёт выбоину или воронку, ляжет в неё, прижмётся к земле и лежит. Над нею осколки снарядов и пули свистят, а ей хоть бы что. Не пугается. А закончится пальба, вскочит на ноги и щиплет травку возле только что развороченных минами земляных буртов. Мои приказания Юрка мигом выполнял. Под его командой все лошади курьеров паслись, и ни одна от табуна не отбилась, не затерялась. А ел он всё подряд. Я его за то, что он меня отовсюду на себе выносил, жалел и любил. Приучил к столовым объёдам. Каша, суп, кисель, селедка солёная – всё несущему. И он приучился есть без разбор. Оттого и гладкий у меня стал, справный. Одно плохо как отлучусь, из сумки седельной зубами паёк вытащит и слопает. А я потом голодный маюсь весь день. Во всём остальном удовлетворял меня по всем статьям. И за это холил и берёг я его, как зеницу ока. Более года на нём воевал. Потом уже, когда мы за немцев всерьёз взялись и стали преодолевать за сутки по 70-100 километров, я сменил коня своего на мотоцикл. Впоследствии одного из сыновей я назвал Юркой – увековечив тем самым память о своём боевом друге.

На Перекопском перешейке фронт установился надолго. У немцев в этом месте была крепкая оборона. Наша армия для наступления накапливала силы всю зиму. В апреле 1944 года, прорвав оборону противника, наши войска вступили в Крым. Территория полуострова была очищена от немцев за месяц. В начале мая мы уже стояли перед Севастополем. Немцы сбрасывали с самолётов листовки, в которых похвалялись, что советские войска обороняли этот город только восемь месяцев, а они будут стоять здесь ещё восемь лет и не отдадут нам го-

род. Бойцы читали эти листовки и посмеивались. Теперь мы были уже не те. Знали, на что способны. Подступив к самому городу, мы были уверены, что отобьём его у немцев в течение ближайших дней. Так оно и случилось. 11 мая 1944 года Севастополь был освобождён...

Как раз перед штурмом Севастополя, 8 мая, я был ранен. И очень глупо всё это получилось. Вечером вышли из штаба на улицу пригородного посёлка, перекуриваем, делимся впечатлениями. Каждый старается припомнить всё, что он знает о Севастополе. Город находился ведь от нас всего в нескольких километрах. Скорая встреча с ним, этим красивым южным портовым городом волновала наши сердца. И вдруг слышим, к морю летят самолёты. Задрали головы – пять «Илов». Я говорю: «Какие красавцы, в последний раз на город летят. Скоро начнётся».

И в это время один из самолётов, отделившись от группы, резко спикировал на нас и сбросил бомбу. Это было так неожиданно, что мы не успели и шелохнуться. Кого-то подняло в воздух взрывом. Двое оказались убитыми. Осколками ранило нескольких. Меня – в лоб. Из головы кровь цвиркнула, как фонтан. Почувствовав резкую боль, я на мгновение потерял сознание. Успел, прежде чем совсем отключиться, удивлённо подумать – неужели смерть? По всей видимости, лётчик принял нас за немцев. Нас, раненых доставили в медсанбат. Доктор ощупал мой осколок и сказал, чтобы никому пока не давал его вытаскивать: будет хуже, можно повредить мозг. Нам обработали раны, собрались отправлять в госпиталь. Но если моих друзей ранило в руку и ногу и они не могли обойтись без лечения, то я, полежав немного в постели, очень быстро пришёл в себя. Отставать от своей части не хотелось, и я, выкрад свою одежду, сбежал в батальон. Не мог представить себе, как это я из-за такой царапины не буду участвовать в штурме

Севастополя. После освобождения города наша дивизия расположилась на Малаховом кургане, и я в течение мая чистил для бойцов картошку. Это мне командир предоставил такую работу с учётом полученного ранения. Лоб за месяц зажил, а осколок так и остался в нём.

Потом в боях на Западном направлении меня в голову ещё два раза ранило. Но это были лёгкие ранения. А однажды, ещё на Перекопе, рядом с окопом, где я спал в выкопанной в стене нише, взорвался снаряд. Стену окопа вместе с землёй и мною подняло в воздух, но остался невредимым. Только в голове после этого с неделю шумы стояли, и солдаты потом надо мною смеялись: «Мюнхаузен на ядре летал, а ты – на перине».

После освобождения Севастополя нашу дивизию перебросили на Белорусский фронт. В Литве были где-то уже к осени. Сплошного фронта не было, и мы с немцами друг за дружкой ходили – не разберёшь где кто. Однажды на привале, натянув плащ-палатку, в стороне ото всех заснул. Утром проснулся – тишина. Вокруг никого нет. Раздвинул кусты – немецкие танки стоят. Много. Немцы у костров сидят, завтракают. Наверное, наши по тревоге снялись ночью. А у меня мешок с 7600-ми пакетами. Иметь на руках в таком положении документы я побоялся, и спрятал мешок в лесу. А сам пошёл на запад. До линии фронта добрался за двое суток, а вот перейти её не смог, как ни пытался. Пять суток выискивал проход. На пятые сутки наши пошли в наступление, немцы в спешном порядке стали отходить. И когда на дороге появились советские войска, я выбрался из захоронки. Командир наступающей части созвонился со штабом, и буквально через час к нам на «воронке» подъехал представитель НКВД с командиром батальона связи, моим командиром.

Оказывается, спрятанные мной пакеты были очень ценными, и за их пропажу командира ожидал трибунал. Конечно же,

он очень обрадовался моему появлению. В течение трёх суток мы с ротой солдат никак не могли найти пакеты. И всё-таки я отыскал их. Пакеты были целы. За то, что сумел их сохранить, не допустил, чтобы они попали в руки врага, меня наградили медалью «За отвагу».

Осенью 1944 года в Пруссии произошла ещё одна история: я вместе с генералом, командиром дивизии, чуть не оказался в плену. Штаб дивизии находился в подвале дома владельца отбитого нами имения. При штабе находились взвод пехоты и миномётный расчёт. За час до нашего наступления немцы танковой атакой захватили имение. Пехота и миномётчики отступили. Танки ворвались во двор. Наружу не выйдешь. Заперлись мы в подвале и ждём, что будет. Всё наше вооружение – несколько пистолетов. Немцы нас сразу не заметили. Генерал сообразил, что делать. У нас была рация, так он по ней связался с советской танковой частью. Которая должна была проходить в это время в километре от имения, и попросил командира выручить его. Сообщил координаты. Наши танкисты в несколько минут достигли имения и с ходу вступили в бой с немцами. Те отступили, мы же были спасены.

А день Победы я встречал на чердаке: когда наша дивизия, не дойдя 50 километров до Берлина, остановилась в расположенном на берегу Балтийского моря посёлке, немцы взорвали дамбу, и хлынувшая морская вода затопила посёлок и нас. В этот момент и передали нам известие о том, что Германия капитулировала. Вот и пришлось отмечать это событие на чердаке. А всё равно это для всех нас был самый ожидаемый праздник!..

Хорошо воевал М. Е. Михайлов. Об этом говорят его награды: орден Славы третьей степени, медали «За отвагу», «За боевые заслуги», «За оборону Сталинграда», «За взятие Кенигсберга». Имеются и благодарности Верховного

Главкомандующего за отличные боевые действия по прорыву обороны немцев на Перекопском перешейке, по освобождению от немецко-фашистских захватчиков Севастополя, по прорыву обороны противника юго-западнее Шауляя. За овладение крепостью и главным городом Пруссии – Кенигсбергом. Медаль «За Победу над Германией» он тоже имеет.

С 1950 года М Е Михайлов проживает в посёлке «Развечик», до 1973 года работал старшим мастером Глушинской геологоразведочной партии. Вырастил пятерых детей. Теперь и внучата у него подросли. И над всем этим «мирным» подразделением он – главнокомандующий. Разве не боевой старик?..

1996 год.

«Я – ОПТИМИСТ»

Высокий, худощавый, пожилой и подтянутый мужчина в тёмных, плотно прилегающих к лицу очках, неожиданно появился в дверном проёме.

— С кем имею честь? – ровным голосом произнёс он и выжидательно застыл на месте.

Старомодное, непривычное для нашего слуха обращение, выдержанный тон и внешний вид явно следившего за собой мужчины – всё это говорило за то, что передо мной человек интеллигентный – скорее всего учитель. Из тех, которые преподавали литературу и русский язык ещё нашим бабушкам. Как впоследствии выяснилось, догадка моя была правильной. Он преподавал музыку – учил детей хоровому и сольному пению, аккомпанируя на баяне или фортепиано. Но это было давно, 16 лет назад. Всего же 33 года им было отдано музыке – без-

брежному океану звуков, тому прекрасному, что одно и было доступно человеку ослеплённому войной 24 марта 1944 года.

— Я был призван в армию в сентябре 1943-го, – заговорил Иван Павлович Молчков после нашего с ним знакомства. – Тогда мне исполнилось 18 лет. Воевал артиллеристом на Первом Балтийском фронте. Был ранен два раза. Первый раз легко – в ногу. В госпитале отлежал месяц – и снова в строй. Второй раз, когда вели освободительные бои под Витебском. Осколками разорвавшегося рядом снаряда мне изрешетило голову, и я потерял зрение. В течение трёх месяцев залечивал свои раны в одном из госпиталей города Иваново.

— Что же вас побудило стать музыкантом?

— Музыкант из меня получился, можно сказать, по несчастью. Природные данные – голос и слух – имел хорошие. Любил петь, слушать музыку, но таких, как я, много – не идти же всем в музыканты. Профессиональной заинтересованности музыка у меня не вызывала. А приобщился я к ней вот почему: после выписки из госпиталя передо мной встал вопрос – что делать, как жить беспомощному калеке? В то время в Иваново для ослепших фронтовиков была открыта школа-интернат, где можно было получить музыкальное образование. Врачи, которым было известно о моём пристрастии всё время напевать что-то в палате, и предложили мне поступить в эту школу. Подумал – и согласился. Для меня ведь это была зацепка, именно то, с чего можно было начинать жить.

Поступил в школу. При ней был создан прекрасный мужской хор. Для более полного звучания при исполнении сложных произведений нам нужны были женские голоса. И решил наш преподаватель создать сводный хор. Для участия в спевках пригласил городских девушек. Мы с ними познакомились. Хорошие были девушки. Сочувствуя нашей беспомощности, они всегда старались помочь нам: письмо написать, прочи-

тать книгу, подштопать что или пришить пуговицу. А ребята в школе в основном молодые были, по мнению девушек – симпатичные, поэтому вполне естественно, что наши дружеские контакты зачастую перерастали в любовь и по окончании школы создавались семейные пары. Не избежал этого и я. Женился и, получив диплом, приехал с супругой, Ниной Михайловной, на свою родину в Новосибирскую область.

Сидящая рядом с нами за столом Нина Михайловна (у неё вторая группа инвалидности и тоже – по зрению) поясняет:

— Как же нам было не жалеть их? Ведь получили они эти увечья, воюя с немцами за нас. За Родину. Все молодые, интересные, а обиходить себя не могут Иваново – город ткачих. Дёвчат в нём незамужних было много. И каждой хотелось устроить свою судьбу. Я тогда работала водителем трамвая. С вокзала по госпиталям приходилось часто развозить поступающих с фронта раненых. У нас даже вагоны были, специально приспособленные для этого. С потолка свисали верёвочные петли, в которые вставляли носилки с тяжелоранеными, и они в них, покачиваясь, доставлялись к месту назначения. А как они при этом стонали, мучаясь от боли! Моё сердце на части разрывалось. И вот я встретила одного из них. Сочувствие к его горю, желание помочь, облегчить ему жизнь и привело к тому, что мы поженились. Да и понравился он мне. Вон какой он и сейчас ещё красавец! И, вообще, отсутствие зрения не может оттолкнуть от хорошего человека.

— Нет, слепота – дефект большой, может быть, для кого-то и незаметный, но я его ощущаю ежедневно, – противоречит ей Иван Павлович. – Однако, когда мы в своём доме жили, то держали корову, овец, поросят и птицу. За ними постоянно уход нужен – вдвоём справлялись вполне. И сено я косил, дрова пилил и колол. Отсутствие зрения мешало, но я приноравливался и всё равно делал. Да и здесь вот, в квартире, не сижу без дела.

Надо – в магазин схожу, на почту, в аптеку. Соседка по подъезду даже удивляется: слышал, как она говорила своей подруге, что не верит моей полной слепоте. «У него, говорит, – электронный глаз вставлен. Уж очень он свободно ходит».

А хожу я по улицам действительно свободно, не так, конечно, как все зрячие люди, но без посторонней помощи. Научился ориентироваться в пространстве. Считаю, что ко всему можно адаптироваться, приспособиться. Неправильно рассуждают: если человек потерял зрение, то он ни на что не способен. Я по натуре своей оптимист. Руководствуюсь пословицей: «деньги потерял – ничего не потерял, должность потерял – кое-что потерял, а вот дух потерял – это уж всё потерял».

Некоторые мои знакомые, примеряя к себе мою беду, говорили: чем так жить – лучше покончить с собой. Вот этого не надо делать. Ты лучше попробуй без зрения прожить не хуже других. И пользу Родине и народу принести. И детей своих воспитать. У нас трое детей. Две дочери получили высшее образование, сын – инженер-физик.

— Иван Павлович, а где же вы работали и жили?

— Десять лет отработал в клубе совхоза «Железнодорожник» (недалеко от города Куйбышева). Помимо занятий музыкой я ставил с детьми и молодёжью совхоза пьесы отечественных и зарубежных авторов, которые очень нравились сельчанам.

Клуб в совхозе был хороший, с большой сценой. Зрительный зал всегда был полон. И вообще, я считаю, по сравнению с нынешним временем народ больше интересовался культурой. Да и веселее мы тогда жили.

Потом мы переехали в Куйбышев. Там я двадцать два года работал в доме пионеров музыкальным работником. Одновременно по совместительству работал и в детских садах.

— Вы не испытывали затруднений при устройстве на работу?

— Ну, если вы в том смысле, что я слепой музыкант, то нет. Руководители предприятий, где нужен был такой работник, к моему физическому недостатку относились с сочувствием. Для них ведь главное было в том, чтобы я выполнял свою работу. Музыканты в то время были нарасхват, на многих предприятиях культурно-массовой работе тогда уделялось больше внимания, чем сейчас.

— Почему вы стали жить в Берёзовском?

— В 1981 году я уволился с работы – стало плохо с сердцем. Ишемическая болезнь доконала. Жили мы вдвоём с супругой. Одна дочь в Новосибирске, другая – в Берёзовском. Сын живёт в Павлодаре. Звали нас к себе все, а вот мы выбрали Берёзовский. Обменять жилплощадь на этот город оказалось просто, да и одна из дочерей будет рядышком. Вот и переехали.

— Она вас навещает часто, оказывает помощь?

— Навещает каждый день, живёт тут же, по проспекту Ленина, работает преподавателем в музыкальной школе в посёлке шахты «Берёзовская». Может, знаете, Мальцева её фамилия. А помощь какая от детей может быть? Сейчас и им задерживают зарплату. Если мы получаем свою пенсию, делимся с ними. Внушке деньги даём на учёбу. Она последний курс в институте заканчивает. А нас они картошкой и капустой снабжают.

— Вам хватает пенсии?

— Стараемся растягивать, чтобы хватало. Конечно, тяжело, но ничего – жить можно. Унывать не стоит.

— Вы упоминали, что раньше жить было веселее. Чем вас сегодняшний день не устраивает?

— А вас устраивает разве эта жизнь: мафия, безработица, растрепанность молодёжи... Допустили распад такой великой страны! Правительство не способно обеспечить народ работой, стариков пенсиями, детей перспективным будущим...

Иван Павлович замолкает, а потом просит послушать не

так давно написанное им стихотворение, из которого приходят на память вот такие строки:

*... Была ты могучей, держава,
Так что же случилось с тобой?
Когда ж это всё прекратится?
При жизни узнать бы хотел.*

Да, действительно, он имеет право задавать такие вопросы. И получать на них ответы тоже имеет полное право. Ведь за Родину он проливал кровь, лишился зрения в 1944 году, был удостоен награды – ордена Отечественной войны 1 степени. Ему жалко, горько и обидно видеть (я не оговорился – внутренне видеть) и сознавать, что это происходит с нами, нашей Родиной и народом.

1997 год.

ОБЛАДАТЕЛЬ АРСЕНАЛА НАГРАД И БОЛЕЗНЕЙ

Когда я спрашивал у жителей посёлка шахты «Берёзовская» расположение улицы Красной, никто не мог мне вразумительно ответить, где эта улица и как пройти к ней. Обратишься к одному – тычет вправо, другой советует двигаться в совершенно противоположную сторону. Третий разводит руками: где Зелёная – знают, Сиреневая – тоже, Одесская – и то знают, в какой широте посёлка она пролегает. А вот Красная – «наверное, есть такая, если ищешь». Когда же я назвал конкретно фамилию того, кто мне нужен, а нужен мне был Василий Иванович Майков, мне показали, каким маршрутом он обыкновенно добирается от памятника Ленину к своему дому. И дом его показали. Оно и правильно: недогадлив я. Несколько

лет живу в Берёзовском, но уже не раз слышал эту фамилию, а те, что живут с ним рядом давно – им ли не знать свою знаменитость. Громко сказано? Ничуть. Он – кавалер знака «Шахтёрская слава», все три степени имеет. Награждён два раза орденом «Трудовая слава». Для берёзовцев, тем более шахтёров, Майков – личность известная. Ему 55 лет. По национальности – татарин. Роста среднего, сухощавый, симпатичный. По словам жены, Валентины Николаевны, он самый лучший мужчина на всём белом свете. Для неё, по крайней мере (такую поправку, подумав немного, она внесла, по-моему мнению, лишь для того, чтобы другие мужчины не обижались на неё за столь категоричное заявление). Он родом из под Казани, в деревушке Никифорово родился. Оттуда и жену привёз в Кузбасс.

В 1959 году из деревни я переехал в город Копейск Челябинской области и устроился на шахту «Центральная». До 1966 года с перерывом (служба в армии) отработал там. Может быть и держался бы той шахты до пенсии, но молод тогда был, 25 лет всего, платили на шахте маловато, а прослышали мы, что в Кузбассе новые шахты строят. Нужны специалисты. Таковым я тогда себя уже считал – многое перенял от опытных проходчиков. Собралось нас несколько десятков молодых, ватагой и поехали в Сибирь за романтикой, неизведанностью. Приехали в Берёзовский, здесь и определились. Кто на эту шахту устроился, кто на другую. Поселились в общежитии.

Работать было интересно: шахта новая, мощная, оснащена современным оборудованием и горнодобывающей техникой. И после работы было где отдохнуть: постоянно выезжали с друзьями в тайгу, на Барзас. Понравились мне эти края. На другой год в отпуск поехал на родину своих попроведать. Отгулял положенное мне прекрасно, но вернулся на работу уже с женой. Здесь нам дали квартиру по улице Ленина. В 1969 году родился сын, в 1975-ом – дочь. Теперь-то они уже взрос-

лые: сын работает, дочь учится в институте. Заканчивает его. И внука есть у меня. Этой ещё только пять лет. Так сказать, есть кем верховодить в семье...

Разговаривая с Майковым в его большом кирпичном доме, расположенном на пятнадцати сотках тщательно возделанной земли, спрашиваю, что же его заставило лишиться привычных и сердцу каждого милых коммунальных удобств.

— Деревенские мы. К земле тяготеем. Мечтали о своём хозяйстве. Продали машину, «Волга» была, всего пять лет на ней откатался, и в 1985 году купили этот дом. С обеспечением семьи продуктами стало получше. Свиней держим, да и в огороде Что вырастим – всё на столе.

— Расскажите о своей, теперь уже бывшей работе.

— Да что же о ней рассказывать, о хорошем если, подумаете – хвалюсь, о плохом – вспоминать не хочется. Делали мы всегда своё дело как надо, вот и всё.

— А почему бы и не похвалиться, если есть чем, – вмешивается в наш разговор Валентина Николаевна, – возьмите-ка, посмотрите его грамоты, – и подаёт мне большую стопку красных папок, в которые вложены полученные в разные годы за добросовестный труд её мужем Почётные грамоты и правительственные поздравительные телеграммы. И ещё приносит коробку со значками победителя соцсоревнований, «Ветеран труда», «Почётный шахтёр», «Заслуженный шахтёр республики», «Ударник 8-й 9-й пятилеток», орденов «Трудовой славы», знаков «Шахтёрской славы». Много их оказалось в коробке. Арсенал наград.

— Хорошо вы работали!- восхищаюсь.

— Да уж старались. Сейчас нас молодые не поймут, наверное, на смех поднимут. Вот был у нас такой случай: спустились мы в шахту – откачивающий из забоя воду насос не работает. Вода прибывает. Скоро площадку, на которой на-

сос стоит, зайдёт и выведет его из строя. Чтобы включить насос, надо вплавь до него добраться. А вода ледяная. И что же? Один из нашей смены раздевается и плывёт к насосу. Заливает в него воду и запускает. А потом назад приплыл, оделся и всю смену с нами был. Ничего с ним не случилось.

Фаат Сафиулин, он у меня в бригаде работал, постоянно по три рештака сразу брал на плечо и нёс. Тяжело ведь. Жалко парня. Я ему говорю – по одному, дескать, носи. Не слушается. Здоровый был, для него три – норма. Да и быстрее так, говорит.

Бригадиром-то я стал с 1976 года. Назначили. Не особенно и рвался: ответственность большая. Но если уж согласился, то с каждого стал требовать, чтобы работал как следует. Начальство с меня требовало выполнения плана. Я и начальство терзал и рабочих, чтобы одни все необходимое для работы предоставляли, другие выполняли эту работу. И меня уважали начальники, и шахтёры слушались. Потому, наверное, что сам вкалывал, не волянил. Всегда самое трудное в работе делал сам. Многое потому что я мог и умел. Кто, чувствую, может и хочет работать – расскажу, покажу, и он делает. Спаянный у нас коллектив стал. Яза дело болел душою и заразил этой болезнью бригаду. А как работали – по две смены. Бывало ведь я и на поверхность не выходил, если дело не ладилось. Сменщики еду для меня с собой приносили. Нужен я был под землёй, и был там. За рекордами мы не гнались. Хотя случалось, если надо, за полторы смены наращивали 120 метров ленточного конвейера. При нормальной работе такое сделать можно лишь за три дня. Просто мы относились к своей работе добросовестно. Проходку всегда сдавали без огрехов, чистой, под метёлочку.

Потому и отмечали вас часто правительственными наградами.

— Что с них толку теперь? Носить, не ношу. Есть они у меня, нет их – без разницы. Стыдновато даже, что их у меня

целый ворох. Не то, чтобы разочаровался я в своей жизни, хотя и такое порой приходит на ум. Как бы там ни было. Но мы жили во имя чего-то. Детей своих я воспитывал быть честными, трудолюбивыми. Теперь же они от такого воспитания – ни украсть, ни покараулить... Другие требования к ним предъявляют. Да и только ли мои дети? Много у нас хорошей молодёжи, и я часто задумываюсь, как же они будут жить после нас, что мы оставим им – бардак этот? Разорили всю Россию, народ по миру пустили...

Мне не важно, в каком строе жить, давали бы жить по-человечески. Но это разве по-человечески – по четыре месяца не получать зарплату? У меня огород, хозяйство, а у кого его нет? Чем им жить прикажешь? У меня дочь в сентябре уедет учиться, чем я ей помогать буду?

И вообще сейчас меня не ордена волнуют – от работы весь больной стал: и пылевой бронхит меня доконал, и болезнь вибрационная с остеохондрозом. Рука отнималась совсем, восстановил, излечили. Двигается, а кисти рук и сейчас болят. Пальцы груз не держат. Присвоили мне недавно третью группу инвалидности. Какая уж тут работа! В этом году с отпуска не вернулся на шахту. На пенсию подался. 29 лет шахте отдал, а всего стажа подземного 37 лет. Директор, подписывая заявление на расчет, только и сказал: «Ну и зря!». А чего зря, чтобы ещё больше болезней нахватал, об этом жалеть? Будет с меня и того, что имею. На хозяйстве поживу, может поправлюсь.

1996 год.

ПЕРВООТКРЫВАТЕЛЬ ТРУЩОБ

Недалеко от Кемерово, в лесопосадках из верхушки спрятанной под снегом кучи земли всю зиму клубами, как из настоящей печки, тянулся вверх дымок. Словно кто с Камчатки перенёс сюда маленький вулканчик.

Дыма без огня не бывает, огонь же самостоятельно продолжительное время существовать не может. А если он там есть, размышляю. Значит, его кто-то поддерживает. Заинтересовавшись источником дыма, мы с Николаем, возвращаясь из Кемерово, свернули с оживлённой анжерской трасы. И осторожно въехали в заросли. Зимой бы нам это сделать не удалось из-за глубокого снега, а сейчас, выйдя из машины, мы легко смогли подобраться к курящейся сизым дымком куче земли. Там кто-то живёт – толкнула нас вперёд догадка. Мы не ошиблись: из трёхметровой высоты кучи земли, которую люди сгребли в одно место вместе с проржавевшими листами железа и обломками брёвен, уничтожая следы стоянки буровой, сбоку к дверям землянки ведёт узкая и глубокая щель. Дверь, (вернее, её подобие – лист железа, обтянутый тряпками) привязана к железному косяку двумя тряпочными петлями.

Навстречу мне из щели поднимается хозяин – светлорусый мужчина, в поношенной, но опрятной одежде. Он не молод, бледен, выбрит и шурится на свет. Приветлив и несколько удивлён нашему появлению. Слегка взволнован: а как же – живёт он в этой норе с сентября прошлого года, никто им не интересовался. И вдруг мы, из газеты. Просим его показать свой дом. «Что ж, если есть желание, почему бы и не дать посмотреть? Вот только света нет – не провёл ещё – шутит, – если спички есть, зажигайте. И любуйтесь способностью оставшегося без крова мужчины устроить себе практически из ничего вполне приличный уголок для проживания в нём даже зимою».

По его мнению, нора в метр двадцать шириною, два двадцать длиной и высотой около двух метров, досками полатей упирающаяся в печку, изготовленную из железной бочки, на дворец не тянет. Но жить здесь можно. Доказано. Подтопил пожарче и вечеряй. С топливом проблем нет: дрова из лесу, а уголь на обочинах трассы можно насобирать, из кузовов машин много попадало. С водой вот только плохо. Нет родника рядом и ручья нет. Снеговая вода пресная. Да и печка, она не в прямом смысле печка – пустая бочка и труба от неё наружу. Внутри огонь развёл и только кастрюльку поставить можно. Нагреть воды для стирки уже нельзя.

— Холодно зимой здесь было?

— Не скажите, спать можно, печку оттопил, ногами уткнулся в неё и спи, мороз не страшен.

...А зовут нашего нового знакомого Николай Степанович, родился он в 1944 году недалеко отсюда, в одном из шахтёрских посёлков. Там и жил до этого. Женат. Дочери уже 16 лет. Работал дворником, кочегаром. Из простых работяг он. В Красноярске служил в стройбате. Отец в войну погиб на фронте, позже умерли мать и брат. Из родственников имеется дядька с племянниками, что живёт теперь в доме его матери. Николай Степанович ведь, женившись квартиру получил, дом матери тогда и занял дядька.

А что же с квартирой случилось и с семьёй вашей? – спрашиваю его.

— Запила жена по-чёрному. Совсем контроль потеряла. И не указ я стал ей: «не нравится – уматывай!» Сгоряча и ушёл. Но назад не хочу. Неисправимая она Терпеть её пьяные выходки не намерен.

— А сюда как попал, неужели где-нибудь в деревне не мог угол снять у какой старушки, к тому же дядьке родному на постой попроситься хотя бы?

— Не нужен я дядьке. Им самим в избушке той места мало. А в деревне теперь никто углы не сдаёт. Первое время поскитался у приятелей: у кого одну ночку, у кого другую, но это не жизнь, да и людям я мешаю своим присутствием. Вот и облюбовал горку эту, когда ходил сюда за грибами. Чем скитаться, дай, думаю, уголок себе оборудую. Из чего крышу соорудить и полати, я здесь нашёл. Бочку бесхозную под печь из деревни прикатил и зажил, как кум королю – сват министру. Посудкой вот обзавёлся – показывает маленькую кастрюльку, ложку, ножичек и кружку оловянную.

Света проникающего снаружи в щель приоткрытой двери достаточно оказалось, чтобы их разглядеть на устроенной над полатами полочке.

— Хлеба и продуктов куплю, принесу – всегда здесь сварить можно и покушать. И чайку попить, если желаешь. Для света фитиль в масле замачиваю и палю.

— Как партизаны в войну.

— А чего? Мужчина, да и любой другой человек, должен иметь свой угол, чтобы ему никто не мешал. Я не смог себе создать такой угол среди людей – ушёл от них. И не особенно расстраиваюсь.

— А на что же вы живёте?

— Работаю зольщиком на шахте «Северная». Там и стираю всё с себя. Потому чистый всегда.

— Но ведь вы не намерены всю жизнь прожить в этой норе?

— Конечно, здесь неудобно. Но ведь я пока работаю на шахте временно. Скоро будут экзамены, сдам их и стану кочегаром. Тогда попрошу, чтобы мне какое место для жилья при котельной или ещё где определили. Помогут, наверное. Ведь люди там и ко мне хорошо относятся.

... Чтобы лучше ознакомиться с внутренней обстановкой нашего нового знакомого я с помощью скрученной в жгут

бумаги осветил его зимовье: выпирающие с боков острые углы железных листов, закрытая заслонкой оттопившаяся печь, полати в три доски, застеленные разным тряпьем. Вот и всё из того, что он имеет. На большее он и не претендует. Ему пока достаточно и этого. Принимает жизнь такой, какова она есть.

В пригородах Нью-Йорка, Чикаго, да и других небоскрёбистых технополисов живут притянутые цивилизацией и ею же в пух и прах разорённые граждане. Им не на что приобрести себе коттедж или квартиру, но они в состоянии приспособить себе под жильё контейнер, картонный ящик громадных размеров или кузов брошенного автомобиля. Обретая ненадёжное пристанище в окружающих города трущобах, они веселятся – когда есть повод плачут – когда их обижают. Безработные, они всеми правдами и неправдами промышляя по городу, выискивают пропитание своему телу, одновременно вырабатывая в себе нужный всякому делу дух предприимчивости. А уж если находят они в городе себе работу, то своим самоотверженным трудом, своими руками создают собственную судьбу, которой порой и завидуют даже более подготовленные материально к жизненным успехам люди.

Так это там. Там царём положения может стать всякий деловой человек, хотя бы на крошечку ошастливленный удачей. И у нас должно быть так же. Но там всё же теплее. От солнца и дождя достаточно оградиться фиговым листочком. У нас же в Сибири такое не пройдёт. От мороза в землю зарываться надобно, как Николай Степанович, бездомник, первооткрыватель трущоб на подступах к Кемерово. Но это ведь и говорит о том, что мы их сильнее хотя бы своей способностью создавать для себя комфортные условия даже при сорока градусных морозах. А то, что и у нас можно поймать удачу за хвост даже совсем неимущим гражданам – сомневаться не надо. Надо только не падать духом. Не опускаться до состояния бессмысленно

закатывающего к небу глаза отчаявшегося от обрушившихся на него невзгод человека, рыть надо землю под собою, и тогда ваше от вас не уйдёт никогда. Николай Степанович ведь верит, что всё ещё у него повернётся к лучшему.

1998 год.

ПЯТЬ ВНУКОВ, ПЯТЬ ПРАВНУКОВ. ВОТ ОНО, СЧАСТЬЕ!

Жизнь прожить – не поле перейти. А они, супруги Дранишниковы, прожили большую, сложную, достойную жизнь. Обоим за 70, из которых 50 лет живут вместе. Есть у них дочь, и сын есть, и пятеро внуков. Старшей внучке уже тридцать лет, младшему внуку – восемнадцать. Есть ещё и пять правнуков: два мальчика, три девочки – старшей 13 лет, а младшей – полтора месяца. Вот такое семейство у Дранишниковых!

— А ведь, кажется, не так давно были и мы молодыми, – с улыбкой, словно извиняясь за то, что и ему когда-то, как и его правнучке сейчас, было 13 лет, произносит убеждённый седой Матвей Борисович Дранишников.

...Были, и ещё какие были! До войны мальчишкой Матвей жил с родителями в Ленинск-Кузнецке. В школе учился, в Ине купался, отцу надоедал просьбами показать изнутри работу шахты. Отца забрали на фронт в первые месяцы войны. Вместо него на работу в шахту стал ходить сын, которому уже исполнилось 15 лет. Тогда и появились у него неограниченные возможности изучать шахту изнутри. Он и стал её изучать. Сначала его орудиями труда были лопата и вагонетка, передвигаемая полуослепшей, давно уже смилившейся со своей подземной участью лошадёнкой. Возил он уголь от забоя к стволу.

Показал себя – доверили работу и посложнее. До 1943 года, когда и его забрали в армию, успел он освоить все шахтёрские специальности.

В армии Матвея за рост и силу определили в артиллеристы, подносчиком снарядов. Снаряд с ящиком весит 50 килограммов. Не один десяток снарядов за бой приходилось ему подносить к орудию с разгружаемых машин. И с завидным здоровьем на этом месте долго не всякий выдерживал. Случалось, прямое попадание вражеского снаряда начисто выводило из строя расчёт и орудие. Одно такое попадание на полтора месяца вывело из строя и Матвея Борисовича: контузия и осколочное ранение лица.

Воевал он на трёх фронтах: Ленинградском, Прибалтийском и Украинском. Топил уходящие из Риги, груженные спасающимися от плена и уничтожения фашистами пароходы. Расстреливал железнодорожные составы с техникой и за Житомиром, громил танковые дивизии на Балатоне. В столице Румынии Бухаресте был во дворце короля страны Михалика и видел его, когда тот выходил навстречу союзническим войскам. За освобождение Будапешта и Вены имеет Матвей Борисович медали, есть у него и медали «За отвагу», «За победу над Германией».

В декабре 1946 года вернулся в свой город служивый. Собою видный, здоровый, с медалями на груди. Стал работать на шахте 2Комсомолец». Закончил вечернюю двух годичную школу горных мастеров, женился на бухгалтере из шахткома. Как участнику войны ему дали освободившийся финский домик. Родилась дочь. Так бы и продолжал он жить и работать в родном городе, да только старая была шахта. Заработки низкие, а в Берёзовском, совсем рядом, началось строительство современной шахты. Туда и подался.

— В Берёзовский мы приехали в апреле 1952 года, – рассказывает Матвей Борисович.

— Устроился проходчиком в трест «Кузбассшахтострой». Направили меня на закладку ствола шахты «Берёзовская». В то время на месте надземных сооружений шахты были пока одни колышки. Посёлок шахты «Берёзовская» частично уже отстроился. По крайней мере, двухэтажное здание по улице Ленина, в котором находится сейчас почта, уже стояло. Без крыши, правда. А на месте бывшей бани был сбит из досок небольшой продовольственный магазин.

Вместе со мною на строительство новой шахты приехали мои родители и два брата с семьями. Вот нас, 14 человек, и поселили в одну комнату. Представляете, какая жизнь – койки супругов молодых разделяли только кровати детей. Простыни делили комнату на четыре части. А ещё стол стоял, кушать где-то ведь надо было. В тесноте, да не в обиде – неправильная по своей сути пословица. Обид было много, но как-то лавировали между обид, ссор больших не затевали. И всё же... Потому и уехали родственники. От тесноты и неприкаянности уехали через полтора года братья, а отец с матерью – в 1957 году. А я же – прижился. В общем – с барачной начиналась в Берёзовском моя «весёлая» жизнь.

В 1958 году построил дом. Тогда и шахту запустили. На шахту я перешёл работать на участок №3, работал там проходчиком, потом бригадиром, а когда и горного мастера подменял. В 1975 году ушёл на пенсию. Из-за перенесённой контузии глуховат стал на одно ухо. Сердчишко пошаливать начало. Ходить быстро тоже не могу. А так вообще здоров ещё. Помогать снег откидывать со двора детей не зову – сам справляюсь. И многое другое по хозяйству ещё в состоянии сделать своими руками.

— Ладно уж, здоровый, чего хвалишься, а кто только что болел, забыл никак? – одёргивает своего «разошедшегося» супруга Анна Никифоровна.

— Приболели мы нынче зимой и совсем даже не хотели отмечать 50-летие совместной жизни. Это не мы, дети задумали сыграть нам золотую свадьбу. – смеётся. Выразительные глаза Анны Никифоровны и сейчас ещё таят в себе привлекательную, да и грозную силу не только для её мужчины. И, может, поэтому с первого взгляда заметно, что очень уж почитает, если можно так выразиться, Матвей Борисович свою жену. И ведь есть за что:

— Я в 1941 году 7 классов закончила, - рассказывает Анна Никифоровна.

— Война началась, устроилась откатчицей на шахту «Комсомолец» и 10 месяцев отработала под землёй. Застудила ноги. В 1942 году до того болели они, что в гипс мне их врачи запеленали. В 1944 году поступила на курсы бухгалтеров в Кемерово, закончила их и стала работать на шахте бухгалтером. Приехал этот победитель домой, будущий супруг мой, познакомили нас, и очаровал он меня – вышла замуж в марте 1948 года. В 1949 году дочка родилась. И не заметила я, как 50 лет с ним прожила. Сын у нас здесь в 1953 году родился. Я тоже трудилась, как могла: в постройкоме шахты, в поссовете, в больнице бухгалтером. У меня 22 года трудового стажа и медаль есть «За доблестный труд в Великой Отечественной войне». На пенсию по инвалидности (из-за болезни ног) в 50 лет пошла. Но скучать дома не приходилось: внучат и правнуков нянчила, хозяйство вела. И сейчас вот овечек ещё держим.

На шахте «Берёзовская» есть трудовая династия Дранишниковых. Общий трудовой стаж её – 90 лет. Если же добавить внука, работающего на разрезе «Барзасский», и другого внука-взрывника с разреза «Черниговский», то и далеко за сто лет династия угольщиков Дранишниковых перешагнула бы! А ведь у них ещё и другие внуки и правнуки подрастают. И для них на угольных предприятиях города в любом случае

должно отыскаться местечко. Потому что шахтёрский корень имеет род Дранишниковых, потому что с углём кузбасским связано всё их семейство.

Но не просто шахтёры они, старшие Дранишниковы, они ещё и победители, потому как смогли одолеть все тяготы военной и послевоенной жизни страны, детей хороших вырастили и сейчас не киснут, овечек разводят и достойно возглавляют свой шахтёрский род. Род самой заглавной в Кузбассе деятельности человека.

1998 год.

СЕМЬЯ ПЕДАГОГОВ

Вдвоём они уже наработали сто лет учительского стажа. Говорю «уже» потому, что Софья Степановна Разумова, обучающая детей с первого по четвёртые классы в средней школе посёлка Барзас, продолжает трудиться. Как и её муж, Геннадий Андреевич, она – пенсионерка, но никак не может расстаться со своими первоклашками. И возраст, и здоровье уже не те, однако она рассчитывает отработать в школе ещё три года. Любовь к детям, стремление насытить их пытлившую любознательность, дать им зачатки знаний привели её в школу, заставили овладеть профессией педагога и теперь не отпускают на заслуженный отдых.

— Весь смысл моей жизни, без прикрас говорю это, заключён в детях, – говорит она – и я не могу представить, как это можно отстраниться от них и жить по-другому.

Родители Софьи Степановны в 1928 году с четырьмя детьми переехали в Сибирь из-под Минска и поселились в деревне Красная Слобода Ижморского района. Искать счастье

за пределами Белоруссии заставила их нужда: два раза пожар полностью уничтожал их подворье. Не был милостив к ним огонь и на новом месте. Перед войной загорелся скотный двор колхоза, и огонь «слизал» соломенную крышу приобретённой избушки. Начав учиться с шести лет, в 1941 году Софья заканчивает семилетку, и тринадцати лет поступает в Мариинское педучилище. Но в это время заболевает мать, и дочь вынуждена прервать учёбу, вернуться домой и поступить на работу в колхоз.

Война выбрала из Красной Слободы всех здоровых мужчин. В колхозе пахали землю, собирали урожай и ухаживали за скотиной старики, женщины дети. Четырнадцатилетняя Софья вместе с тремя ровесницами и пожилым мужчиной несколько раз выезжала зимой в тайгу заготавливать древесину. Весной соскладированные вдоль берега реки штабеля брёвен они баграми сталкивали в реку и сплавляли до мест назначения.

— Каторжный это был труд для нас, девочек, — рассказывает она. — Попробуй, сдвинь с места палкой тяжеленное бревно, а ведь его надо было не только сдвинуть, а и подтащить к воде и выпихнуть на течение. А если затор, тогда нужно скакать по вертящимся брёвнам и разбирать их нагромождения. Всяко бывало: не раз падали в воду, разбивали в кровь руки и ноги. По двенадцать часов в сутки, а то и больше работали мы. Но всегда находили время посидеть у костра и попеть песни.

Такие рулады по лесу раскатывали, что все медведи толпами сбегались послушать нас. Шучу, конечно, но уж что-что, а певуньями мы были завидными. Молодость не давала унывать.

Во время войны Софья поступила в Троицкую среднюю школу и, получив аттестат зрелости, экстерном сдала экзамены на учителя. Стала работать в школе села Романовка Ижморского района. Преподавала историю, немецкий язык, географию, музыку и изобразительное искусство.

В 1946 году в Романовку вернулся демобилизованный из армии Геннадий Андреевич Разумов, молоденькая учительница приглянулась ему и они поженились.

— В 1946 году я поступила в Томский педагогический институт. А в следующем году меня укусил клещ. Но бог милостив – болезнь отступила. Дочка родилась здоровой. Только институт пришлось оставить. Впоследствии продолжила учёбу в педучилище.

В Романовке мы прожили 13 лет. Муж работал в клубе заведующим библиотекой и преподавал в школе производственное обучение. У нас уже было трое детей: две дочери и сын. В 1959 году по окончании педучилища я получила направление на работу в Барзасскую среднюю школу. Приехали в Барзас. Нам дали домик на территории «Барзасспромохота». В этом же году мы взяли участок земли и начали строить свой дом. Рубить сруб и настилать крышу мужу помогали мужчины. Но всё остальное мы сделали сами, своими руками. Через год уже вселились в этот дом и так и живём в нём с тех пор. Раньше держали корову, свиней, птицу. Теперь от коровы отказались, муж не может уже заготавливать для неё сено: перенёс пять инфарктов, сейчас лежит в больнице с шестым...

Убедила мужа продолжить учёбу. Уже находясь в Барзасе, он закончил вечернюю школу и заочный факультет Кемеровского педагогического института. По образованию он историк. В нашей школе работал историком, завучем и директором. Он очень хорошо рисует. Здание классов производственного обучения, где теперь приютились ученики нашей сгоревшей школы, построено руками мужа и его учеников.

Как о человеке – обаятельной, справедливой и мягкой женщине – и как об учителе, о Софье Степановне очень высокого мнения педагоги Барзаса и Берёзовского. Ну и что ж, что она старенькая (да и не старенькая она!) – таких «стареньких» в

Барзасской школе из пятнадцати работающих педагогов семь человек. Ими, мудрыми и добрыми учителями старой закалки заквашивается то «хлебово» знаний, чем досыта и не во вред себе кормятся барзасские дети. «Отличник народного образования», Софья Степановна Разумова обучает сейчас уже детишек своих бывших учеников. И возможно, даже и внуков. Через её руки и жизнь прошла длинная череда вихрастых головок. Сейчас в её классе 15 ребятшек. Не так давно их было по 47, и 33 из них учились только на «хорошо» и «отлично». Многие из её учеников получили высшее образование и трудятся на различных предприятиях России. Три её ученицы – Л. Ф. Мороз, И. И. Еремина и К. Н. Максимова работают в Барзасской школе учителями. А её дочери, старшая из которых закончила эту школу с золотой медалью, тоже получили высшее образование. Одна из них работает завучем в ПТУ-18, другая живёт в Армавире.

— Сейчас в нашей стране трудно жить взрослым людям, – говорит Софья Степановна. – Трудно и детям. Для барзасских детей на эти трудности накладывается ещё и недостаток приспособленных для учёбы помещений, методичек, наглядных пособий и книг. Но дети не повинны в возникновении терзающих нас проблем. Им нужны знания. Их надо учить...

Я пришёл в больницу навестить Геннадия Андреевича. После перенесённого инфаркта он уже подлечился и выглядел бодро. Без предисловий охотно поведал о себе. Да, он принимал участие в битвах второй мировой войны, и, конечно же самые яркие, неизгладимые впечатления у него – о ней.

— До 1943 года, пока не достиг призывного возраста, я работал в колхозе деревни Романовка, – рассказывает он. – Призвали в армию, окончил курсы радистов. Нами высшее командование намеревалось укомплектовать диверсионные группы для работы в тылу врага. И готовило к этому основа-

тельно: помимо обращения с рацией обучали прыжкам с парашютом, ориентации на местности и другим, необходимым в тайной войне навыкам. Дислоцировались мы у военного аэродрома под Москвой. Но потребовались кадры в действующую армию, и нашу группу сибиряков-радиотов на самолёте перебросили на Чёрное море в порт Зализничий, где в обороне стояли потрёпанные в боях части 24-й гвардейской дивизии. В составе этой дивизии участвовал и я в боях по освобождению советских территорий от немецко-фашистских захватчиков. В 1944-45 годах – освобождали придунайские государства: Румынию, Хорватию, Венгрию, Австрию.

Воспоминания разбередили его душу: со слезами на глазах рассказывал он о форсировании Дуная, выходе из окружения во время проведения неудачной для советских войск Балатонской операции, гибели русских солдат в ожесточённых боях у Вуково, Будапешта, Сехефешвара. Из его памяти не исчезли, гне приглушились годами оскаленные злобой и болью лица солдат, разрывающие перепонки шквалы артиллерийского огня, стирающего с поверхности земли мирные поселения. Он навсегда запомнил ужас и отчаяние в глазах людей, обречённых на смерть. Но сам он выжил, он победил. Победил вместе с нашей страной.

За непосредственное участие в боях с немцами и проявленные при этом отличные боевые качества он был награждён медалью «За отвагу». Окончил войну Геннадий Андреевич в 1945 году на территории австрийского города Малтерн. Дивизию начали подготавливать для переброски на Дальний Восток. Но из-за скоротечности военных действий повоевать с японцами гвардейцам не пришлось. В 1946 году Разумова демобилизовали, и он возвратился в Романовку. С этого времени и начинается отсчёт его полувековой деятельности, направленной на воспитание детей и молодёжи

— Наше поколение, испытывшее все лихолетья войны, недоучившееся, недолюбившее, очень быстро повзросло. До призыва в армию я мог бы как-нибудь закончить десятилетку. Обучение в школе тогда было платным. Год учёбы стоил 500 рублей. А это – красная цена дойной коровы. У нас была корова, и мать (мы жили без отца) предложила продать её и продолжить моё учение. Но я, как старший, рассудил иначе: коровы всё равно на учёбу не хватит, недостающие средства брать неоткуда. Да и без коровы разве можно прокормить семью? Пошёл работать в колхоз, решил, что потом доучусь. И доучивался я после войны. Закончил школу, институт. В учёбе мне очень много помогала жена. В школе помимо истории и производственного обучения я занимался с ребятами военной подготовкой. Увлекаюсь лыжами, умею обращаться с оружием – всему этому я обучал ребят. И, видно, неплохо, если ученики Барзасской школы неоднократно занимали призовые места на соревнованиях среди школ области. Да и не только военной подготовкой отличались наши дети – на выездах а область они проявляли знания, эрудицию и своё мастерство настолько сильно и уверенно, что нас по праву относили к разряду городских школ а не сельских.

В целесообразности проведения перестроечных реформ в таком виде, как есть, я, коммунист и историк, сомневаюсь. Бывший секретарь горкома партии Комаров был делегатом от коммунистов Берёзовского на съезде партии, взявшем курс на перестройку. Когда он приехал со съезда, то собрал коммунистов посёлка и стал рассказывать о том, что происходило на съезде. Я спросил Комарова: «Покажите документ, программу перестройки государства». А он отвечает, что нет такой программы, её не принимали. Говорилось вообще о том, что вся наша прежняя жизнь подлежит переделке.

В общем, мне кажется, это не серьёзный рабочий съезд был, а говорильня. Если уж решили кроить жизнь по-новому, то не-

обходимо было досконально разработать до съезда и обсудить на нём программу. И тогда уже принять с учтёнными поправками документ, указывающий главные направления и практические способы изменения старого в пользу народа. Чтобы мы, рядовые граждане, могли себе чётко представить, что нам необходимо совершить. И увидеть, что же принесёт нам перестройка. Именно с того момента я не поверил в горбачёвскую перестройку.

А потом, когда Горбачёв выступал перед коллективом работников «ЗИЛа» (это выступление транслировалось по телевидению), я видел как он хотел привести по памяти в подтверждение своих слов цитату из Ленина и не смог её вспомнить. Он помялся мгновение перед людьми (это было очень заметно) махнул рукой и говорит: «Ну, в общем, Ленин в своих работах подтверждает то, что я вам сейчас изложил». Руководитель страны – это не Ванька-десятник с лесоповала. На него вся страна смотрит, все ошибки его подмечает...

Сейчас в больнице у нас зашёл спор о жизни, и даже самый молоденький из больных в палате высказался, что так дальше жить нельзя и только с приходом к власти коммунистов возможно улучшение социальных условий.

У Геннадия Андреевича много специальностей: он педагог и столяр, слесарь и шофёр, бондарь и художник-оформитель. Много из того, что он знает и может, оставалось невостребованным. Но вот, выйдя на пенсию с 1986 года, он два года отработал таксистом в Кемерово. Перед тем, как заболеть, выполнил заказ: делал кедровые бочки для солений училищу. Помогал также учителям школы восстанавливать сгоревшие наглядные пособия. Он – безотказный. Если его попросить – сделает, уважит. Здоровье бы только не служило помехой. Есть у него и любимые занятия: почитать книжки в свободное время, побродить по лесу. Вообще-то он ещё и охотник. И хотя ни одного медведя не лишил ещё жизни, но считает себя в этом плане удачливым: на его личном

счёту немало зайцев белок боровой птицы. Он и в этом году ещё надеется встать на лыжи. Болезнь-то на убыль пошла.

Сентябрь 1997 года.

ЦВЕТНОЙ ЭКИПАЖ

Разрез «Барзасский». Карьер. На вскрыше в слаженном ритме работает один экскаватор. Скоро запустят второй, но пока все восемь машин загружает этот. От него натужно гудя, без задержек отходят многотонные «Белазы». Сбоку справа послушной собачонкой прилепился дожидавшийся своей очереди «Белаз». Теперь и он встает под загрузку. Несколько ковшей со скрежетом выгребаемой вскрыши опрокидываются в бездонный кузов самосвала и он, удовлетворённо урча, тоже уезжает к отвалу. Отвал этот расположен не так и далеко и, экскаваторщикам приходится работать очень интенсивно. Но им не привыкать. И они справляются с задаваемым темпом работы. Но вот прозвучала сирена второго экскаватора – он тоже готов к работе. Теперь на каждый будет приходиться по четыре «Белазы» и можно передохнуть.

— Собственно говоря, подготовленный уголь отгрузить недолго. Если даже с 28 числа приступить к его добыче, то месячный план будет гарантирован, – рассказывает машинист экскаватора Николай Валентинович Рыжов, работающий в паре со своим помощником Андреем Анатольевичем Черновым. Прямо цветной экипаж – не иначе.

— Уголь-то под нами сейчас на глубине полутора метров. Для его вскрытия и подчистки понадобится не больше смены. А там только транспорт без задержек подавай – обеспечим! – он уверен в себе и в возможностях своей техни-

ки. Ему нравится работать экскаваторщиком. После школы он, живущий на Фёдоровке, подался на строительство ЦОФ Берёзовская и уже там на открывшихся курсах овладел этой престижной, по его мнению, специальностью. И работал экскаваторщиком до призыва в армию. Вернувшись после службы в армии домой, он устроился работать машинистом в Берёзовское ремонтно-строительное управление. Оно тогда в городе все шахты строило. От управления послали несколько зарекомендовавших себя с хорошей стороны машинистов переучиваться для работы на электрическом экскаваторе. В 1967 году Рыжов перешёл на ЭКГ помощником, а в следующем году его уже поставили машинистом. С 1975 по 1976-й год он подрядился делать вскрышу на разрезе «Черниговский». Работа хорошая и оплачиваемая. Но когда появилась возможность уехать в Нерюнгри на строительство угольного разреза, где мощность угольного пласта достигала 80 метров, всем экипажем они, молодые, и уехали.

Берёзовцы там были первыми жителями. Осваивать месторождение начали с установки палаток. Потом устанавливали уже бараки и привозные индивидуальные домики. Места там дикие – красота!.. Ну совсем как в кинофильме о строительстве Братской ГЭС. Те же трудности и они испытали тогда в полную меру.

Сейчас, конечно, Нерюнгри обустроился. Стал городом на заглядение. Николай оттуда вернулся в 1981 году. Домой потянуло. И другие парни, что с ним уезжали на стройку разреза, возвратились тоже. Один Анатолий Владимирович Синицын, бригадир, ещё там живёт. Понравилось, и остался.

По приезду в Берёзовский хотел Николай Валентинович вернуться на разрез «Черниговский». Но в это время как раз открывали разрез «Барзасский». Здесь нужны были рабочие руки. Да и деньги платили хорошие. Вот и устроился сюда. А на этом экскаваторе работает совсем недавно. Частями при-

везли его с «Уралмашзавода» в феврале этого года. После сборки в апреле загнали в забой. Собирали экскаватор Владимир Васильевич Тепляков, Андрей Викторович Гергенс, Андрей Иванович Карпов и он, Николай Валентинович Рыжов. Сейчас Николай на нём и трудится. Отличная машина. Работать на ней одно удовольствие. То, что требуется от неё, выполняет без натуги. Ежемесячные планы по вскрыше и отгрузке угля даже частенько перекрываются.

На жизнь лично Рыжов не жалуется: есть квартира, сын уже женат – от Берёзовской автобазы работает тоже на разрезе водителем БелАЗа, порою и отца обслуживает. Как и все, Рыжов ждёт, какие же начислят дивиденды. А как же – первый год самостоятельной работы!

Есть у Николая Валентиновича страсть – охота. И рябчиков приносит домой, и зайцев. И по лицензии на крупную дичь охотился. Этим летом, правда, был занят: огороды отняли всё свободное время. А так всегда он на охоте. Хобби не хобби, а удовольствие в этом находит преогромное.

Вот такой он, Рыжов, один из тех рабочих, о которых вследствие достигнутых ими высоких показателей в работе писали раньше очерки с аршинными заголовками. Полосы газет посвящали им. Маяками производства величали. На них, передовых людей советского строя, предлагали равняться простому народу. Сейчас – капиталистический строй. По крайней мере, мы возвращаемся к нему. Но основные-то ценности от смены общественного строя не изменились. Добросовестный и честный труд всегда был и будет верным мерилom человеческих достоинств. И мою убеждённость в этом не способны поколебать никакие мировые катаклизмы. Ведь в отношении к своему труду высвечивается вся наша сущность.

Ноябрь 1992 года.

МАСТЕР БОЕВОЙ ПЕРЧАТКИ

Для своих 53 лет Анатолий Петрович Данилов, плотно скроенный, подвижный, среднего роста мужчина выглядит очень неплохо. В этом нет особого секрета.

Анатолий Петрович – мастер спорта по боксу. Подчеркнём – единственный мастер по этому виду спорта, проживающий в нашем городе. Родился он в Крапивино. Затем, в пятидесятых годах, родители его переехали в Новокузнецк. Здесь после восьмилетки Анатолий поступил учиться профессии сварщика в монтажное училище. Там и начал он заниматься боксом у известного сейчас всему миру тренера В. Ф. Рыбалкина, подготовившего много мастеров боевой перчатки, в том числе и олимпийского чемпиона Юрия Арбачакова.

Увидел тренер, что этот серьёзный парень полюбил бокс по-настоящему. Упорные занятия позволили Данилову ещё до армии, в 1961 году выполнить норму первого разряда. В армии, служа на крейсере «Калинин», он продолжает заниматься боксом. На проводившихся между военнослужащими зональных соревнованиях Анатолий выступает очень успешно (первое место), его замечают, и, когда по приказу министра Вооружённых Сил на флоте и в военных частях начали создавать спортивные роты, он попадает в одну из таких рот во Владивостоке.

На тренировках он основательно подготавливает себя к спортивным состязаниям. С 1961 по 1963 годы в своей весовой категории Анатолий становится призёром Тихоокеанского флота, выигрывает первенство Приморского и Хабаровского краёв, становится призёром Дальневосточной зоны. Его включают в состав сборной вооружённых Сил. Он становится призёром Военно-Морского Флота СССР, а затем – вторым призёром на соревнованиях всех Вооружённых Сил страны.

В 1963 году Данилову присваивают звание мастера спорта СССР по боксу. А для того, чтобы получить звание мастера спорта, необходимо в течение одного года провести бои с пятью мастерами спорта или с пятнадцатью перворазрядниками, на соревнованиях не ниже республиканского значения. И у всех абсолютно противников эти бои выиграть. Этого в 1963 году и добился Данилов.

Достичь этой высоты было конечно же, нелегко. Ведь именно тогда в Вооружённых Силах сконцентрировался весь цвет спортивной молодёжи страны. Попасть в сборную СССР было намного проще, чем в сборную Вооружённых Сил. Из 10 человек каждой весовой категории в сборной СССР 8 человек было из состава Вооружённых Сил.

— Я прошу Данилова назвать наиболее именитых соперников и результаты его встреч с ними.

— Сейчас не упомнишь всех соперников. Могу сказать, что состязался со многими, наиболее сильными боксёрами СССР 70-х годов. Встречался с Баранниковым, он был дважды призёром Олимпийских Игр. Ему я проиграл. Сильный боец. Потом встречался с Игорем Азырбаевым, он был призёром чемпионата СССР. У него я бой выиграл. Вообще, я провёл 98 официальных боёв, из которых проиграл только в семнадцати.

— Наверное, не один раз вам приходилось оказываться в нокдауне или нокауте?

— Нокдаун – это лёгкое сотрясение от сильного пропущенного удара. Раза два меня достигали такие удары. В нокауте, то есть лежащим на ринге без сознания, я не был ни разу.

— Вы говорите, что любите бокс, как вид спорта. Но какое же удовольствие можно испытывать, молотя кулаками по голове своего противника?

— Бокс – это искусство. Это спорт сильных и смелых. Конечно же он не всякому по плечу. Но я бесконечно был рад

каждому безукоризненно проведённому удару и радовался, когда выигрывал бой у очень сильного противника.

— А когда проигрывали, то очень переживали?

— Случалось. Даже до слёз. Но уже по другому поводу – от злости, что не смог одолеть противника. Вкус поражения, как и слёзы, одинаково горек. Чего же стесняться было своих слёз?

— А после армии вы занимались спортом?

— После армии я жил в Кемерово. Выступал на областных соревнованиях и за область. С 1972 года живу в Берёзовском. На ринге уже не выступаю, но как судью первой категории меня постоянно приглашают на соревнования по боксу.

— А вы тренером по боксу не пытались работать? Ведь у вас солидный опыт и знания техники ведения боя.

— Нет. Очень мало платят тренерам. На такую зарплату не проживёшь. Может быть, после того, как уйду на пенсию, я вернусь в спорт в качестве тренера. Но загадывать пока не стоит.

До пенсии Анатолию Петровичу осталось полтора года. А работает он сварщиком в мехмастерской БШСМУ? Хочется, очень хочется, чтобы Анатолий Петрович вновь занялся любимым делом, чтобы передал нашим мальчишкам свою любовь боксу, этому боевому виду искусства, воспитал из них достойных мужчин.

1998 год.

БЫВШИЙ МОРЯК

Морскому флоту России – 300 лет. Берёзовский – город сухопутный, однако и в нём проживают мужчины, служившие на флоте, ходившие по морям и океанам, И даже успешные повоевать за Родину в годы Великой Отечественной

войны. Бывший моряк – Константин Николаевич Колосов рассказывает:

— Призвали меня в армию в 1936 году. А так как я родился в Ленинграде, а потом жил в Калининграде, рядом с морем – то попал во флот. Сначала два года обучался морскому делу в военно-морской школе на Васильевском острове. Получил специальность моториста.

В 1938 году курсантов, окончивших эту школу, направили на Ладожское озеро, где молодых моряков обучали тактике ведения боя и обращению с корабельным оборудованием. Ладожское озеро большое, штормы на нём разыгрывались совсем как в море, так что мы проходили практику в условиях, мало чем отличающихся от настоящих, морских. Плавали мы на остров Валаам, расположенный на этом озере. Там одни монастыри и церкви, золотистые купола которых видно издалека. Заповедное место.

В начале войны немцы думали, что им в кратчайшие сроки удастся захватить Ленинград – этот крупнейший промышленный центр, важный стратегический пункт и морской форпост на северо-западе страны. Их мощная группа армий «Север» вторглась в Прибалтику и повела наступление на Ленинград. Продвигались немцы очень быстро, рассчитывая завладеть Ленинградом в июле 1941 года. Да не по зубам орешек оказался.

Я начал службу в четвёртой морской бригаде на транспортном буксире, у которого из вооружения была одна пушка да дымовая завеса. Буксир мог вместить до батальона войск морской пехоты. На нём мы и перебрасывали войска на Линопая, Мгу, Алембаум, Кронштадт. А затем, когда был отдан приказ Ставки держаться правого берега Невы и не пропустить врага к Шлиссельбургу, моряки буксира в составе батальона пехоты принимали участие в обороне этого населённо-

го пункта. После корабля да на сушу, собственно не на сушу, а в болотистую местность высадились мы и двинулись навстречу немецким войскам.

Где в данный момент находятся они, мы не знали. Наше продвижение стало известно противнику, и к ночи он обрушил с самолётов на нашу колонну шквал бомб и подключил свою артиллерию. Взрывы бомб, свист осколков, столбы грязи и воды разбросали нас по всей местности. Командир взвода Полонский бросил бинокль, планшетку, наган и побежал в темноту от солдат. А помощнику командира взвода на моих глазах оторвало снарядам обе ноги. Через некоторое время и меня накрыло.

Очнулся я в госпитале в Шлюссельбурге. Оттуда меня переправили в Вологду, а затем в Свердловск, где врачи сделали операцию, подлечили и направили на отдых в Батуми.

После трёх месяцев отдыха у тёплого моря, с июня по сентябрь 1942 года, я воевал под Архангельском командиром отделения полка 89-й морской пехоты. А затем понадобилась моя специальность, я стал членом экипажа минного катера, вошёл в состав пятой бригады минных катеров Черноморского флота.

Самих катеров ещё не было в бригаде, экипаж направили в Ярославль. Получили мы пять катеров, загрузили их на платформы и по железной дороге, а затем по Днепру – добрались до моря. Катера эти надо было подогнать к Одессе. При заходе в бухту на mine подорвался и затонул флагманский корабль. Следующий за ним катер отклонился чуть в сторону и тоже взорвался. Видно было, как раскололся надвое его корпус и он вместе с матросами погрузился в воду. Никого из них спасти не удалось. Встали мыв дрейф, сутки прождали лоцмана, чтобы провести катера к городу через минные заграждения. Никто не прибыл и мы повернули назад. Взяли курс на Хорон.

Оттуда поплыли в Запорожье. Стали ждать дополнительной комплектации людьми и катерами. Меня оттуда забрали и направили в город Измаил. Там служил в штабе армии. Возил пакеты с сопровождающим. С армией прошёл Румынию, Венгрию, Чехословакию, Болгарию. Имею награды: медаль «За отвагу» и «За победу над Германией».

После войны до 1947 года служил в Архангельске на минном катере старшиной второй статьи. После демобилизации завербовался в Кургановское лесничество. Работал в различных организациях лесорубом, бульдозеристом, грузчиком. С 1958 по 1971 года – крепильщиком на шахте «Берёзовская -1».

Сейчас Константин Николаевич Колосов пенсионер, ему 81 год. Это теперь не бравый моряк. Он пожилой человек, нуждающийся в постоянной опеке своих родных. Но в сознании Константина Николаевича не угасло ещё пламя войны и он до сих пор чувствует себя частицей русского флота.

1996 год.

СОДЕРЖАНИЕ:

Быстро летит время.	3
Как хорошо, что вы есть.	7
Он жил, как велело время.	13
Жертва.....	16
Воин-сибиряк из Бердовки.	21
Такая женщина.	26
Камрань.....	30
Как это было?..	43
Я теперь не верю Президенту.....	48
Всё для фронта, всё для Победы.....	54
Человек с двойным сердцем.	59
След Чернобыльской трагедии.	64
Созидатель.....	70
Её больше в лес не тянет.	79
Держитесь за землю.	83
У Максима.	88
Немецкой пушкой, да по немцам!	91
Вокруг нас пока ещё много Природы.	96
Откуда они, «новые русские»?.....	100
Их родиной стал Барзас.	105
В Канаде играют в хоккей.....	120
Один из немногих оставшихся.	124
За эту землю, за эту ниву.....	129
Вместо детства была война.	132
Сто лет под земаёй.	136
Современник наших отцов.	143
Арбузы на бахчах Берёзовского.....	149
Военные дороги.	152
Один из первых.	157
А вы помните Леонида Степановича Резвых?	162

Наш Сафиулин – чемпион мира!..	167
Ночёвка под ёлочкой.	174
Крылья растут от любви.	179
Меня она убедила..	183
Я не ропщу..	187
О войне и о жизни	192
Обделённая Успенка	198
Не забывается такое никогда	210
Юбилей Алексея Петровича.	215
Долгожительница.	219
Жила радостями сына, теперь – внучат..	224
Надо, чтобы вся Россия работала...	229
Творец.	235
Волшебство по заказу.	240
Женщина, которая поёт.	247
Родилась я уже здесь	253
За что воевали?..	259
Зачем губить невинную душу..	262
Лауреат премии Кузбасса.	267
Что может быть слаще мёда? .	276
Конь Юрка.	284
«Я оптимист».	294
Обладатель арсенала наград и болезней.	299
Первооткрыватель трущоб.	304
Пять внуков...	308
Семья педагогов.	312
Цветной экипаж.	319
Мастер боевой перчатки.	322
Бывший моряк.	324

УДК 821(161.1)

ББК 84.3Р7

Р-66

Роков В. П.

Р 66 Такие мы все разные. Сборник рассказов. II

[Текст.]/**Роков Валентин Петрович.** –

Типография ГО КО «Кузбасский центр искусств»,

2017 г. – 330 с.

16+

Редакция и корректора автора.

Вёрстка: А. Торошин

(toroshinandrey@mail.ru)

© **Роков В.**, 2017

Подписано в печать 20.05.2017.

Отпечатано в типографии ГО КО «Кузбасский центр искусств»:

г. Кемерово, улица Дзержинского, дом 6. 650000. Тел: (3842) 75-07-88

Тираж 100 экз.

